

ИНТЕЛЛИГЕНЦИЯ И МИР

Российский междисциплинарный журнал социально-гуманитарных наук

Зарегистрирован в Федеральной службе по надзору за соблюдением законодательства
в сфере массовых коммуникаций и охране культурного наследия
(Свидетельство о регистрации **ПИ № ФС 77-21093** от 19 мая 2005 г.)

*Журнал включен ВАК РФ в Перечень ведущих рецензируемых научных журналов
и изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты
диссертаций на соискание ученых степеней кандидата и доктора наук
(ред. от 19.02.2010 г.).*

2016

Ежеквартальное издание

№ 1

Основан в 2001 г.

Проблемным советом РФ «Интеллигенция. Культура. Власть»

Учредитель ФГБОУ ВПО «Ивановский государственный университет»

Редакционная коллегия

доктор исторических наук, профессор **В. С. Меметов** (*главный редактор*)
доктор политических наук, профессор **Ю. М. Воронов**
доктор философских наук, профессор **Г. С. Смирнов**
доктор исторических наук, профессор **С. М. Усманов**
(*заместитель главного редактора*)
доктор исторических наук, доцент **Д. А. Смирнов**
кандидат исторических наук **А. К. Калинин**
кандидат исторических наук, доцент **В. В. Комиссаров**
кандидат исторических наук, доцент **Н. Г. Юркин**
(*ответственный секретарь*)

*Издается НИИ интеллигентоведения
при Ивановском государственном университете*

Точка зрения авторов публикаций может не совпадать с мнением редакционной коллегии.
Перепечатка без разрешения редакции журнала «Интеллигенция и мир» не допускается.

*Электронная копия журнала размещена на сайтах
www.elibrary.ru, www.ivanovo.ac.ru, www.cceol.com*

Подписной индекс
в каталоге «Пресса России»
41533

© НИИ интеллигентоведения при ИвГУ, 2016
© ФГБОУ ВПО «Ивановский
государственный университет», 2016

ISSN 1993-3959

INTELLIGENTSIA AND THE WORLD

Russian Interdisciplinary Journal of Humanities

Registered by Federal Service for Control of Observation of the Law
on Mass Communication and for the Preservation of Cultural Heritage
(Registration License **ИИ № ФС 77-21093** on 19.05.2005)

*The journal is peer-reviewed and recommended by the Supreme Attestation Commission
of the Russian Federation to publish main results of Doctors
and Candidates of Sciences dissertations (issued on 19.02.2010)*

2016

Quarterly

№ 1

**Founded in 2001 by the Council «Intelligentsia. Culture. Power»
of the Russian Federation**

Founded by Ivanovo State University

Editor-in-Chief Prof. **Valery S. Memetov**, Dr. of History

Editorial Board

Prof. **Yury Voronov**, Dr. of Politics

Prof. **Grigory Smirnov**, Dr. of Philosophy

Prof. **Sergey Usmanov**, Dr. of History (*Deputy Editor-in-Chief*)

Assoc. Prof. **Dmitriy Smirnov**, Dr. of History

Alexander Kalinin, Cand. of Sc. (History)

Assoc. Prof. **Vladimir Komissarov**, Cand. of Sc. (History)

Assoc. Prof. **Nikolay Yurkin**, Cand. of Sc. (History) (*Secretary of the Board*)

*Edited by the Research Institute on Intelligentsia Studies
at Ivanovo State University*

The authors' views may differ from the viewpoint of the Editorial Board.
No reprints without the Editorial Board permission allowed.

*The e-copy of the issue can be accessed at
www.elibrary.ru, www.ivanovo.ac.ru, www.cceol.com*

Subscription index
in the «Press of RF» catalogue
41533

© Research Institute on Intelligentsia Studies
at Ivanovo State University, 2016
© Ivanovo State University, 2016

Редакционный совет

В. С. Меметов, Ивановский государственный университет (председатель Редакционного совета); **А. И. Аврус**, Саратовский государственный университет; **Ю. М. Воронов**, Ивановский государственный политехнический университет; **А. А. Данилов**, Институт Всеобщей истории РАН; **Э. Б. Ершова**, Государственный университет управления (Москва); **О. В. Золотарёв**, Сыктывкарский государственный университет им. Питирима Сорокина; **Г. Н. Кныш**, Днепропетровский национальный университет (Украина); **И. В. Кондаков**, Российский государственный гуманитарный университет (Москва); **М. И. Кондрашёва**, Уральская государственная юридическая академия (Екатеринбург); **Г. В. Корзенко**, Институт истории Национальной Академии наук Беларуси (Минск); **Г. Н. Кочешков**, Ярославский государственный педагогический университет; **И. В. Купцова**, Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова; **Д. А. Макеев**, Владимирский государственный университет; **В. А. Мансуров**, Институт социологии РАН (Москва); **И. И. Осинский**, Бурятский государственный университет (Улан-Удэ); **С. Н. Полторац**, Санкт-Петербургский государственный университет телекоммуникаций; **Д. И. Польшин**, Ивановский государственный университет; **В. А. Порозов**, Пермский государственный гуманитарно-педагогический университет; **Е. М. Раскатова**, Ивановский государственный химико-технологический университет; **А. В. Репников**, Российский государственный архив социально-политической истории (Москва); **В. Г. Рыженко**, Омский государственный университет; **И. В. Сибиряков**, Южно-Уральский государственный университет (Челябинск); **Ф. Х. Соколова**, Северный (Арктический) федеральный университет им. М. В. Ломоносова (Архангельск); **А. А. Соловьёв**, Костромской государственный технологический университет; **В. Л. Соскин**, Новосибирский государственный университет.

Editorial board

V. S. Memetov, Ivanovo State University (Chairman of the Editorial Board); **A. I. Avrus**, Saratov State University; **Y. M. Voronov**, Ivanovo State Polytechnical University; **A. A. Danilov**, Institute of General History of the Russian Academy of Sciences; **E. B. Ershova**, State University of Management (Moscow); **O. V. Zolotaryov**, Syktyvkar State University named after Pitirim Sorokin; **G. N. Knysh**, Dnepropetrovsky State University (Ukraine); **G. N. Kocheshkov**, Yaroslavl State Pedagogical Institute; **I. V. Kondakov**, Russian State Humanitarian University (Moscow); **M. I. Kondrashyova**, Ural State Academy of Law (Ekaterinburg); **G. V. Korzenko**, Institute of History of the National Academy of Sciences of Belarus (Minsk); **I. V. Kuptsova**, Moscow State University named after M. V. Lomonosov; **D. A. Makeev**, Vladimir State University; **V. A. Mansurov**, Institute of Sociology of the Russian Academy of Sciences; **I. I. Osinsky**, Buryat State University (Ulan-Ude); **S. N. Poltorak**, St. Petersburg State University of Telecommunications; **D. I. Polyvyanny**, Ivanovo State University; **V. A. Porozov**, Perm State Humanitarian Pedagogical University; **E. M. Raskatova**, Ivanovo State University of Chemistry and Technology; **A. V. Repnikov**, Russian State Archive of Social and Political History; **V. G. Ryzjenko**, Omsk State University; **I. V. Sibiriyakov**, South Ural State University (Chelyabinsk); **F. H. Sokolova**, Northern (Arctic) Federal University named after M. V. Lomonosov (Arkhangelsk); **A. A. Solovyev**, Kostroma State Technological Institute; **V. L. Soskin**, Novosibirsk State University.

СОДЕРЖАНИЕ

ИЗ ИСТОРИИ ИНТЕЛЛИГЕНЦИИ

- Кураев А. Н.* Интеллигентские союзы в России
в 1905—1907 годах 9
- Трифонова Г. А., Черная Е. В.* Профессиональная и научная
деятельность первых выпускников Дальрыбвтуза
по развитию рыбной отрасли дальневосточного региона 23
- Тюленев В. М.* Традиции греко-римской образованности
при остготском королевском дворе на рубеже V—VI вв. 35
- Назаров И. Д.* Роль интеллигенции в формировании
нравственных оснований правосудия Нового времени:
этико-философский анализ 45

ИЗ ИСТОРИИ ВОЕННОЙ ИНТЕЛЛИГЕНЦИИ

- Чередникова А. Ю.* Переводчики Великой Отечественной
войны как представители советской военной
интеллигенции (По материалам мемуарного наследия) 53

ИНТЕЛЛИГЕНЦИЯ В СОВРЕМЕННОМ ОБЩЕСТВЕ

- Кулешова И. Н., Минников В. К.* Социально-психологические
особенности политического мировоззрения и политической
активности современной интеллигенции 66
- Зубкевич А. А., Казаков М. А.* Личностный срез нравственно-
этического компонента современного политического
лидерства (На примере гендерной асимметрии) 76

ДИСКУССИЯ

<i>Коваленко С. В.</i> Духовные ценности как основа исторического исследования и образования в России	89
---	----

ПО СЛЕДАМ ПРОЧИТАННОГО

<i>Габриель Н. Л.</i> Отражение процесса пополнения российской интеллигенции в серии «Народные мемуары»	102
---	-----

Валерий Степанович Волков – Ученый, Педагог, Гражданин ...	112
---	-----

<i>Аннотации</i>	130
------------------------	-----

<i>Информация для авторов</i>	138
-------------------------------------	-----

CONTENTS

FROM THE HISTORY OF INTELLIGENTSIA

- Kurayev A. N.* The intelligentsia unions in Russia
in 1905—1907 9
- Trifonova G. A., Chernaya E. V.* Professional and scientific
activity of the first graduates of the Far East State Technical
Fishery University aimed at development of fishing industry
in the Far East region 23
- Tyulenev V. M.* Traditions of the Greek-Roman education
at the ostrogothic Royal Court at the boundary
of the 5th — 6th centuries 35
- Nazarov I. D.* The role of intelligentsia in formation of the moral
basis of justice of Modern times: an attempt at ethic
and philosophical analysis..... 45

FROM THE HISTORY OF MILITARY INTELLIGENTSIA

- Cherednikova A. Yu.* Translators of the Great Patriotic War as
representatives of the Soviet military intelligentsia
(Based on the materials of memoirs heritage) 53

INTELLIGENTSIA IN CONTEMPORARY SOCIETY

- Kuleshova I. N., Minnikov V. K.* Social and psychological features
of political outlook and political activity of the contemporary
intelligentsia 66
- Zubkevich A. A., Kazakov M. A.* A personal cut of a moral and
ethical component of contemporary political leadership
(On the example of gender asymmetry) 76

DISCUSSION

<i>Kovalenko S. V.</i> Cultural wealth as a basis of historical research and education in Russia	89
---	----

MAKING CONCLUSIONS

<i>Gabriel N. L.</i> Reflection of the Russian intelligentsia replenishment process in the «National Memoirs» series	102
---	-----

Valery Stepanovich Volkov — the Scientist, the Teacher, the Citizen	112
---	-----

<i>Annotations</i>	134
--------------------------	-----

<i>Information for authors</i>	138
--------------------------------------	-----

ИЗ ИСТОРИИ ИНТЕЛЛИГЕНЦИИ

ББК 63.3(2)532-283.2

А. Н. Кураев

ИНТЕЛЛИГЕНТСКИЕ СОЮЗЫ В РОССИИ В 1905—1907 ГОДАХ

В начале XX века в России очаги конфронтационности между властью и обществом слились в единый системный общенациональный кризис. По сравнению с западноевропейскими странами синхронного типа развития, где в ходе модернизации были созданы рыночная экономика, гражданское общество и правовое государство, в странах асинхронного типа развития, к каковым принадлежала Россия, модернизация своей основной задачи в полном объеме не решила. Более того, в России произошло наложение противоречий разных исторических эпох — дофеодальной, феодальной и буржуазной¹.

Небывалое обострение социально-экономических, внутри- и внешнеполитических, идеологических, национальных противоречий привело к Первой русской революции — революции 1905—1907 гг. В XIX веке в России случались лишь революционные ситуации, когда массы играли важную, но отнюдь не главную роль. Но в 1905 г. разразилась революция, важнейшей составной частью которой являлись массовые движения пролетариата, крестьянства, а также низших и средних слоев интеллигенции и служащих. Стремительное развитие этих движений привело к созданию внепартийных массовых общественных

© Кураев А. Н., 2016

Кураев Алексей Николаевич — доктор исторических наук, профессор, профессор кафедры истории Московского государственного университета технологий и управления им. К. Г. Разумовского (Первый казачий университет). cool.kuraev@mail.ru

организаций — Советов, пролетарских профессиональных союзов (до революции они находились в зачаточном состоянии), Всероссийского крестьянского союза (ВКС) и Союза союзов. Все эти организации являлись общественными структурами, т. е. структурами гражданского общества.

Отметим главные отличительные признаки внепартийных массовых общественных организаций.

Во-первых, они являлись общественными структурами, независимыми в идейном и организационном плане от государственной власти и политических партий. В эти организации входили как беспартийные, так и члены многих партий, т. е. люди разных убеждений.

Во-вторых, внепартийные организации не были узаконены (кроме некоторых профсоюзов), но действовали открыто. Поэтому из-за своей революционной позиции они подвергались непрерывным репрессиям со стороны властей и предпринимателей и в результате были разогнаны или вынуждены уйти в подполье, что означало невозможность их дальнейшей деятельности.

В-третьих, эти организации не только по названию, но и по своей сути были массовыми. Под последним понимается как их многочисленность (счет шел на сотни тысяч человек), так и то, что члены многих организаций являлись депутатами, избранными от народных масс.

Действовавшие в 1905—1907 гг. Союз союзов и входившие в него профессионально-политические союзы интеллигенции и служащих (в Союз союзов входили 20 всероссийских союзов численностью около 135 тыс. человек, не считая членов ВКС; наиболее крупные — железнодорожный, почтово-телеграфный и учительский союзы) представляли собой особый тип организации, отличный от обычных российских профсоюзов. Во-первых, в своей деятельности они уделяли главное внимание не профессиональным, а политическим задачам. Профессиональные рамки служили для них удобной формой вовлечения в политическую борьбу новых членов и обеспечивали относительную безопасность от репрессий, т. е. это были политические объединения, организованные по профессиям. Во-вторых, профессионально-политические союзы функционировали во всероссийском масштабе.

Главная причина возникновения подобных союзов заключалась в том, что революция пробудила к активной общественной жизни самые широкие городские демократические слои, породила в них стремление к объединению в борьбе за свои не только экономические, но и политические интересы. В то же время эти слои еще не имели политического опыта и не созрели для вступления в ряды партий, тем более что последние в России к 1905 г. сами еще находились в стадии становления.

С самого возникновения интеллигентских союзов в историографии шли споры об их политической ориентации и реальной роли в событиях Первой русской революции. Оценка Союза союзов как либерально-буржуазной организации продолжала сохраняться в советской историографии вплоть до конца 1970-х гг. И лишь в первой половине 1980-х гг. в коллективных трудах ученых Института истории СССР АН СССР данная оценка была поставлена под сомнение². Союзу союзов посвящены две статьи и кандидатская диссертация С. Н. Дмитриева³. Он писал: «В ходе революции на революционные позиции перешло большинство входивших в Союз союзов организаций и основная часть объединенных в нем слоев»⁴. Однако политика большевиков, меньшевиков и эсеров в отношении Союза союзов рассматривалась Дмитриевым со свойственных советской историографии тенденциозных позиций. Он поддержал и оправдал линию большевиков на раскол профессионально-политических союзов интеллигенции и служащих и создание одноименных социал-демократических союзов. Роль же меньшевиков и особенно эсеров в создании и деятельности Союза союзов Дмитриев явно недооценивал. Поэтому, на наш взгляд, в историографии ощущается необходимость объективно и комплексно рассмотреть деятельность интеллигентских союзов в 1905—1907 гг., в том числе их взаимоотношения с политическими партиями.

Наиболее прочными позициями в Союзе союзов и в других профессионально-политических союзах интеллигенции и служащих располагали вначале «освобожденцы» и кадеты. Это выразилось, в частности, в принятой I съездом Союза союзов (8—9 мая 1905 г., Москва) политической платформе. В ней было записано: «Союз Союзов есть орган, объединяющий на федеративных началах автономные всероссийские союзы, ведущие

борьбу за политическое освобождение России на началах демократизма, и ставящий целью устройство правильных сношений с союзами и выполнение тех действий, которые союзы признают служащими для достижения их общей политической задачи»⁵. Подобная ситуация объяснялась рядом факторов.

Во-первых, само создание в январе — мае 1905 г. Союза союзов и других подобных ему организаций произошло под влиянием «Союза освобождения», тем более что последний еще на своем II съезде (20—22 октября 1904 г., Санкт-Петербург) принял постановление о начале агитации за образование профессионально-политических союзов⁶. После издания 18 февраля 1905 г. императором Николаем II рескрипта на имя министра внутренних дел А. Г. Булыгина «освобожденцы» призывали воспользоваться этим актом как легальным основанием для фактического осуществления права на свободу собраний и союзов⁷. Неудивительно поэтому, что либералы приветствовали возникновение союзов, расценивая этот процесс как рост организации оппозиционных сил русского общества⁸. Многие видные члены «Союза освобождения», а впоследствии кадетской партии приняли самое активное участие в создании и деятельности профессионально-политических союзов.

Назовем лишь некоторых из этих деятелей. П. Н. Милуков — председатель Союза союзов с 24 мая до его ареста 7 августа 1905 г.; М. Л. Мандельштам — член Центрального бюро Союза союзов и Центрального бюро Союза адвокатов; Г. А. Фальборк — член Центрального бюро Союза союзов, член Вольного экономического общества, один из основателей комитета грамотности; А. С. Ломшаков — председатель Союза инженеров; Н. В. Тесленко — председатель I Всероссийского съезда адвокатов в 1905 г., председатель Совета думских гласных, член московского Совета присяжных поверенных; Ф. И. Родичев — председатель съезда Союза адвокатов в марте 1905 г., сотрудник Вольного экономического общества; О. Я. Пергамент — один из учредителей и активных работников Союза союзов и Союза адвокатов, с 1905 г. председатель Совета присяжных поверенных Одесского округа; М. М. Винавер — один из учредителей и ведущих деятелей Союза для достижения полноправия еврейского народа в России (с марта 1905 г.), Союза российских писателей

и Союза адвокатов, председательствовал на съездах адвокатов, с 1905 г. председатель гражданского отделения юридического общества при Петербургском университете; А. М. Александров — один из организаторов Всероссийского союза адвокатов; А. А. Брандт — член Союза союзов и Союза инженеров, член Общества вспомоществования недостаточным студентам Института инженеров путей сообщения; А. С. Фаминцын (Фаминицын) — в 1906—1909 гг. президент Вольного экономического общества; А. А. Савельев — член Вольного экономического общества, член-сотрудник Петербургского юридического общества; В. И. Вернадский — один из основателей и член Московского бюро Академического союза, участник создания других профессионально-политических союзов интеллигенции и служащих; Н. В. Некрасов — участник организации группы Академического союза в Томске в 1905 г.; С. А. Муромцев — в 1905 г. заместитель председателя Московского совета присяжных поверенных; А. Р. Ледницкий — член московских совета адвокатов и совета присяжных поверенных, член аграрных обществ в Москве, Смоленске, Вильно, Минске, Варшаве; Н. Н. Шнитников — член Совета присяжных поверенных Петербурга; В. И. Долженков — организатор Курского общества врачей, один из учредителей Общества содействия начальному образованию в г. Курске; А. А. Токарский — председатель Общества вспомоществования недостаточным молодым людям в г. Саратове, член ряда местных просветительских обществ; Г. Б. Иоллос — участник Союза для достижения полноправия еврейского народа в России; председатели сельскохозяйственных обществ Г. Н. Костромитинов, П. А. Сафонов, Я. Я. Теннисон (соответственно Самарской, Саратовской и Лифляндской губерний).

Во-вторых, у Конституционно-демократической партии (КДП) и союзов была единая социальная основа — интеллигенция и служащие.

В-третьих, происходил и обратный процесс. Ряд профессионально-политических союзов участвовал в создании КДП, в ее состав вошли многие структурные подразделения и отдельные члены союзов. Например, в октябре 1905 г. в Курскую организацию кадетов влились представители Крестьянского союза и Союза союзов; в Ставропольскую — Общества для распространения

политической литературы среди народа, Общества взаимопомощи учителей (в том числе 47 членов Союза учителей); в состав Ставропольского губернского комитета КДП вошли представители общества грамотности⁹. В сентябре 1906 г. с Саратовской организацией кадетов объединился местный Союз адвокатов, что, по отзыву председателя Саратовского комитета КДП А. А. Токарского, положительно повлияло на привлечение в партию «рабочих и крестьян, оценивающих наличность дармовой защиты»¹⁰.

Но, несмотря на все эти благоприятные для либералов и кадетов моменты, политическая линия профессионально-политических союзов по мере развития революции всё дальше уходила влево от позиции «Союза освобождения», а затем и КДП. Почему? Из-за обострения классовой борьбы средние городские слои всё более радикализировались и активно втягивались в революционный процесс, они переставали верить в возможность либерально-реформистского решения стоявших перед страной проблем.

Уже III съезд Союза союзов (Санкт-Петербург — Териоки, 1—3 июля 1905 г.) высказался за бойкот выборов в законосовещательную Булыгинскую думу, несмотря на горячие протесты П. Н. Милюкова (он в то время был одним из лидеров «освободительного» движения). Милюков тогда еще надеялся на успех в Союзе союзов, так как решение о бойкоте не было единогласным: 9 союзов — за бойкот, 3 — за участие в выборах, 4 — воздержались. Как уже упоминалось, 7 августа Милюков был арестован в должности председателя Союза союзов. За месяц, который он провел в тюрьме, профессионально-политические союзы настолько революционизировались, что, по воспоминаниям самого Милюкова, после выхода на свободу его связь с Союзом союзов окончательно оборвалась и «вообще о моем сотрудничестве с (петербургским) Союзом союзов не могло быть и речи». Милюков отмечал, что вся последующая деятельность Союза союзов была «совершенно неприемлема» для кадетов¹¹.

В октябре — декабре 1905 г. многие профессионально-политические союзы интеллигенции и служащих активно участвовали во всех общенациональных и многих местных забастовках. Так, Почтово-телеграфный союз сыграл решающую роль

в организации и проведении Всероссийской забастовки работников почт и телеграфа (15 ноября — 15 декабря). Союзы налаживали сотрудничество с революционными партиями и организациями, что выразилось в их участии в подготовке совместных акций, взаимной материальной поддержке, противостоянии репрессиям властей и предпринимателей. Союз союзов оказывал посильную помощь в подготовке восстаний, а в Москве боевые и медицинские дружины некоторых союзов непосредственно участвовали в боевых действиях восставших. IV съезд Союза союзов (январь 1906 г.) выступил за полный бойкот I Государственной думы и включил в устав союзной организации лозунг созыва Учредительного собрания на основе всеобщего равного прямого и тайного голосования. В сентябре 1905 г. произошли заметные изменения в руководстве Союза союзов, преобладающее положение в нем заняли лица «левее кадетов»¹².

С этого же периода в профессионально-политических союзах интеллигенции и служащих стало преобладать влияние Партии социалистов-революционеров (ПСР). Корни этого влияния лежали главным образом в давних и прочных связях эсеров с прогрессивной интеллигенцией.

Социалисты-революционеры сыграли решающую роль в создании в апреле 1905 г. отличавшегося особой боевитостью Всероссийского железнодорожного союза (ВЖДС). В Центральном бюро (ЦБ) Союза ведущие позиции сразу же заняла группа эсеров, в которую входили В. Н. Переверзев (председатель ЦБ), железнодорожный техник И. И. Беднов, машинисты И. Печковский и А. В. Ухтомский¹³.

ВЖДС сыграл главную роль в организации Октябрьской всеобщей политической стачки 1905 г. Еще на II съезде Союза, состоявшемся в Москве в июле 1905 г., было принято решение о целесообразности проведения всероссийской политической железнодорожной забастовки. 2 октября Центральное бюро ВЖДС заключило соглашение с ЦК партии эсеров об организации в ближайшее время уже не чисто железнодорожной, а всеобщей стачки. В дни октябрьской забастовки эсеры пользовались наибольшим влиянием (по сравнению с другими политическими партиями) в ЦБ железнодорожного союза, его отделениях на местах, в стачечных комитетах большинства железных дорог¹⁴.

И в дальнейшем ВЖДС, как свидетельствуют архивные источники, продолжал оставаться под влиянием эсеров¹⁵.

Однако, на наш взгляд, влияние социалистов-революционеров на профессионально-политические союзы интеллигенции и служащих не было, вопреки утверждениям самих эсеров¹⁶, абсолютным. Например, когда на проходившей 6—7 декабря 1905 г. в Москве конференции представителей 29 железных дорог, созданной ВЖДС, лидеры ПСР В. М. Чернов и Е. Ф. Азеф попытались отговорить делегатов от присоединения к всеобщей политической стачке, ссылаясь на «упадочное настроение петербургских рабочих, особенно железнодорожников», их миссия закончилась неудачей. Конференция вместе с ЦБ ВЖДС 7 декабря приняла обращение ко всем рабочим и служащим железных дорог об объявлении совместно с Советами рабочих депутатов Москвы и Петербурга такой стачки¹⁷. Показательно, что присутствовавшие на конференции члены ЦК партии эсеров М. В. Вишняк и И. И. Фондаминский, вразрез с линией ЦК ПСР, доказывали необходимость всеобщей политической стачки и призывали присоединиться к ней, а Вишняк даже подготовил «соответствующую резолюцию конференции»¹⁸.

Партия социалистов-революционеров активно взаимодействовала также с другими профессионально-политическими союзами интеллигенции и служащих — почтово-телеграфным, медицинского персонала, учителей и деятелей народного образования. Коротко покажем это взаимодействие на примере последнего из названных союзов.

Всероссийский союз учителей и деятелей по народному образованию (ВСУ) возник весной 1905 г. на базе созданного еще в мае 1903 г. «Союза народных учителей партии социалистов-революционеров». Эсеры имели ясное представление, как говорилось в их докладе Амстердамскому конгрессу Социалистического Интернационала (август 1904 г.), о том, что «учителя народных школ являются неоценимыми помощниками» в их работе в деревне, т. к. находятся «постоянно в тесных доверительных отношениях с крестьянством» и прекрасно знают «нужды и жизненные проблемы деревни». Уже в ноябре 1903 г. «Союз учителей» имел многочисленные связи в 10 губерниях центра Европейской России¹⁹.

Многие эсеры принимали активное участие в создании и деятельности ВСУ и других педагогических общественных организаций. Например, саратовский эсер С. В. Аникин являлся членом местной организации взаимопомощи учителей, был делегатом от нее и одним из организаторов I Всероссийского учительского съезда, проходившего в Москве в конце 1902 г. — начале 1903 г., на котором выступил с докладом «О материальной и юридической необеспеченности русского народного учителя». Аникин также участвовал в организации ВСУ и был делегатом его I (1905 г.), III (июнь 1906 г.) и IV (1907 г.) съездов; на последнем избирался заместителем председателя съезда. Другой член Саратовской организации эсеров — С. М. Корнильев являлся председателем Вятского отделения ВСУ. А член саратовского комитета ПСР Г. К. Ульянов стал одним из основателей и секретарем губернского Общества взаимопомощи народных учителей.

На II съезде ВСУ был принят устав Союза в эсеровской редакции. В знак протеста делегаты социал-демократы покинули съезд. На III съезде ВСУ эсеры уже явно преобладали. Делегаты с мест сообщали, что «учительство работает политически под флагом преимущественно с.-р.»²⁰. Этот факт подтверждает и Н. К. Крупская в своих воспоминаниях: «Среди учителей господствовали тогда эсеровские настроения, большевиков на учительский съезд не пустили», поэтому В. И. Ленин вынужден был довольствоваться 6 июня «собеседованием с несколькими десятками учителей... в какой-то школе». Ленин сделал доклад по аграрному вопросу; ему возражал эсер Бунаков (И. И. Фондаминский), в результате между ними произошла резкая полемика²¹.

В то же время нормальной деятельности профессионально-политических союзов интеллигенции и служащих серьезно препятствовала откровенно раскольническая политика большевиков. Они с недоверием относились к данным союзам, расценивая их в целом как либеральные, буржуазно-демократические и опасаясь конкуренции с их стороны в борьбе за влияние на пролетариат и средние городские слои²². Поэтому, делал вывод лидер большевиков В. И. Ленин, социал-демократы должны «поддерживать левое крыло» буржуазной демократии и «тянуть его к себе, стараться выделить элементы *революционной демократии*, чтобы с ними вместе ударить на самодержавие»²³. Как видим, Лениным

была дана откровенная установка на раскол буржуазной демократии и ее массовых организаций. Позиция Ленина нашла активную поддержку среди большевиков.

Реализуя данную установку, большевики действовали в двух направлениях. Во-первых, еще в конце апреля — начале мая 1905 г., после III съезда РСДРП, Бюро ЦК РСДРП в России приняло постановление, запрещающее большевикам состоять членами профессионально-политических союзов²⁴. В результате в мае — июле 1905 г. большевики вышли из большинства союзов, за исключением трех — Всероссийского железнодорожного союза, Союза фармацевтов и Союза конторщиков и бухгалтеров, где их влияние изначально было более сильным. При этом большевики прибегали к провокационному приему: они в ультимативной форме требовали от съездов союзов признания программы и руководства РСДРП, а после естественного отказа демонстративно покидали съезд, публично обвиняя союз в симпатиях к буржуазным либералам. Так случилось, например, на I съезде Союза союзов в Москве²⁵.

Второе направление деятельности большевиков органически вытекало из первого — это создание, в противовес уже действующим профессионально-политическим союзам, социал-демократических союзов интеллигенции и служащих, признававших программу и руководство РСДРП. В конце февраля 1905 г. при ЦК РСДРП оформился Союз железнодорожных служащих Московского узла. В одной из его листовок говорилось: «Нельзя рабочим дробить свои революционные силы по каким-то союзам, нужно собраться им всем вместе под одно революционное знамя рабочей социал-демократической партии»²⁶. Весной 1905 г. большевики создали союзы железнодорожников также в Риге, Туле и Харькове. До лета 1905 г. ВЖДС и социал-демократические железнодорожные союзы работали совместно без каких-либо трений. Но уже на II съезде ВЖДС (22—24 июля 1905 г.) большевики попытались расколоть Союз, действуя по своей обычной схеме. В ответ на отказ признать программу РСДРП, ряд большевистски настроенных делегатов покинули съезд и заявили о своем выходе из ВЖДС. ЦК РСДРП рекомендовал всем рабочим и служащим выйти из этого «принявшего явно буржуазную окраску союза»²⁷. Но на окончательный разрыв с ВЖДС

большевики тогда еще не решились, во многом из-за того, что Союз быстро радикализировался и его руководство заявило о создании стачечного бюро для организации всеобщей забастовки²⁸. В то же время московский и петербургский большевистские комитеты вплоть до начала Всероссийской октябрьской стачки 1905 г. вели агитацию против участия в ВЖДС и всячески противились усилиям Союза организовать намеченную забастовку²⁹.

Летом 1905 г. были образованы социал-демократические союзы учителей в Петербурге, Прибалтике, в октябре — аналогичный союз в Москве. Союз социал-демократической интеллигенции организовал Одесский комитет РСДРП. Созданный летом 1905 г. по инициативе большевика П. В. Точисского союз техников Московского городского общественного управления в октябре официально признал руководство ЦК РСДРП. Было также заявлено о создании 11 ноября 1905 г. в Петербурге социал-демократического союза людей весьма специфической профессии — зубных врачей и учащихся зубоврачебных школ³⁰.

Следует отметить, что социал-демократические союзы нередко занимали в отношении своих профессионально-политических «собратьев» довольно-таки агрессивную позицию, ставя на первое место собственные узкопартийные интересы. Например, социал-демократический союз учителей Петербурга 31 октября 1905 г. вошел в состав столичного Союза союзов, а уже 6 ноября предъявил ему ультимативное требование: разрешить участвовать в работе Союза союзов только с совещательным голосом, не подчиняясь его решениям. Последний отверг это требование, после чего социал-демократический союз учителей объявил о своем выходе из Петербургского Союза союзов³¹.

Несмотря на все организационные усилия большевиков, социал-демократические союзы интеллигенции и служащих заметно уступали по массовости и степени влияния профессионально-политическим союзам, т. к. в средних городских слоях РСДРП не занимала господствующих позиций. Параллельное существование этих двух типов союзов лишь мешало им обоим и раздробляло революционные силы.

Характерный тому пример — это когда большевики осуществили свое давнее желание о расколе ВЖДС. С конца 1906 г. они стали обвинять его в следовании лишь эсеровской линии

и игнорировании других революционных партий. Созванная ЦК РСДРП в феврале 1907 г. конференция наиболее влиятельных социал-демократических железнодорожных организаций потребовала от всех «революционных социал-демократов» выхода из ВЖДС, что и было утверждено ЦК РСДРП³². Однако образованный вслед за этим социал-демократический союз железнодорожников оказался нежизнеспособным. Даже его активисты признавали, что он не мог функционировать в подпольных условиях. С ужесточением репрессий союз к маю 1907 г. фактически распался: перестали созываться собрания, резко уменьшилась уплата членских взносов. Ввиду прекращения стачек железнодорожники уже хотели, чтобы у них был «не боевой союз, а только касса взаимопомощи»³³.

Профессионально-политические союзы интеллигенции и служащих — это уникальное явление, свойственное лишь периоду революции 1905—1907 гг. В дальнейшем российским профсоюзам не удавалось достигать больших успехов в политической области. Так, Викжель (Всероссийский исполнительный комитет профессионального союза железнодорожников) в октябре 1917 — январе 1918 г. не смог противостоять большевистскому перевороту и добиться создания так называемого «однородного социалистического правительства». Современное российское законодательство запрещает профсоюзам, как и другим «некоммерческим общественным организациям» (НКО) заниматься политикой — участвовать в выборах и т. д. То есть общественные организации нацеливают на деятельность по защите лишь социально-экономических прав и интересов своих членов, чтобы не смешивались функции, с одной стороны, политических партий, а с другой — НКО, в том числе и профсоюзов.

Примечания

- ¹ *Кураев А. Н.* Россия в начале XX века : крах царского самодержавия (1900—1917 гг.). М., 2002 ; *Кураев А. Н.* Подлинные причины революций в России в начале XX столетия // Человеческий капитал. 2012. № 12.
- ² *Борьба за массы в трех революциях в России : пролетариат и средние городские слои.* М., 1981 ; *Булдаков В. П., Иванова Н. А., Шелохаев В. В.* Место и роль средних слоев города в буржуазно-демократической и социалистической революциях // Вопросы истории

- КПСС. 1981. № 7 ; *Они же*. Из истории борьбы за массы : основные методы воздействия большевиков на средние городские слои в трех российских революциях // Там же. 1984. № 8.
- ³ *Дмитриев С. Н.* Союз союзов в годы первой российской революции : автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1989 ; *Он же*. Большевики и Союз союзов в первой российской революции // Вопросы истории КПСС. 1990. № 5 ; *Он же*. Союз союзов в годы первой российской революции // История СССР. 1990. № 1.
- ⁴ *Дмитриев С. Н.* Союз союзов... С. 55.
- ⁵ Государственный архив Российской Федерации (далее — ГАРФ). Ф. 518. Оп. 1. Д. 1. Л. 2. Следует отметить, что данная платформа носила временный характер, но уже и тогда многие союзы ее не поддержали.
- ⁶ Съезды и конференции конституционно-демократической партии, 1905—1920 гг. : в 3 т. М., 1997. Т. 1. С. 676 ; *Милуков П. Н.* Воспоминания. М., 1991. С. 184, 194—195, 229.
- ⁷ *Струве П. Б.* Вопросы тактики // Освобождение. 1905. 5 марта ; *Шаховский Д. И.* Союз освобождения // Российские либералы: кадеты и октябристы : (документы, воспоминания, публицистика). М., 1996. С. 188—189.
- ⁸ *Милуков П. Н.* (С. С.). Россия организуется // Освобождение. 1905. 26 июля.
- ⁹ Протоколы ЦК и заграничных групп КДП, 1905 — середина 1930-х гг. : в 6 т. М., 1994. Т. 1. С. 32.
- ¹⁰ Там же. С. 131.
- ¹¹ *Милуков П. Н.* Воспоминания. С. 199, 229.
- ¹² ГАРФ. Ф. 518. Оп. 1. Д. 4, 9, 11, 14, 16, 18, 29, 75 ; Ф. 102. ОО. 1905. Д. 999. Т. 2. Л. 4—6, 40—41 ; *Кирпичников С. Д.* Союз союзов. СПб., 1906 ; *Он же*. Л. И. Лутугин и Союз союзов // Красная летопись. 1925. № 3 (4) ; Новая жизнь. 1905. № 1, 25, 26 ; Борьба. 1905. № 5, 6 ; Русские ведомости. 1905. № 262 ; Петербургский и Московский Советы рабочих депутатов 1905 года в документах. М. ; Л., 1926. С. 9—10.
- ¹³ Российская государственная библиотека (далее — РГБ). ОР. Ф. 634. Картон 1. Ед. хр. 14. Л. 138 ; Ед. хр. 25. Л. 2—3, 5 ; Институт мировой литературы (далее — ИМЛИ). Ф. 28. Оп. 3. Д. 344. Л. 1—4 ; Российский государственный архив литературы и искусства. Ф. 1345. Оп. 1. Д. 417. Л. 3—10.
- ¹⁴ РГБ. ОР. Ф. 643. Картон 1. Ед. хр. 25. Л. 10—12 ; Пролетариат в первой революции. М., 1925. С. 151, 156.
- ¹⁵ ГАРФ. Ф. 102. ОО. Оп. 260. Д. 282 ; Д. 285. Л. 2—3.

- ¹⁶ Партия социалистов-революционеров : док. и материалы, 1900—1922 гг. : в 3 т. М., 1996. Т. 1. С. 187—188, 191.
- ¹⁷ Там же. С. 193, 656, 658 ; РГБ. ОР. Ф. 634. Картон 1. Ед. хр. 14. Л. 188—189 ; *Чернов В. М.* Перед бурей : воспоминания. Нью-Йорк, 1953. С. 258—259, 1.
- ¹⁸ *Вишняк М. В.* Дань прошлому. Нью-Йорк, 1954. С. 114.
- ¹⁹ Партия социалистов-революционеров. Т. 1. С. 134 ; ГАРФ. Ф. 5805. Оп. 2. Д. 134. Л. 153 ; Революционная Россия. 1904. № 40. С. 22.
- ²⁰ Протоколы III делегатского съезда Всероссийского союза учителей и деятелей по народному образованию, 7—10 июня 1906 г. Б. м., 1906. С. 28—31, 43—46, 61, 64, 127, 183 ; ГАРФ. Ф. 518. Оп. 1. Д. 75.
- ²¹ Воспоминания о Владимире Ильиче Ленине : в 10 т. М., 1989. Т. 2. С. 99. Доклад Ленина не найден (см.: *Ленин В. И.* Полн. собр. соч. Т. 13. С. 411). Его изложение было напечатано в эсеровской газете «Голос» (1906 г., 8 (21) июня).
- ²² *Кураев А. Н.* Партии и массовые организации в Первой русской революции. М., 2000. Гл. 1.
- ²³ *Ленин В. И.* Полн. собр. соч. Т. 11. С. 201.
- ²⁴ *Мицкевич С. И.* Революционная Москва, 1888—1905. М., 1940. С. 349.
- ²⁵ ГАРФ. Ф. 518. Оп. 1. Д. 1. Л. 52 ; *Мицкевич С. И.* Указ. соч. С. 350, 391.
- ²⁶ ГАРФ. Ф. 6865. Оп. 1. Д. 65. Л. 164—165 ; Листовки московских большевиков в период первой русской революции. М., 1965. С. 180.
- ²⁷ Искра. 1905. № 109 ; ИМЛИ. Ф. 28. Оп. 1. Д. 434. Л. 1—4 (не пропущенная цензурой в 1923 г. статья бывшего председателя Центрального Бюро ВЖДС В. Н. Переверзева для журнала «Былое»).
- ²⁸ ГАРФ. Ф. 6865. Оп. 1. Д. 143. Л. 42.
- ²⁹ Пролетарская революция. 1925. № 2 (37). С. 207 ; *Войтинский Вл.* Годы побед и поражений. Берлин ; Пг. ; М., 1923. Кн. 1. С. 94—96 ; *Кривошеина Е.* Петербургский Совет рабочих депутатов. Л., 1928. С. 23—24, 43.
- ³⁰ Новая жизнь. 1905. № 15 ; Борьба за массы в трех революциях в России : пролетариат и средние городские слои. С. 82, 87—90 ; *Ерман К. Л.* Интеллигенция в первой русской революции. М., 1966. С. 92—93 ; *Ушаков А. В.* Демократическая интеллигенция периода трех революций в России. М., 1985. С. 74.
- ³¹ ГАРФ. Ф. 518. Оп. 1. Д. 14. Л. 10, 17 ; Д. 16. Л. 60.
- ³² Железнодорожная мысль. 1906. 29 нояб. ; Партия социалистов-революционеров. Т. 1. С. 656 ; *Ленин В. И.* Полн. собр. соч. Т. 12. С. 421.
- ³³ ГАРФ. Ф. 6935. Оп. 3. Д. 534. Л. 30 об. ; Ф. 6865. Оп. 1. Д. 229. Л. 310—311.

Г. А. Трифонова, Е. В. Черная

ПРОФЕССИОНАЛЬНАЯ И НАУЧНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ПЕРВЫХ ВЫПУСКНИКОВ ДАЛЬРЫБВТУЗА ПО РАЗВИТИЮ РЫБНОЙ ОТРАСЛИ ДАЛЬНЕВОСТОЧНОГО РЕГИОНА

В настоящее время Дальневосточный государственный технический рыбохозяйственный университет играет ведущую роль в обеспечении региона рыбопромышленными кадрами и славится достижениями своих выпускников. Среди первых выпускников Дальрыбвтуза и 30-х, и 50—60-х гг. XX в. есть такие знаменитые личности, которые внесли значительный вклад в развитие и совершенствование системы управления рыбной отраслью Дальнего Востока и в изучение рыбохозяйственной науки в целом — это Петр Алексеевич Моисеев, Юрий Григорьевич Диденко и Николай Исаакович Котляр.

Заслуженный деятель науки Российской Федерации, Почетный работник рыбной промышленности России и член Американской рыбохозяйственной ассоциации, отмеченный правительственными наградами за боевые и трудовые заслуги, Петр Алексеевич Моисеев (1913—1998) после окончания средней школы сначала работал лаборантом в кабинете биологии Дальрыбтехникума (1929—1930), а осенью 1930 г. поступил учиться на рыбоводно-биологический факультет только что открытого

© Трифонова Г. А., Черная Е. В., 2016

Трифопова Галина Александровна — кандидат исторических наук, доцент, доцент кафедры социально-гуманитарных дисциплин Дальневосточного государственного технического рыбохозяйственного университета (Дальрыбвтуз). galinatrifonova@list.ru

Черная Екатерина Васильевна — кандидат исторических наук, доцент, доцент кафедры социально-гуманитарных дисциплин Дальневосточного государственного технического рыбохозяйственного университета (Дальрыбвтуз). chernaya0402@mail.ru

Дальрыбвтуза¹. В 1931 г. П. А. Моисеев, совмещая учебу с работой в лаборатории Тихоокеанского рыбохозяйственного института, прошел шестимесячную практику под руководством знаменитого ихтиолога профессора К. М. Дерюгина, трудясь в качестве гидролога на шхуне «Росинанте» в Японском море. В 1933 г. Моисеев окончил в Дальрыбвтузе теоретический курс, но так как вуз был закрыт, дипломный проект защитил в 1935 г. в Мосрыбвтузе им. А. И. Микояна, получив высшее образование по специальности «рыбовод-биолог»².

Научную деятельность П. А. Моисеев начал в ТИРХе, занимаясь исследованиями в области гидрологии и биологии донных и придонных рыб, с 1936 г. заведывая одноименной лабораторией. В 1941 г. он был выдвинут на пост заместителя директора Тихоокеанского научно-исследовательского института рыбного хозяйства и океанографии (далее — ТИНРО).

После участия в войне с милитаристской Японией в 1945 г. демобилизовался и вернулся работать в ТИНРО на должность заместителя директора по научной работе. Под руководством Петра Алексеевича происходило становление ТИНРО как морской научно-исследовательской организации, деятельность которой направлена на изучение биологических ресурсов Тихого океана³.

В 1946 г. П. А. Моисеев защитил диссертацию на соискание ученой степени кандидата биологических наук по теме «Биология и промысел камбал залива Петра Великого», а в 1951 г. — докторскую диссертацию «Донные и придонные промысловые рыбы дальневосточных морей». В 1952 г. Высшей аттестационной комиссией ему было присуждено ученое звание профессора. Петр Алексеевич преподавал в Дальрыбвтузе, открытом вновь в 1950 г., передавая свои обширные знания студентам⁴.

Работая директором ТИНРО с 1955 г., П. А. Моисеев принимал участие во многих морских экспедициях, в том числе в прикамчатских водах Охотского моря, занимаясь изучением биологии трески и камбал. Одна из них на траулере «Лебедь» длилась 18 месяцев. За время каждой научной экспедиции собирался обширный материал, который тщательно изучался, анализировался и находил практическое применение.

Петр Алексеевич стоял у истоков развития тралового промысла на Дальнем Востоке. Под его руководством и

при непосредственном участии в заливе Петра Великого, у берегов Сахалина и Камчатки были выявлены крупные скопления камбал, которые стали объектами крупномасштабного тралового промысла в дальневосточных морях. В 1953 г. результаты своих многолетних исследований П. А. Моисеев опубликовал в монографии «Треска и камбалы дальневосточных морей»⁵. По оценке ряда известных специалистов, данный материал послужил научной основой для дальнейшего изучения рыбных ресурсов северной части Тихого океана. Исходя из личного опыта работы в Японском и Охотском морях, Петр Алексеевич высказал предположение о наличии богатых рыбных ресурсов на севере Тихого океана, которое в дальнейшем во многом подтвердилось. В 1956 г. Моисеев был приглашен работать во Всесоюзный научно-исследовательский институт рыбного хозяйства в Москву, где подготовил ряд учеников и последователей, создав собственную научную школу. Петр Алексеевич сам принимал активное участие и неоднократно организовывал научные симпозиумы и конференции разных уровней по проблеме изучения промысловых запасов Тихого океана.

П. А. Моисеев был одним из организаторов и руководителей Беринговоморской научно-промысловой экспедиции, работавшей в 1958—1963 гг. в составе двенадцати исследовательских и поисковых судов. Значение этой экспедиции для развития рыбного хозяйства на Дальнем Востоке трудно переоценить. Она завершилась открытием целого ряда не только новых объектов, но и районов промысла, а также научным обоснованием масштабного рыболовства в Беринговом море и северной части Тихого океана таких ценных рыб, как камбала, палтус, морской окунь, макрурус и др.

За многие годы исследований П. А. Моисеев опубликовал более 300 научных работ в самых разных областях ихтиологии и рыбохозяйственной науки. В 1969 г. увидела свет его монография «Биологические ресурсы Мирового океана»⁶.

Предвидя сокращение океанического рыболовства при введении 200-мильных экономических зон, П. А. Моисеев одним из первых оценил важность развития марикультуры беспозвоночных и рыб. Уже в конце 1970-х гг. он инициировал прибрежные исследования промысловых моллюсков на Дальнем Востоке⁷.

Широко известна научная деятельность П. А. Моисеева в международных организациях по рыболовству. Он разработал принципы организации Советско-Японской рыболовной комиссии, в которой в течение многих лет выполнял обязанности руководителя советской делегации. Работа этой комиссии сыграла огромную роль в сохранении запасов лососей, воспроизводящихся в водоемах Камчатки.

Анализируя научную деятельность П. А. Моисеева можно с уверенностью сказать, что его труды получили широкое признание как в нашей стране, так и за рубежом, были переведены на английский, японский и польский языки, не раз переиздавались и не утратили своей актуальности и сегодня.

Выпускник Дальрыбвтуза 1958 г. Юрий Григорьевич Диденко — Заслуженный работник рыбного хозяйства РСФСР, Почетный гражданин Владивостока, экс-директор ОАО «Дальморепродукт», имеет богатейший 50-летний опыт работы в рыбной промышленности. Диденко стоял у истоков марикультуры в Приморье, промышленного разведения трепанга, гребешка, морской капусты. При нем наши рыбаки ходили к берегам Канады за хеком, в промысловые экспедиции к Гавайским островам.

Юрий Григорьевич получал специальность инженера-механика в Дальрыбвтузе, занимался общественной работой, возглавлял комсомольскую организацию вуза и при этом успевал учиться на «отлично». Получив диплом, Диденко начал работать с августа 1958 г. в Находкинской базе активного морского рыболовства (далее — БАМР) матросом на большом морозильном рыболовном траулере «Ульяновск». Необходимо отметить, что в конце 50-х гг. прошлого столетия рыбная промышленность в современном понимании этого слова только зарождалась. Рыбу ловили лишь у берегов, океанический промысел был мечтой. После окончания Великой Отечественной войны Германия по репарациям активно строила для Советского Союза рыболовные суда, только в Находку их приходило по 10—15 в месяц, но специалистов катастрофически не хватало. Мастеров добычи выписывали, например, из Астрахани — пожилых, безграмотных, но это были мудрые люди, хорошо знающие свое дело. Диденко учился у них практическим навыкам работы, быстро стал старшим мастером, и буквально через год судно «Адлер» выдало восемь годовых

планов. Ю. Г. Диденко назначили главным инженером Дальневосточной центральной экспериментальной базы промышленного рыболовства, которую нужно было еще создать. Юрий Григорьевич начал с улучшения технической базы рыбной промышленности, был изобретен борона-эхолот, который позволял более точно определять скопление промысловых рыб⁸.

Чтобы понять, как работали рыбаки тех лет, лучше всего прочитать рассказ дальневосточного писателя Льва Князева «На траверзе Цусимы», главным героем которого стал Юрий Диденко. На 32-й параллели ловил скумбрию японский сейнер, беря такие уловы, что нашим рыбакам оставалось лишь завидовать. И тогда начальник экспедиции Диденко, чтобы разузнать секреты чужого успеха, напросился на «территорию иностранного государства» в гости. Оказалось, что всё дело в ином неводе. По «черной» схеме Юрий Григорьевич смог купить такой невод, чтобы наладить его выпуск на Дальнем Востоке⁹.

В 1965 г. Юрия Григорьевича назначили заведующим отделом добычи «малого» «Дальморепродукта». И вновь случился прорыв: предприятие, к середине августа выполнявшее годовой план всего на 22 %, к концу года справилось с ним в полном объеме. Уже через полгода Диденко назначили заместителем директора самого крупного на Дальнем Востоке объединения «Приморьбипром».

К середине 60-х гг. XX в. рыбная промышленность страны превратилась в промышленную индустрию, она вышла на второе место в мире и испытывала острую нужду в талантливых руководителях. В начале 70-х гг. Председатель Совета министров СССР А. М. Косыгин решил модернизировать социалистическое производство, поэтому в 1971 г. в Академии народного хозяйства им. Г. В. Плеханова в Москве открылись курсы по программе школы бизнеса Гарвардского университета. Учиться направляли самых перспективных руководителей, от 60 союзных ведомств прислали по одному человеку с опытом руководящей работы не менее пяти лет и возрастом не старше 35 лет. В составе этой элитной группы Ю. Г. Диденко за год изучил трехгодичную программу менеджера высшего класса. В ходе учебы он ознакомился с опытом приватизации по-американски, проведенной в Бразилии и Аргентине. Ему посчастливилось слушать лекции таких корифеев

экономической науки, как Л. И. Абалкин, В. И. Терещенко, В. В. Леонтьев¹⁰.

Дипломный проект Диденко о создании на Дальнем Востоке мощной базы рефрижераторного и тралового флота получил высокую оценку, и Министерство рыбного хозяйства СССР издало приказ от 23 декабря 1973 г. о его реализации в жизнь. Вернувшись в Приморье, Юрий Григорьевич взялся за строительство Владивостокской базы тралового и рефрижераторного флота (далее — ВБТРФ), воплощая свою идею самодостаточного производства замкнутого цикла. То есть у одного предприятия должны быть и рыбодобывающие суда, и перерабатывающие плавзаводы, и свои причалы, и ремонтные базы. В Первомайском районе Владивостока на голом месте началось строительство ВБТРФ. За девять лет вырос мощный гигант рыбной отрасли с огромным числом добывающих и перерабатывающих судов, с причалами, ремонтной базой и социальным городком.

Распространять хозрасчет заставляла сама жизнь. Избалованные широко декларируемыми правами в ущерб обязанностям, люди уже не могли обходиться без стимула. Повсеместно применяемые жесткий регламент инструкций, народный контроль, индивидуальные и коллективные соцобязательства имели низкий коэффициент полезного действия. Диденко внедрял арендный подряд и арендную ответственность. Например, сэкономил экипаж выделенные средства на ремонт, тару — они идут в счет коллективу, рабочему. Из этой копилки можно строить, выдавать премии, увеличивать заработок. Все эти нововведения Ю. Г. Диденко не вызывали поддержки со стороны руководства¹¹.

Когда в сентябре 1986 г. его вызвали в крайком партии, думал, что за очередным партийным взысканием. Но тогдашний первый секретарь Дмитрий Гагаров предложил возглавить Диденко «Дальморепродукт» (далее — ДМП) — предприятие по тем временам убыточное, да и в зарплате получалось понижение. Но Диденко на предложение согласился, и через месяц ДМП стал приносить прибыль. Новый руководитель применил метод «мозговой атаки». Одна из идей — вместо большой банки для пресервов иваси сделать маленькую. Большую далеко не каждый возьмет, а маленькая хорошо раскупалась. ДМП стало брендом, потому что это было настоящее качество. Вскоре ДМП признали

самым рентабельным предприятием в мире¹². Это была мощная рыбная империя, государство в государстве. Диденко ездил по всем странам, собирая не только всевозможные награды, но и передовой опыт, поэтому его предприятие не только устояло в разрушительные для отечественной промышленности годы перестройки, но и развивалось.

Переход на новую систему хозяйствования в начале 90-х гг. оказался для большинства предприятий очень болезненным. «Дальморепродукт» был уже знаком с арендным методом работы и добивался высоких результатов. Коллектив легче других вошел в новую экономику, люди представляли себе те правила, по которым должны были жить. Ю. Г. Диденко предложил сделать стоимость фонда как можно выше, чтобы ни у кого не было стремления купить предприятие.

Развалились «ВБТРФ», «Востокрыбхолод-флот», Приморский судоремонтный завод, другие предприятия, но ДМП остался на плаву и выжил в сложных экономических условиях. Все акции были разделены пропорционально стажу работы, они даже не продавались, а выделялись бесплатно. Фактически получилось народное предприятие с числом работающих 14,5 тыс. человек, с 23 тыс. акционеров. В результате обдумывания тактики приватизации у Юрия Григорьевича родилась нестандартная идея создания холдинговой компании — производителя пищевой продукции. По требованиям А. Чубайса и М. Мостового нужно было привлечение иностранного капитала — для производственного холдинга не менее 24 %. Через имущественный интерес «Дальморепродукта», а уставный капитал был оценен по величине вторым после «КамАЗа», объединились все его структурные подразделения, ставшие дочерними акционерными обществами. Документы были подписаны Чубайсом и Мостовым, после чего Холдинговая компания «Дальморепродукт» выкупила акции государства.

Старые плавзаводы, которые в 70-х гг. были гордостью ДМП, мгновенно стали убыточными, и их пришлось списать, для обеспечения работой своих акционеров прорабатывались варианты создания рабочих мест. Было решено брать в бербоут-чартер специализированный флот у иностранцев, строить рыбокомбинаты, организовывать новые предприятия. На мысе Абросимова построили свой порт с причалами, железной дорогой, холодильниками,

многими другими сооружениями. Непомерные портовые сборы и железнодорожные тарифы значительно подняли стоимость товара. Ю. Г. Диденко увеличил торговлю за пределами России, вошел для промысла в территориальные воды Анголы. На всех судах ДМП развевается российский флаг и работают российские моряки¹³.

Таким образом, Диденко умело применял технические и управленческо-экономические знания, полученные в Дальрыбвтузе и в Академии народного хозяйства, сочетая научно-технические и научно-экономические навыки в практической работе.

В ходе профессиональной деятельности вместе с Ю. Г. Диденко на курсах в Академии народного хозяйства по программе школы бизнеса Гарвардского университета в 1971 г. учился и директор ТИНРО Николай Исаакович Котляр, окончивший в 1958 г. Дальрыбвтуз по специальности инженер-механик промышленного рыболовства. Он был глубоко компетентен во всем многообразии проблем и состоянии дел самого крупного по объему добычи и производства рыбной продукции в необъятной акватории и территориальной разбросанности промышленности Дальневосточного бассейнового объединения.

После окончания Академии Н. И. Котляр был назначен заместителем начальника Всесоюзного рыбопромышленного объединения «Дальрыба», которое под его руководством работало достаточно успешно. На итоговых заседаниях Коллегии Министерства Н. И. Котляру по положению и результатам работы традиционно первому из начальников объединений предоставлялось слово, он задавал тон ходу обсуждения. В 1982 г. Николай Исаакович стал руководителем всей рыбной отрасли Дальнего Востока. Безусловно, для этого были все основания:

— всеобъемлющий уровень специального образования — дважды (очно и заочно) был закончен курс обучения в Дальневосточном техническом институте рыбной промышленности и хозяйства по специальности «инженер-механик» и «инженер-экономист» в 1966 г.;

— многолетний опыт практической работы на инженерных и руководящих должностях на рыбодобывающих предприятиях Дальнего Востока, в партийных органах, Беринговоморской экспедиции «Дальрыбы», БАМР;

— полный курс Академии народного хозяйства при Совете министров СССР;

— депутат Верховного Совета РСФСР¹⁴.

В 1980-е гг. в печати, в отраслевых журналах «Рыбное хозяйство», «Рыбоводство и рыболовство» часто публиковались статьи Н. И. Котляра по вопросам организации работы отрасли, задач, перспектив, строительства рыболовного флота, объектов производственной и сбытовой базы. Например, в журнале «Рыбное хозяйство» были опубликованы такие статьи, как «О коренной перестройке рыбного хозяйства внутренних водоемов»¹⁵, «На курсе перестройки»¹⁶, «Новый этап в развитии сотрудничества СССР и США в области рыбного хозяйства»¹⁷, «Углублять перестройку, развивать демократию»¹⁸. Публичные выступления Николая Исааковича на заседаниях итоговых Коллегий, собраниях коллектива Министерства, торжественных собраниях, посвященных Дню рыбака, всегда носили программный, аналитический и мобилизующий характер, были интересны и привлекали внимание аудитории. Став министром рыбного хозяйства (1987—1991), Николай Исаакович Котляр делал всё, чтобы удержать в правовом поле Конституции СССР все морские пространства, прилегающие к территории страны на востоке, западе, севере и юге. В 1987—1989 гг. целый ряд республик, и прежде всего Эстония, Литва, Латвия, да и ряд областных начальников разного ранга Дальнего Востока предлагали наделить их своими «кусками», чтобы отгородиться морскими заборами-границами от соседей. Предлагалось это под благовидным намерением — ускорить развитие рыбной промышленности своей территории во благо населения. Н. И. Котляр твердо противостоял этому, ведя линию на формирование цельного законодательства для единой 200-мильной экономической зоны Советского Союза.

В последующем основные концептуальные положения закона «О сохранении и управлении морскими живыми ресурсами 200-мильной экономической зоны СССР» были опубликованы на страницах журнала «Рыбное хозяйство»¹⁹. Для того времени это был новаторский шаг не только в практике, но и в теории рыболовства, особенно подход к управлению морскими живыми ресурсами, нашедший в дальнейшем применение в мировом рыболовстве. Как опытного промысловика Н. И. Котляра тревожило

старение рыбопромыслового флота и его моральное отставание от лучших мировых достижений. Об этом сейчас бьют тревогу ведущие специалисты Дальнего Востока — доктор экономических наук, профессор А. П. Латкин²⁰ и старожилы рыбной промышленности, в том числе и Ю. Г. Диденко. Н. И. Котляр хорошо понимал, что надо находить решение этой проблемы без расчета на получение бюджетных средств. Вместе с рядом своих единомышленников он принял непростое решение о строительстве целой серии судов для тралового, кошелькового и ярусного лова, а также плавбаз и транспортных судов с использованием кредитов зарубежных банков и партнеров по схеме бербоут-чартера. Было совершенно ясно, что рассчитываться надо будет выпускаемой продукцией из отечественного сырья и не один год. Флот начал поступать из новостроя, работал эффективно; рыбаки и специалисты осваивали новую передовую технику и технологию. Это был рывок в правильном направлении, но распад Советского Союза и последующая приватизация остановили развитие отрасли. Министр Н. И. Котляр делал всё, что было в его власти и силе, чтобы противостоять этому разрушению.

В 1987—1988 гг. он настойчиво предлагал преобразовать Министерство рыбного хозяйства с его пятью Всесоюзными рыбопромышленными объединениями («Дальрыба», «Севрыба», «Каспрыба», «АзЧеррыба», «Запрыба») в единый союзный акционерный «Концерн рыбного хозяйства», наподобие АО «Газпром». Н. И. Котляр считал, что такое реформирование предотвратит распад и растаскивание единой отрасли по республиканским, областным и частным предприятиям²¹.

На проведение данной реформы он получил одобрение со стороны Председателя Правительства СССР Н. И. Рыжкова. Безусловно, в таком преобразовании было много «белых пятен», и одно из них — это передача международных внешних связей отрасли другим государственным структурам. Разрушение Советского Союза в декабре 1991 г. не дало возможности воплотить идеи Н. Котляра в жизнь.

Николаем Исааковичем были разработаны меры по искоренению недоработок и увеличению эффективности обработки транспортного флота, сделаны макеты всех судов в масштабе, с расположением трюмов и надстроек. Перед тем как приступить к

обработке транспорта, теоретически производилась расстановка промысловых судов, сначала в штабе экспедиции северных морей, а затем выносились рекомендации на капитанский час. И самое главное — устанавливалось время выгрузки продукции. Это очень повлияло на дисциплинированность, заставило организовывать работу так, что промысловые суда во время, отведенное им экспедицией, отгружались в установленный нормативный лимит, даже при работе в неблагоприятную погоду. Вместе со специалистами была определена система обработки транспортных судов в сложных погодных условиях: 1) приходит транспортное судно в район промысла; 2) к борту транспорта швартуются две плавбазы, одна на ходу, вторая «валетом»; 3) плавбазы швартуют к своим бортам добывающие суда и принимают к обработке сырец; 4) одновременно с кормы транспорта швартуется судно для приема топлива через бакштов. Вся эта армада движения становится носом на волну на малом ходу. Это была революция. Никогда и нигде в литературе или в практике такой работы не проводилось, и никто не мог даже мечтать о том, что в сложных условиях можно таким образом обрабатывать суда. Новаторский слаженный механизм работы флота положительно отразился на добыче и обработке рыбы, а также обработке транспортного флота. Этот принцип организации нашел применение и на других флотах союзных объединений «Дальрыба», «Севрыба» и т. д.²²

Таким образом, профессиональную и научную деятельность замечательной плеяды первых выпускников Дальрыбвтуза трудно переоценить. Их научные достижения и бесценный практический опыт по управлению рыбной промышленностью Дальнего Востока не теряют своей актуальности и сегодня.

Примечания

¹ Справочник по Дальрыбвтузу на 1931/32 учебный год. Владивосток, 1932.

² Трифонова Г. А. Из истории высшего рыбохозяйственного образования на Дальнем Востоке. Владивосток, 1991.

³ Иванов Б. Г. Глава отечественных рыбопромысловых исследований в Мировом океане в 20-м веке // ТИНРО 80 лет (1925—2005 гг.): воспоминания о людях, их судьбах и минувших событиях. Владивосток, 2005. С. 14—19.

- ⁴ Текущий архив Дальрыбвтуза. Личное дело П. А. Моисеева.
- ⁵ *Моисеев П. А.* Треска и камбалы дальневосточных морей // Известия ТИНРО. 1953. Т. 40.
- ⁶ *Моисеев П. А.* Биологические ресурсы Мирового океана. М., 1969.
- ⁷ Люди, наука, океан. Владивосток, 1975.
- ⁸ *Диденко Ю. Г.* Патриарх рыбной отрасли. URL: <http://old.vlc.ru/culture/rpl/didenco.html> (дата обращения: 10.06.2015).
- ⁹ *Князев Л.* На траверзе Цусимы // Рассказ 82. М., 1984. С. 117—139.
- ¹⁰ Юрий Диденко : я счастливый человек // Дальневосточная звезда. URL: <http://dv-zvezda.ru/21146-yuriy-didenko-ya-schastlivyy-chelovek.html> (дата обращения: 10.06.2015).
- ¹¹ *Диденко Ю. Г.* Игра в свободу предпринимательства губит рыбную отрасль Дальнего Востока. URL: <http://primamedia.ru/news/fishnews/06.07.2012/214972/igra-v-svobodu-predprinimatelstva-gubit-ribnyuyu-otrasl-dalnego-vostoka-yuriy.html> (дата обращения: 10.06.2015).
- ¹² Юрий Диденко : я счастливый человек.
- ¹³ *Диденко Ю. Г.* Патриарх рыбной отрасли.
- ¹⁴ *Монаков Б. Д.* Во власти долга // Николай Котляр — Министр и Человек : воспоминание о будущем. М., 2007. С. 62—71.
- ¹⁵ *Котляр Н. И.* О коренной перестройке рыбного хозяйства внутренних водоемов // Рыбное хозяйство. 1987. № 12. С. 11—18.
- ¹⁶ *Котляр Н. И.* На курсе перестройки // Рыбное хозяйство. 1988. № 7. С. 3—10.
- ¹⁷ *Котляр Н. И.* Новый этап в развитии сотрудничества СССР и США в области рыбного хозяйства // Рыбное хозяйство. 1988. № 11. С. 3—4.
- ¹⁸ *Котляр Н. И.* Углублять перестройку, развивать демократию // Рыбное хозяйство. 1989. № 7. С. 6—13.
- ¹⁹ Закон по сохранению и управлению морскими живыми ресурсами 200-мильной экономической зоны СССР: биологические и международные основы концепции // Рыбное хозяйство. 1991. № 6. С. 3—6.
- ²⁰ *Латкин А. П.* Управление предприятиями морехозяйственной специализации : монография. Владивосток, 2009.
- ²¹ *Зиланов В. К.* Николай Котляр — министр, председатель последней коллегии Министерства рыбного хозяйства Советского Союза // Николай Котляр — Министр и Человек. С. 80—85.
- ²² *Ширяев Е. Д.* Воспоминания о знакомстве и совместной работе с Н. И. Котляром, последним министром рыбного хозяйства СССР // Николай Котляр — Министр и Человек. С. 97—99.

В. М. Тюленев

**ТРАДИЦИИ ГРЕКО-РИМСКОЙ ОБРАЗОВАННОСТИ
ПРИ ОСТГОТСКОМ КОРОЛЕВСКОМ ДВОРЕ
НА РУБЕЖЕ V—VI вв.**

За последние десятилетия исследователями поздней Античности и раннего Средневековья сделано немало, чтобы разрушить созданный интеллектуалами того времени и разделяемый многими учеными XX в.¹ стереотип о германцах, пришедших на территории Римской империи, как о людях, чуждых римской образованности². Сейчас вполне очевидно, что среди готов и других германцев были свои писатели, философы, образованные служители арианского культа, которые владели не только своим родным, но и латинским языком, и, может быть, греческим. Столь же очевидно, что обвинения некоторых варварских королей в неумении писать, не более чем миф. В частности, знаменитый рассказ Анонима Вalezия о Теодорихе Великом как о короле, который так и не смог освоить латинский язык и для удостоверения документов пользовался золотой дощечкой с прорезанными буквами LEGI («прочитал»), превратился из исторического свидетельства в литературную цитату³.

Конечно же, классическая образованность в глазах представителей римской элиты продолжала выступать средством культурной, этнической и социальной самоидентификации⁴. Именно сопричастность книжному знанию и литературному образованию воспринималась ими в качестве водораздела между

© Тюленев В. М., 2016

Тюленев Владимир Михайлович — доктор исторических наук, доцент, профессор кафедры всеобщей истории и международных отношений Ивановского государственного университета. tulenev31@bk.ru

Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ, грант № 16-06-00461а.

римлянином и варваром. Видя в традиционном образовании опору римской цивилизации, условие для сохранения законности, гражданственности, римские интеллектуалы, составлявшие окружение короля или в той или иной степени приближенные ко двору, стремились убедить новых властителей Италии в необходимости поддерживать школы для наставления римской молодежи и в то же время открывать путь к римской образованности самим германцам. Они показывали, что именно защитник римских ценностей, в том числе связанных с образованием, может считаться законным правителем, и стремились привить варварским королям уважение к литературным занятиям, риторике, вообще системе свободных искусств.

В этой связи достаточно показательны слова Кассиодора о грамматике, вложенные им в уста остготского короля Аталариха. В 533 г. Кассиодор от имени этого правителя составил послание к римскому сенату, основное содержание которого касалось наведения порядка с оплатой труда учителей грамматики и риторики в Риме. Чтобы убедить сенаторов заботиться о поддержании школ, Кассиодор напоминает: «Грамматика — блюстительница слов, она украшает род человеческий, через упражнение в хорошем чтении она учит нас извлекать пользу из советов древних. *Ею не пользуются варварские короли*; известно, что *она хранит верность законным правителям*. Ибо оружием владеют и другие народы, но красноречие — единственное служит тем, кто правит римлянами» (*Cass. Var. IX.21.4*; курсив наш. — *В. Т.*). С одной стороны, в этой фразе отражена идея о явном культурном превосходстве римлян над всеми варварами, но, с другой стороны, делая Аталариха защитником грамматики, Кассиодор превращает его в «законного правителя», он выступает со своим обращением перед сенатом как римлянин.

У нас мало сведений о том, насколько остготы, пришедшие в Италию, оказались вовлечены в литературные занятия и обратились к традициям римского образования. Литературные источники, скорее, убеждают своих читателей в обратном. По их прочтении возникает убеждение, что в Италии конца V — первой половины VI в. существовали две образовательные системы: германская, ориентированная на воспитание воинов, и римская, связанная с изучением свободных искусств⁵. В этой связи можно вспомнить

и описанную Прокопием Кесарийским реакцию со стороны германской знати на решение Амаласунты отдать юного Аталариха в школу (*Proc. BG I.2*), и изображение Эннодием того, как готская молодежь упражнялась в военных играх (*Ennod. Pan. 83—84*). Не будем забывать и того, что процитированные выше слова Аталариха по поводу грамматики и школ адресованы не готам, а римским сенаторам, а само послание касалось оплаты труда римских учителей, чьими клиентами были опять-таки римляне.

Однако некоторые данные позволяют заключить, что и представители германской элиты, прежде всего, сами короли прилагали усилия к тому, чтобы не просто обучить своих отпрысков основам латинской грамматики, но и дать им более углубленное образование. Все эти случаи мы не станем рассматривать⁶, сосредоточив внимание на судьбах представительниц королевского рода Амалов. По всей видимости, именно женщины оказывались в меньшей степени связаны традициями германского общества, более открыты внешнему культурному воздействию.

О том, что стремление Теодориха Великого привить представительницам своей семьи важнейшие элементы *romanitas* принесло свои плоды, видно из текстов, составленных Кассиодором частью при жизни Теодориха, частью уже после смерти основателя королевства. Конечно, в посланиях, вошедших в корпус «Варий», и тем более в написанных Кассиодором панегириках можно и должно видеть прежде всего пропаганду, заявления, отражающие не столько реальное, сколько желательное положение дел, некий идеал, к достижению которого вольно или невольно призывает автор. И всё-таки даже в программных заявлениях можно выявить следы вполне конкретных мер, реализованных при королевском дворе Теодориха.

В 511 г. в послании, составленном от имени Теодориха к вандальскому королю Тразамунду, Кассиодор дает яркую характеристику Амалафриде, сестре Теодориха, которая была выдана замуж за этого вандальского правителя. Кассиодор называет ее «исключительным посланником рода Амалов» (*generis Hamali singulare praeconium*) и в то же время подчеркивает, что эта женщина обладает знанием, равным знанию адресата (*Cass. Var. V.43.1*). Известно, что Тразамунд был не только весьма образован, но и отличался веротерпимостью, а также поддерживал

интеллектуальную жизнь в королевстве. Фульгенций обращался к нему: «Благодаря тебе, милосерднейший король, благодаря тебе, повторяю, научные занятия стремятся проникнуть в законы варварского народа» (*Fulgent. Ad Trasam. I.2*)⁷. Возвращаясь к характеристике его остготской супруги, важно отметить, что Кассиодор подчеркивает в данном случае не просто мудрость представительницы королевского рода, для чего он мог бы использовать термин *sapientia*, а именно наличие у нее знания — *prudentia*. Мы не должны забывать, что мудрость в христианской традиции часто не только не соединялась с образованностью, литературным знанием, но и резко противопоставлялась ей⁸.

Другая родственница Теодориха, Амалаберга (по версии Анонима Вalezия — его сестра, по версии Прокопия Кесарийского — племянница, дочь Амалафриды), была выдана замуж за короля тюрингов Герминифрида. В послании к этому королю (507/511 гг.) Кассиодор от имени Теодориха пишет буквально следующее: «...обретет счастливая Тюрингия то, что родила Италия [королеву], наставленную в литературном знании, нравственно совершенную» (*litteris doctam, moribus eruditam; Cass. Var. IV.1.2*). Вновь мы видим акцент, который Кассиодор ставит не просто на природной мудрости, но прежде всего на книжном знании представительницы рода Амалов.

Также можно вспомнить практически неизвестную Теоденанду, дочь Теодахада, остготского короля с 534 г., и его первой жены Гуделивы. Ее упоминает в качестве супруги готского аристократа Эвермуда Прокопий Кесарийский (*Proc. BG I.8.3*). Сам Теодахад, ее отец, был сыном Амалафриды и приходился Теодориху Великому племянником (*Proc. BG I.3.1*). Сохранился подписанный именем Теоденанды (*Theodenanda c<larissima> f<emina>*) фрагмент стихотворения, написанного элегическим дистихом, который свидетельствует о несомненных литературных способностях автора⁹.

Из всех представительниц рода Амалов более всего прославилась, конечно, Амаласунта, дочь Теодориха Великого. Именно к ней перешла фактическая власть при малолетнем сыне Аталарихе после кончины Теодориха. Сведения о ней можно найти не только у Кассиодора, но и у Прокопия Кесарийского. Кассиодор дает характеристику Амаласунте в двух посланиях. Первое

(533 г.) является его личным обращением к сенату (*Cass. Var. XI.1*). Второе (534 г.) написано от имени короля Теодахада и также обращено к римскому сенату (*Cass. Var. X.4*).

В обращении Теодахада к римскому сенату Кассиодор не без влияния со стороны платоновских идей о философе на престоле¹⁰ создает образ королевы-философа. Кассиодор намеренно противопоставляет ее другим мыслителям прошлого, которые бы, по мнению автора, несомненно признали свое ничтожество на фоне остготской королевы (*Cass. Var. X.4.5*). Он вспоминает, как царица Савская пришла в свое время к Соломону восхититься его мудростью (3Цар. 10:4—6), а ныне другие короли должны с восхищением внимать готской королеве (*Cass. Var. X.4.6*). Но Кассиодор не ограничивается тем, что приписывает готской королеве мудрость и не стремится говорить о Амаласунте в терминах «непросвещенной мудрости». Уже в этом обращении короля к сенаторам Кассиодор говорит о том, что Амаласунта знала множество языков (*Cass. Var. X.4.6*). Эту же мысль он развивал и в собственном обращении к сенату в 533 г.: «...в каком языке она не показывает себя ученойшей? Она изощрена в блеске аттической велеличивости; она сияет великолепием римского красноречия; она славна богатством родной речи... к этому добавляется, словно драгоценная диадема, бесценное знание литературы, посредством чего с обретением мудрости древних неустанно упрочивается королевское достоинство» (*Cass. Var. XI.1.6—7*). Особо обращают на себя внимание слова Кассиодора о знании Амаласунтой греческого языка.

При всем неоднозначном отношении римлян рубежа V—VI вв. к грекам, в котором проявило себя неприятие политики Константинополя, они по-прежнему воспринимались в качестве носителей высокой культуры и образца для подражания. Не случайно и Эннодий, чтобы превознести достоинства Авиена, а потом Боэция, говорит о стяжании ими «золота Демосфена и железа Цицерона» (*Ennod. Ep. I.5.10; VIII.1.4*). Тот же литературный топос без труда может быть обнаружен у Кассиодора¹¹. Владение тремя языками делало Амаласунту в глазах просвещенных современников фигурой исключительной, сопоставимой с лучшими представителями римской аристократии, а благодаря знанию готского языка превосходящей их. Владение несколькими языками

оказывается для Кассиодора не просто свидетельством культурного превосходства королевы и необходимым атрибутом ее королевского достоинства¹², но и имеет вполне прагматический смысл. «Отсюда, — пишет он, — происходит для разных народов неизбежная и великая защита. Ибо для ушей просвещеннейшей госпожи не нужен никакой переводчик. Ибо ни легат не претерпевает промедления, ни она не испытает никакого ущерба из-за необходимости прерывать переводчика, что замедляет его речь, ибо оба они [и королева, и посол] слушают родную речь» (*Cass. Var. XI.1.7*).

Кассиодору вторит Прокопий Кесарийский, который также конструирует образ готской королевы как наследницы римских традиций. Он пишет, что Амаласунта выделялась среди всех своим разумом и справедливостью (*Proc. BG I.2.1*). Именно этот византийский историк сохранил предание о том, что Амаласунта и сына своего Аталариха хотела воспитать на римский лад, заставляла его посещать учителей, чем и вызвала недовольство готской аристократии, заявлявшей, что «Теодорих не позволял никому из сыновей готов посещать школы учителей» (*Proc. BG I.2*)¹³.

В конце 536 г., уже после гибели Амаласунты, во время войны готов с Юстинианом, в Равенне состоялась свадьба нового короля остготов Витигеса и Матасуенты, которая приходилась Амаласунте дочерью и, соответственно, Теодориху Великому внучкой. По случаю бракосочетания Кассиодор, еще остававшийся при дворе, составил эпиталаму, дошедшую до нас в виде небольшого фрагмента¹⁴. В сохранившемся отрывке эпиталамы Кассиодор славит прежде всего Матасуенту, характеризуя Витигеса лишь как смелого мужа (*vir fortis*). Очевидно, что для его прославления использовался привычный для восхваления готского мужа набор характеристик. Витигес оказался достоин короны благодаря своей смелости, воинской доблести. Говоря же о невесте, Кассиодор перечисляет ее достоинства, которые позволяют увидеть в Матасуенте не столько готку, сколько римлянку. Он упоминает и «небесную чистоту», запечатленную на ее лице, и «алую стыдливость», украсившую ее щеки, и «благоразумную умеренность» в ее взоре, и «кроткое благочестие» в благородном сердце, и «спокойную терпимость». В то же время среди этих добродетелей молодой королевы Кассиодор называет присущую ей «достойную уважения мудрость» (*honorata sapientia*).

Конечно, во всей этой характеристике можно увидеть отсутствие индивидуальных черт, которые заменяются штампами и клише¹⁵. Однако, во-первых, с помощью этих клише Кассиодор вновь возвращает своего читателя в мир римских, а не варварских образов, и не последнее место в этом устойчивом наборе достоинств готской королевы занимает ее образованность. Во-вторых, сами эти клишированные характеристики отражают ценности, на которые ориентируется общество.

Как убедительно показано в исследовании Массимилиано Витиелло¹⁶, перечень достоинств, которыми Кассиодор наделяет Матасуенту, а еще раньше Амаласунту, вполне сопоставим с программными установками, сформулированными Эннодием в качестве рекомендаций для двух молодых римлян в «Дидактическом наставлении Амвросию и Беату» (*Paraenesis didascalica*)¹⁷. Речь идет прежде всего о соединении в воспитаннике христианских добродетелей с дисциплинами тривиума, грамматикой и риторикой, первую из которых он называет «кормилицей всех наук», а вторую считает правительницей мира (*Ennod. Opusc. 6.11, 16*). Свое наставление Эннодий начинает с характеристики скромности (*verecundia*), целомудрия (*castitas*) и веры (*fides*). Причем эти добродетели, несмотря на то что они перечисляются в послании молодым людям, не являются исключительно мужскими. В конце этого послания Эннодий называет в качестве примеров для подражания двух римских матрон — Варвару и Стефанию, которых наделяет теми же качествами. В Варваре, пишет он, можно найти «сдержанную скромность (*verecundiam*) и почтительность... и речь, украшенную естественной и [в то же время] искусной простотой... язык ее выдает целомудренное очарование» (*Ennod. Opusc. 6.23—24*)¹⁸. Любопытно, что современник и родственник Эннодия Бозций, характеризуя собственную жену, пишет о ней как о скромной и наделенной целомудрием женщине (*Boeth. Cons. II.4.6*). Если признать, что дидактические рекомендации Эннодия в целом отражают существовавшие в Италии рубежа V—VI вв. принципы воспитания и образования, то можно констатировать, что эти же подходы и установки применялись и в ходе воспитания и обучения готских принцесс.

Использование для наставления остготских принцесс принципов и подходов, применяемых для воспитания и обучения

римской элиты, не удивительно, поскольку есть все основания полагать, что наставниками принцесс были римляне, скорее всего, даже римлянки. По крайней мере, мы можем назвать имя одной из возможных наставниц остготских принцесс. Речь идет о Варваре, которая известна благодаря Эннодию. Он адресует этой римской матроне три письма, а также называет ее имя в «Дидактическом увещании Амвросию и Беату», представляя ее там в качестве одного из образцов добродетельности и образованности (*Ennod. Opusc. 6.23—24*). Из писем видно, что Варвара разбиралась в законах литературы достаточно, чтобы выступить достойным ценителем или даже экспертом. В одном из писем Эннодий просил Беата показать Варваре составленную эпитафию в честь Кинегии (*Ennod. Ep. VII.29.3*). Варвара проживала в Риме, но, судя по письму Эннодия, адресованному ей и составленному предположительно осенью 510 г., она получила приглашение к королевскому двору в Равенну. Само письмо не позволяет точно понять, что стояло за этим приглашением¹⁹, но вполне возможно, что Варвару надеялись видеть при дворе в качестве наставницы для Амаласунты²⁰ и других представительниц королевской семьи. Безусловно, Варвара была не единственным и уж никак не первым наставником представительниц готской элиты в Равенне. Варвара оказалась при дворе Теодориха, когда Амалаберга и Амалафрида уже покинули Италию, переноса одна к северу от Альп, другая в Африку традиции римской образованности.

К сожалению, ограниченность источников и их своеобразие не позволяют ответить на все вопросы, возникающие в ходе исследования римских образовательных традиций при остготском королевском дворе. Можно лишь предполагать, какие методы использовались при обучении представителей германской элиты, какими пределами ограничивался необходимый для освоения материал, какие книги в первую очередь читались с учениками. Но мы можем вполне определенно говорить, что целью Теодориха и его ближайших преемников (Амаласунты, Аталариха, Теодахада) было не только сохранение системы римского образования для италийского населения королевства, но и насаждение римских и даже греческих знаний среди готов, прежде всего среди представительниц королевской династии. Со столь же высокой степенью определенности мы можем говорить о том, что сама эта цель

формулировалась и становилась частью политической программы благодаря таким римским интеллектуалам и просветителям, как Кассиодор, отчасти Бозций и Эннодий. Осуществление же ее стало возможным благодаря готовности представителей римской образованной элиты сотрудничать с новой властью, выступать в качестве ее наставников и учителей.

Примечания

- ¹ См., напр.: *Riché P.* Education et culture dans l'occedent barbare, VIe—VIIIe siècles. Paris, 1962. P. 102—104.
- ² См., в частности: *Mathisen R. W.* Les Barbares intellectuels dans l'Antiquité tardive // Dialogues d'histoire ancienne. 1997. Vol. 23, № 2. P. 139—148 ; *Goltz A.* Gelehrte Barbaren? : Antike Bildung und germanische Oberschicht in der Spätantike // Gelehrte in Antike. Köln, 2002. S. 297—316.
- ³ Тот же рассказ, но уже о Юстине Старшем, приводит Прокопий Кесарийский в «Тайной истории» (*Proc. Anec.* 6). См.: *Ensslin W.* Rex Theodericus inlitteratus // Historisches Jahrbuch. 1940. Bd. 60. S. 391 ; *Mathisen R. W.* Op. cit. P. 142.
- ⁴ *Тюленев В. М.* Слово против меча : новое содержание Romanitas у Эннодия // ANTIQVITAS AETERNA : Поволжский антиковедческий журнал. Н. Новгород, 2014. Вып. 4. С. 305—316.
- ⁵ *Vitiello M.* Il principe, il filosofo, il guerriero : lineamenti di pensiero politico nell'Italia ostrogota. Stuttgart, 2006. P. 40—44.
- ⁶ Некоторые знатные готы при Теодорихе были включены в состав римского сената, что предполагало если не знание ими римских законов, то по меньшей мере владение латинским языком. П. П. Шкаренков называет одиннадцать остготов-сенаторов (*Шкаренков П. П.* Римская традиция в варварском мире : Флавий Кассиодор и его эпоха. М., 2004. С. 134). См. также недавнюю работу о короле-философе Теодохаде: *Vitiello M.* Theodahad : a Platonic King at the Collapse of Ostrogothic Italy. Toronto, 2014.
- ⁷ См. также: *Florent.* In laudem regis. 6—8.
- ⁸ *Уколова В. И.* Античное наследие и культура раннего Средневековья. М., 1989. С. 148 ; *Тюленев В. М.* Рождение латинской христианской историографии. СПб., 2005. С. 91. Как показывает Массимилиано Витиелло, это противопоставление мудрости и книжного знания харак-

- терно не только для христианского мировоззрения: *Vitiello M.* *Il principe, il filosofo, il guerriero.* P. 22—28.
- ⁹ *Vitiello M.* «Nourished at the Breast of Rome»: the queens of Ostrogothic Italy and education of the Roman elite // *Rheinisches Museum für Philologie.* 2006. Bd. 149, 3/4 h. P. 400.
- ¹⁰ Ср.: «Пока в государствах не будут царствовать философы, либо так называемые нынешние цари и владыки не станут благородно и основательно философствовать... до тех пор... государствам не избавиться от зол» (*Plat. Rep.* 473d, пер. А. Н. Егунова). Идеи Платона продолжали оставаться актуальными во времена остготского периода раннесредневековой культуры. Бозций признается, что именно платоновская идея о единстве философии и государственного служения побудила его пойти во власть (*Boeth. Cons.* I.4.5).
- ¹¹ *Arnold J. J.* *Theoderic, the Goths, and the Restoration of the Roman Empire.* Michigan, 2008. P. 125—126.
- ¹² *Шкаренков П. П.* Указ. соч. С. 120.
- ¹³ М. Витиелло предположил, что Прокопий в данном случае мог перепутать сына Амаласунты Аталариха с ее дочерью Матасвинтой, которой действительно могли дать «литературное» образование (*Vitiello M.* «Nourished at the Breast of Rome». P. 402).
- ¹⁴ Цит. по: *Cassiodorus.* *Orationum reliquiae* // *MGH AA* 12. P. 480—481.
- ¹⁵ *Шкаренков П. П.* Указ. соч. С. 221.
- ¹⁶ *Vitiello M.* «Nourished at the Breast of Rome». P. 404.
- ¹⁷ См. наш перевод: *Эннодий.* Амвросию и Беату // *CURSOR MUNDI* : человек Античности, Средневековья и Возрождения. Иваново, 2014. Вып. 6. С. 49—59.
- ¹⁸ Вспомним уже перечисленные Кассиодором достоинства Матасуенты: *castitas, verecundia, pietas, temperantia, modestia* (*Cass. Or. rel.* P. 480). Как видно, большинство из них восходит к тексту Эннодия.
- ¹⁹ Фраза Эннодия звучит как *ad comitatenses excubias*, что можно понять как «для придворных вахт» (*Ennod. Ep.* VIII.16.3).
- ²⁰ *Vitiello M.* «Nourished at the Breast of Rome». P. 408 ; *Barbara* // *Martindale J. R.* *The Prosopography of the Later Roman Empire.* Vol. 2 : AD 395—527. Cambridge, 1980. P. 208.

И. Д. Назаров

**РОЛЬ ИНТЕЛЛИГЕНЦИИ В ФОРМИРОВАНИИ
ПРАВСТВЕННЫХ ОСНОВАНИЙ ПРАВОСУДИЯ
НОВОГО ВРЕМЕНИ:
ЭТИКО-ФИЛОСОФСКИЙ АНАЛИЗ**

Приблизительно в начале XIV в. общинная (корпоративная) система управления средневековым обществом стала претерпевать серьезные изменения. Правящая интеллигенция стремилась к централизации власти. Эти обстоятельства оказали серьезное влияние на существовавшую в то время систему отправления правосудия. Правители осознавали, что суд является ключевым инструментом осуществления властной деятельности, с помощью которого возможно регулировать и охранять складывающиеся общественные отношения и порядок.

Изменилось и представление общества о сущности правонарушения. Если раньше правонарушения рассматривались как посягательство на интересы общины, то теперь их совершение стало расцениваться как покушение на интересы государства в целом. Право в качестве инструмента управления получает ярко выраженный уголовно-правовой характер. А. Беттони отмечает: «До сего момента право существовало и развивалось вне Государства; оно формировалось под влиянием общины, своей создательницы, находясь с ней в гармонии и тесном переплетении и поддерживая свое длительное существование в отдалении от обычной политики»¹.

Указанные новеллы постепенно отстраняли общину от принадлежащего ей права, непосредственного рассмотрения

© Назаров И. Д., 2016

Назаров Илья Дмитриевич — аспирант кафедры философии и религиоведения Шуйского филиала Ивановского государственного университета. nazarov_37@mail.ru

судебных дел. Правосудие общины целенаправленно заменялось на правосудие государственных лиц, наделенной государственно-властными полномочиями интеллигенции. Тем не менее, существование нового вида правосудия, осуществляемого в соответствии с предусмотренными процессуальными нормами *ex officio* (официально), не свидетельствовало о мгновенном исчезновении правосудия общины. Рассматривая особенности развития правосудия в тот или иной исторический период, мы не можем указать на точные хронологические рамки изменения его форм, подходов, сущности. Используя весьма условные термины: античность, средние века, новое время и т. д., мы пытаемся раскрыть явление правосудия в его генезисе, обратить внимание не на дату, а на ту «особенность», появление которой свидетельствует о качественно новом уровне развития объекта исследования.

Итальянский ученый М. Сбриколи, ссылаясь на «Трактат о злодеяниях» Альберта Гандиния, утверждал, что при совершении тяжких преступлений (убийства), стороны вправе достичь соглашения, получить удовлетворение и таким образом примириться. Однако данные соглашения не могли предотвратить процесс расследования правонарушения правоохранительными органами государственной власти и лишить их возможности карать виновного². Тем не менее, в указанный период в процессе отправления правосудия сохранялись существовавшие ранее правовые конструкции, что позволяло зачастую добиваться прекращения дела на основании общего согласия сторон, пусть и при содействии официального судьи.

Кроме того, длительное время община сохраняла за собой право освободить одного из своих членов от применения пыток. Такого рода освобождение было возможно исключительно при наличии *bona fama* (доброй молвы) в отношении конкретного члена общины. Применение подобного морально-нравственного подхода представляется вполне обоснованным. Община, как сравнительно малочисленное объединение людей, имела представление о каждом своем члене. Моральный облик человека, для своего окружения, складывался на протяжении длительного периода времени. Именно поэтому представители общины, с большей долей вероятности, могли предположить, что ее член, в отношении которого

ведется расследование, не совершал противоправного поступка, и тем самым защитить его от применения пыток.

Постепенно общину устраняют от процесса судопроизводства. Правосудие теперь осуществляется государственными судьями, получающими право судить и наказывать. Именно в этот период, по свидетельству А. Беттони, «на официальных изображениях и статуях Правосудия, украшающих европейские церкви, площади и здания, в дополнение к двум обязательным атрибутам (мечу и весам) появляется повязка на глаза»³.

Уменьшение роли общины (*ius commune*) в процессе отправления правосудия способствовало и снижению значения общественных оценок (молвы) в отношении участников судебного процесса.

Другой важной особенностью правосудия в период Нового времени является последовательная криминализация совершаемых в обществе деяний. Желание властвующей интеллигенции укрепить свое положение выразилось в расширении функций судей по рассмотрению и разрешению, прежде всего, уголовных дел. Наибольшее выражение указанные особенности нашли в английском правосудии.

По мнению профессора истории Д. Роуботама, «в Англии XVIII в. поведение, которое бы обратило на себя мало внимания или подверглось бы осуждению, к середине XIX в. уже считалось бы криминальным. Данный процесс расширения сферы криминализации всё большего количества аспектов индивидуального поведения в повседневной жизни продолжается и по сей день»⁴.

Коренное изменение законодательства от диспозитивного к императивному в таких сферах, как, например, семейные, межличностные отношения, здравоохранение, санитарная безопасность и т. д., максимально детализировало содержание противоправного деяния. Процесс правосудия в подобных случаях становился инструментом регулирования со стороны государственной власти.

Такой подход вывел криминализацию деяний за пределы правового поля. Ставя перед собой цель улучшения социального благосостояния населения, государственная власть изменяла правовую оценку совершаемых деяний, которые до этого воспринимались как допустимые и правомерные⁵.

Особенность процесса криминализации наиболее наглядно может быть выражена при обращении к понятиям «вина» и «позор». Вина является правовым элементом определения причастности или не причастности лица к совершенному преступлению. В общетеоретическом смысле она представляет собой психическое отношение индивида к совершенному им деянию (действию или бездействию), которое проявляется в осознании его совершения, предвидении наступления общественно опасных последствий и желании их наступления. Однако для расширения содержания судебных практик в рамках процесса криминализации недостаточно только легального определения понятия вины. Расширение круга противоправных деяний требует значительных стереотипно закрепленных моральных убеждений, которые, по мнению Д. Роуботама, «призваны наполнить смыслом судебное решение, объяснить и оправдать его»⁶. Например, неправомерность какого-либо деяния может быть обусловлена его социальной оценкой как достойной осуждения, по причине наличия аморального мотива — жадности, трусливости. Подобные аспекты обогащают структуру преступления посредством введения нравственного аспекта, который, в той или иной мере, должен принять во внимание суд при вынесении приговора или решения по конкретному делу.

Позор не является правовым термином, однако он имеет непосредственное отношение к процессу отправления правосудия в качестве нравственного фактора признания деяния неправомерным. Причем данный фактор одинаково присутствует во всех видах судебных процессов. Действительно, с точки зрения позора не имеет значения, рассматривается ли уголовное дело о краже чужого имущества, гражданское дело о неосновательном обогащении или административное дело о грубом нарушении правил дорожного движения вследствие нахождения водителя в состоянии алкогольного опьянения. Все эти виды правонарушений общество будет расценивать как недостойное, аморальное поведение, нарушающее существующие правила.

Начиная с Нового времени суд при рассмотрении дела обращает внимание не только на *auctoritas* (престиж стороны), как это было в античный период, не на *bona fama* (хорошая молва о человеке), как это было в средние века, а прежде всего на правовой,

и что не менее важно — на морально-нравственный и религиозный характер человеческого деяния. В данном случае суд является носителем и выразителем социальной реакции на совершенное деяние.

Следует отметить, что в судебных системах некоторых стран признание способности суда установить истину по делу должно было исходить не только от общества в целом, но и от всех сторон, участвующих в рассмотрении дела. Так, при оглашении вердикта в наиболее консервативных системах уголовного правосудия резюмировалось, что осужденный примет вынесенный вердикт в качестве обоснованного и справедливого⁷. Именно поэтому в Англии в эпоху суровой системы правосудия, названной в народе «Кровавым кодексом» (XVI—XIX вв.), применялось жесткое давление на обвиняемого с целью получения устного заявления лица о совершении им преступления, особенно если данное лицо относилось к 12—15 % приговоренных к смертной казни⁸. Вокруг такого процесса складывалось внушительное информационное поле, позволяющее обществу следить за каждым этапом судебного разбирательства. Суд как шоу — вот истинное лицо процесса судопроизводства Англии в Викторианскую эпоху. Ярким примером такого подхода к правосудию является показательный суд над ирландским поэтом и писателем Оскаром Уайльдом, который обвинялся в совершении «грубой непристойности», согласно «Поправке Лабушера». Даже при отсутствии прямых доказательств и дефиниции «грубой непристойности» суд, под давлением общественности, признал Уайльда виновным и приговорил его к двум годам тюремного заключения и исправительных работ.

Особый интерес вызывает существовавшая в Англии Нового времени идея о безусловном установлении фактов рассматриваемого дела. Она заключается в том, что если сведения о фактических обстоятельствах нельзя установить, надо полагаться на Божественную помощь. В любом случае государство, как представитель Бога на земле, получит возможность принять справедливое решение по делу⁹. В 1827 г. в графстве Саффолк (Англия) рассматривалось дело об убийстве, иллюстрирующее указанную выше идею.

Насильственный характер смерти девушки был установлен только тогда, когда призрак ее стал являться во снах ее матери и рассказал ей, что девушку убили, а тело ее закопано в сарае. Сообщаемые призраком сведения убедили отца девушки начать расследование. После обнаружения трупа жених девушки был назван подозреваемым. Он не признался в содеянном, однако присяжные вынесли вердикт о его виновности. По приговору суда молодой человек был повешен. Перед казнью он признался в убийстве и заявил, что девушка требовала от него вступления в брак, поскольку была беременна. Интересно, что показания молодого человека не были приняты судом во внимание, пресса изображала потерпевшую чистой обманутой девушкой. Будучи матерью двух незаконнорожденных детей, невинной девушкой потерпевшая естественно не была, однако традиции информационного сопровождения подобного судебного разбирательства требовали определенной корректировки реального положения вещей¹⁰.

Процесс криминализации деяний, в рамках конкретной правовой системы, решал, по мнению общества, многие социальные задачи. Прежде всего, он способствовал стигматизации наиболее заслуживающих порицания членов общества. При помощи его судебная власть пыталась сформировать порядок из хаотичности совершаемых правонарушений, предотвратить их повторное совершение посредством интерпретации его события. Указанный процесс обеспечивал также высокую степень вовлечения общественности в обсуждение рассматриваемых судебных дел и одобрение вынесенных по ним решений.

Наличие определенных позитивных сторон процесса криминализации сочеталось с присущими ему негативными последствиями. Ориентированность суда на уголовно-правовой (инквизиционный) процесс способствовала распространению соответствующего подхода при рассмотрении и других видов дел. Так, Д. Роуботам приводит следующий казус из архива газеты «Дейли Телеграф» за 1870 г.: «Мистер Эдмунд Бакленд, комиссионер из Баттерси, был вызван в суд по иску Лондонской газовой компании для объяснения причины, по которой он не должен быть заключен в тюрьму за неуплату суммы в 9 фунтов 0 шиллингов 9 пенсов, которую он обязан заплатить по счету за потребленный газ»¹¹.

Указанный пример свидетельствует о том, как гражданское дело по иску о взыскании задолженности может получить ярко выраженный криминальный оттенок. Следует обратить внимание на то, что лицо вызывается в суд не для дачи объяснений причины нарушения сроков оплаты выставленного за газ счета, а для объяснения причины, по которой он не должен быть заключен в тюрьму. Получается, что установление факта наличия задолженности уже не относится к предмету рассмотрения дела. Сомнительный «юридический факт» детерминируется обращением газовой компании в суд с исковым заявлением, а непосредственное судебное заседание по делу необходимо для того, чтобы решить вопрос о применении к лицу позорящего наказания. Принимая во внимание тот факт, что последствия заключения в тюрьму могли негативно сказаться не только на репутации конкретного лица, но и на репутации членов его семьи, английское общество не всегда одобряло подобного рода судебные решения.

На основании изложенного можно сделать вывод о том, что начиная с периода Нового времени сфера отправления правосудия в обществе всецело переходит под контроль наделенной властными полномочиями интеллигенции. Усиление ее влияния прослеживается через постепенное ограничение полномочий общины при отправлении правосудия, централизацию и усиление власти судебных органов, последовательную криминализацию совершаемых деяний, формирование в обществе идеологии справедливости принимаемых судебных актов и безапелляционной уверенности в неизбежности разрешения любого дела.

Примечания

¹ *Беттони А.* Fama, позорящие наказания и история правосудия (XVI—XVII вв.) // Вина и позор в контексте становления современных европейских государств (XVI—XX вв.) : сб. ст. СПб., 2011. С. 28.

² *Sbriccoli M.* Legislation, justice, and political power in Italian cities, 1200—1400 // *Padoa Schioppa A.* Legislation and Justice. Oxford, 1997. P. 49.

³ *Беттони А.* Указ. соч. С. 30.

- ⁴ *Роботам Д.* Изменчивая сущность порицания: пересмотр подходов к перераспределению вины и опозориванию в системе английского уголовного правосудия // Вина и позор в контексте становления современных европейских государств. С. 100.
- ⁵ См., напр.: *Charlesworth L.* Welfare's Forgotten Past : a Socio-Legal History of the Poor Law. N. Y., 2009.
- ⁶ *Роботам Д.* Указ. соч. С. 101.
- ⁷ См., напр.: *Gatrell V. A. C.* The Hanging Tree, Execution and the English People, 1770—1868. Oxford, 1987.
- ⁸ *Rowbotham J.* Punishment and execution — 1750—2000 // *Histories of Crime : Britain, 1600—2000.* Houndsmill, 2010. P. 180—202.
- ⁹ См., напр.: *Gaskill M.* Report murder : fiction in the archives in early modern England // *Social History.* 1998. Vol. 23. P. 1—30.
- ¹⁰ *Weiner M.* Men of Blood: Violence, Manliness and Criminal Justice in Victorian England. Cambridge, 2003. P. 139.
- ¹¹ *Роботам Д.* Указ. соч. С. 110.

ИЗ ИСТОРИИ ВОЕННОЙ ИНТЕЛЛИГЕНЦИИ

ББК 63.3(2)622-283.2

А. Ю. Чередникова

ПЕРЕВОДЧИКИ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ КАК ПРЕДСТАВИТЕЛИ СОВЕТСКОЙ ВОЕННОЙ ИНТЕЛЛИГЕНЦИИ

(По материалам мемуарного наследия)

Отечественная интеллигенция как феномен в развитии и становлении российского общества находится в русле межпредметных исследований ученых. Актуальными в последнее время стали работы в сфере изучения национальной и профильной интеллигенции в разные периоды отечественной истории¹. Вопросами формирования и генезиса отечественной военной интеллигенции со времен Древней Руси до начала XX века посвящены немногочисленные, но весомые труды А. З. Гильманова, Е. В. Ишемской, А. В. Попова² и др. Над проблемами современной интеллигенции и ее роли в истории XX века работают И. И. Никонов, И. А. Самолыга и др.³

Военная интеллигенция, будучи структурной составляющей интеллигентского целого, представляет собой многообразную по составу, но единую социально-профессиональную группу и является сложной по определению понятия, его ценностному содержанию⁴. В отечественной историографии XX века наблюдалась

© Чередникова А. Ю., 2016

Чередникова Анна Юрьевна — кандидат исторических наук, доцент кафедры всеобщей истории Поморского государственного университета (Архангельск). anna41975@mail.ru

тенденция обозначения термином «военная интеллигенция» только военнослужащих офицерского корпуса, синонимизации понятий «офицер» и «интеллигент». Конец XX — начало XXI века привнесли качественное изменение в постановку вопроса. По словам А. В. Попова: «На повестке дня встала проблема выделения военных интеллигентов из общего числа офицеров»⁵. Действительно, эти попытки осуществлялись, однако точки зрения ведущих в данном вопросе историков по-прежнему фокусировались вокруг отождествления понятий «военный интеллигент» и «офицер»⁶.

Ставя во главу угла профессиональную подготовку, А. В. Попов предлагает следующую дефиницию понятия «военная интеллигенция»: «...особая социокультурная общность теоретиков и практиков военного искусства, профессионально занятых созданием, развитием и распространением военной культуры, управлением в сфере обороны и воспитанием личного состава, взявших на себя ответственность за формирование военными средствами “ответов” на возникающие перед обществом “вызовы”»⁷. Ряд авторов подчеркивают, что отличительными чертами и особыми характеристиками представителей военной интеллигенции являются не только профессиональная принадлежность и вовлеченность в военное дело, но высокий уровень гражданской ответственности, патриотизма, жертвенности, индивидуального сознания, приоритет духовно-нравственных ценностей, чести, достоинства и воинской этики⁸.

Таким образом, помимо полученного высшего военного образования, соответствующего воспитания, необходимым условием принадлежности к прослойке военной интеллигенции выделяются нравственная и ценностная составляющие личности.

Из этого посыла следует, что источниками пополнения военной интеллигенции в численном и качественном составе служили лишь высшие военные учебные заведения и потомственные офицерские семьи. Однако ряд коллег отстаивают ту точку зрения, что представители гражданской интеллигенции, задействованной в непосредственно военной деятельности или в ином интеллектуальном и творческом обеспечении Вооруженных Сил в разное время, также могут рассматриваться в качестве представителей военной интеллигенции⁹.

Мы согласимся с данным утверждением, и, опираясь на вышеупомянутое сводное понятие «военная интеллигенция», попытаемся внести свою лепту в обогащение дефиниции, подтвердить мнение о существенной значимости гражданского компонента в генезисе военной интеллигенции. В качестве объекта исследования выступают военные переводчики Великой Отечественной войны как один из конструктов прослойки военной интеллигенции.

Учитывая специфические характеристики представителей военной интеллигенции, на основании нравственно-этического подхода к данному феномену, попытаемся выявить источники формирования прослойки военных переводчиков, охарактеризовать их профессиональную деятельность, выявить степень влияния переводческой деятельности на становление военнослужащих как интеллигентов и, наоборот, проанализировать реализацию характеристик и отличительных черт интеллигента в сфере деятельности военных переводчиков.

В междисциплинарном дискурсе прослойка военных переводчиков находится в состоянии слабой изученности. На страницах электронной сети Военный университет Министерства обороны РФ, в чью структуру ныне входит Военный институт иностранных языков, размещает информацию, касающуюся истории зарождения и развития вуза, публикует монографии и учебные пособия, выпущенные в стенах института¹⁰. В этих материалах отображается деятельность основателей курсов военных переводчиков, самого вуза и пр. Существует ряд статей и заметок, посвященных военным переводчикам времен Великой Отечественной войны (далее — ВОВ)¹¹. Однако фундаментальных исследований по изучению истории военных переводчиков и формированию их как конструкта структуры военной интеллигенции в отечественной историографии нет.

Если учесть, что в 1929 году приказом № 125 от 21 мая Заместителя Народного комиссара по военным и морским делам и Председателя Реввоенсовета СССР «Об установлении звания для начсостава РККА “Военный переводчик”» впервые в стране была введена специальность «военный переводчик», а история военного вуза, в котором готовили профессиональных переводчиков, начинается фактически в 1940 году, т. е. в ходе Второй мировой

и накануне Великой Отечественной войны, то становится очевидным, что именно ВОВ послужила толчком к качественному оформлению этой уникальной прослойки (советской) военной интеллигенции — военных переводчиков. Герой Советского Союза, писатель, лауреат Государственной премии СССР, в войну — разведчик, В. В. Карпов дал справедливо высокую оценку роли переводчиков на войне. Он писал: «Без них, людей, не только владеющих языком противника, но и знакомых с его военной машиной, умеющих свободно ориентироваться в трофейной документации, вылавливать из эфира нужные сведения, трудно было провести бой или военную операцию... Да, нам разведчикам, было бы просто бессмысленно идти на опасную охоту за “языком”, если бы мы не были уверены, что опытный переводчик получит от него максимум ценных сведений, тех, что помогут нашему командованию принять правильное решение»¹².

Многие переводчики ВОВ не были профессиональными толмачами, зачастую ими становились переученные студенты гуманитарных факультетов вузов (И. Я. Биск), либо сносно знающие язык врага рядовые военнослужащие (М. С. Альперович, С. М. Верников и др.). Ряд из них оставили после себя литературное и мемуарное наследие о своей фронтовой жизни переводчика. Хотя этот вид исторических источников является второстепенным, он — жив и информативен, поэтому стал незаменимым и максимально полно отражающим деятельность и быт военных переводчиков ВОВ. Кроме них к исследованию привлекались произведения художественной литературы, авторами которых являлись участники событий, военные переводчики, разведчики (Е. Ржевская), а также учебные пособия для разведчиков и военных переводчиков, составленные в годы войны и позже.

Известно, что 1 февраля 1940 года при Втором Московском государственном педагогическом институте иностранных языков был создан военный факультет со статусом высшего военно-учебного заведения по изучению европейских языков. Начальником факультета был назначен генерал-майор Н. Н. Биязи. В июле того же года образовалось еще одно высшее филологическое военно-учебное заведение — Военный факультет при Москов-

ском институте востоковедения. В начале 1941 года факультеты переименовываются, став факультетами соответственно западных и восточных языков.

Стремительное развитие событий на фронтах ВОВ и острый дефицит переводчиков заставили командование перевести факультеты на курсовую систему подготовки специалистов, где в массовом порядке (до 3000 человек одновременно) стали готовить личный состав по языкам стран гитлеровской коалиции. Осенью 1941 года, с приближением фронта к Москве, факультеты эвакуируются в глубокий тыл, факультет западных языков — в Ставрополь-на-Волге (ныне Тольятти), а восточных языков — в Фергану. 12 апреля 1942 года факультеты объединяются под единым командованием в Ставрополе-на-Волге, и с этого момента начинает звучать гордое название «Военный институт иностранных языков Красной Армии»¹³.

Как совершенно справедливо отмечает Е. В. Ишемская: «Слой интеллигенции чрезвычайно широк — от рядового до генерала, от курсанта военного училища до студента военной кафедры гражданского вуза»¹⁴. Это утверждение находит подтверждение в контексте процесса формирования прослойки военных переводчиков периода ВОВ. По объективным причинам профессиональных военных переводчиков на фронте практически не было, их силы в основном концентрировались на подготовке переводческих кадров.

При острой, особенно в начальный период войны, нехватке «языковых» специалистов переводчиками в звене дивизия — полк становились нередко случайно. Сами командиры подыскивали переводчиков среди мало-мальски знающих язык солдат и офицеров. Так, С. М. Верников, один из военных переводчиков, оставивших свои письменные воспоминания, пришел на фронт военфельдшером¹⁵. Случайно в беседе с начальником политотдела 153-й дивизии выяснилось, что Верников прилично владеет языком; практически сразу он был переведен в разведывательный отдел на вакантную должность переводчика. Так же неожиданно для себя стал переводчиком М. С. Альперович. Автор вспоминает, что, будучи «рядовым необученным», был назначен на должность заместителя политрука (что соответствовало рангу старшины). А после тяжелого ранения штатного переводчика его поста-

вили на должность переводчика (переводчик согласно тогдашнему штатному расписанию одновременно являлся и помощником начальника дивизионного разведотдела (лейтенант)). «Положение мое было довольно двусмысленным, т. к. я занимал должность строевого командира, не имея ни офицерского звания, ни военной подготовки, ни достаточно боевого опыта» (апрель 1942 года. — *А. Ч.*)¹⁶. Но командование аттестовало его на месте, присвоив звание младшего лейтенанта.

Исходя из того, что общность военных переводчиков в годы ВОВ формировалась не только из профессиональных военных — офицеров, но и из числа призванного и наскоро обученного гражданского персонала и рядового состава, степень их подготовленности (по уровню знаний языка врага, техники перевода, военного дела) была неодинаковой.

Практически все обучавшиеся и преподававшие на курсах военных переводчиков оставили свидетельства, в которых отмечается высокий профессионализм педагогов и организаторов. Из воспоминаний Н. Н. Биязи: «Для военного переводчика главным был опрос пленного и перебежчика в условиях работы в крупных штабах и на передовой линии фронта, а также разговор с местными жителями, как во временно оккупированных противником странах, так и на его территории. Во всех случаях подготовки мы требовали твердого знания грамматики и накапливания запаса нужных слов, а также знания идиоматики и военного жаргона. Преподаватели знакомили слушателей с историей изучаемого языка, методикой преподавания, более глубоким изучением грамматики. Слушатели старших курсов педфака вели практику преподавания в подшефной школе, на краткосрочных курсах и на младших курсах всех факультетов института. Всегда остро стоял вопрос с учебными пособиями, но вскоре от рукописных заданий мы перешли к заданиям, напечатанным на машинке с русским и иностранными шрифтами, а затем к материалам, издаваемым в своей институтской типографии. Общие учебники были, но в них отсутствовал нужный нам военный элемент, поэтому мы приступили к изданию своих учебных пособий, военных русско-иностранных словарей, словарей военного жаргона и разговорников»¹⁷.

Вспоминает фронтовик И. Левин: «Работали с нами штатные преподаватели и наиболее подготовленные выпускники —

Е. А. Гофман (впоследствии — переводчик на Нюрнбергском процессе, теоретик и практик синхронного перевода), А. А. Иванова, О. П. Костарева и др. Параллельно с немецким языком изучались структура немецко-фашистской армии, тактика, вооружение врага. По мере поступления трофейных документов и протоколов допроса военнопленных вводились новые предметы, создавались новые учебники. Дело было абсолютно новым, уже в первые месяцы войны вышел «Краткий русско-немецкий военный разговорник», составленный Н. Биязи и А. Монигетти»¹⁸. Им широко пользовались на фронте бойцы и командиры. Тогда же Биязи создал актуальнейшее пособие «Техника допроса пленного». В тяжелейших условиях передислокации, острой нехватки кадров, типографских рабочих, при самостоятельной издательской базе, преподавателями курсов за первые полгода войны было выпущено около 20 учебно-практических пособий.

Со всеми убывшими на фронт слушателями институт поддерживал непосредственную связь, ведя активную переписку. Слушатели писали о затруднениях, которые они встречали в своей работе, давали советы по улучшению подготовки переводчика, присылали много ценных образцов различных трофейных документов. Всё это использовалось в практической работе института, подготовке последующих групп переводчиков на факультетах и различных курсах. Так складывалась собственная школа подготовки военных переводчиков, ярких и неординарных представителей военной интеллигенции.

Говоря о фронтовых буднях военных переводчиков и анализируя данные мемуаров, мы выделили ряд характерных особенностей деятельности, в которой военные переводчики идентифицируются как представители военной интеллигенции.

Основной должностной нагрузкой военных переводчиков выступал перевод допроса военнопленного. Приступив к исполнению своих непосредственных и вызванных фронтовой необходимостью обязанностей, военные переводчики сталкивались со множеством проблем. Даже те из них, у которых была сильная школьная, вузовская подготовка, отмечали это. Основная из них — языковая: зачастую слабое знание военной терминологии врага, диалектов немецкой речи, своеобразное произношение и

звучание по-немецки названий советских населенных пунктов. Известно, что классическая немецкая речь существовала только в высоких образцах немецкой культуры и учебниках. На деле же большинство пленных — простые солдаты — были выходцами из разных земель Германии и разговаривали на своих диалектах, нередко плохо понимая друг друга. Об одном языковом казусе вспоминает И. Я. Биск: «Лишь однажды в 1942 году я так плохо понимал допрашиваемого, что спросил, на каком языке он изъясняется. Когда смысл этого вопроса дошел до него, он с улыбкой до ушей произнес: “Но господин старший лейтенант, я ведь шваб: настоящего шваба вообще никто понять не может”»¹⁹. «Пленные сразу же видели, с кем имеют дело, — пишет И. Левин. — Многие из них так строили ответ, чтобы я ничего не понял или понял неверно. Встречались и откровенные наглецы, которые, ссылаясь на какие-то конвенции, требовали теплых помещений, еду, сигарет»²⁰. В подобных ситуациях военный переводчик должен был проявлять выдержку и упорство, не теряя чувства собственного достоинства и гуманного отношения к врагу, выступать как высоконравственный, психологически подготовленный, нацеленный на качественное выполнение поставленной боевой задачи военнослужащий.

С целью получения достоверной информации опытным путем вырабатывались формы допроса и стиль поведения с допрашиваемыми. Угрозы и разговор с позиций силы были исключены. От запуганного человека редко можно добиться правды. Скорее всего, он будет говорить то, чего от него ожидают (например, о больших потерях, о низком морально-боевом духе и т. д.). Гитлеровские солдаты, напуганные нацистской пропагандой, ждали в плену если не расстрела, то пыток и издевательств, поэтому нормальное человеческое отношение пленные воспринимали как дар судьбы. О применении подобных, «человеческих», методов ведения допроса И. Я. Биск вспоминает: «К захваченным пленным мы никогда не применяли физических методов воздействия. Если кто-либо из случайно оказавшихся на допросе высоких начальников спрашивал меня, не применить ли таковые к пленному, который, с его точки зрения, не дал ценных сведений, я отвечал, что это психологически не оправдано и нерационально: мягкими сочувственными разговорами о доме и близких пленного с после-

дующим замечанием, что он их еще увидит, если будет правдив, мы добивались гораздо лучших результатов»²¹. Такие характеристики личности военного интеллигента, как терпимость, приверженность принципам общечеловеческой и военной культуры, чувство собственного достоинства, были свойственны военным переводчикам и продуктивно сказывались в их профессиональной деятельности.

Военные переводчики помимо личных качеств, которые формировались за счет самовоспитания, неустанно совершенствовали профессиональную подготовку. Это было продиктовано не столько требованиями войны, сколько чувством патриотизма, самоотверженности, сопричастности к общему делу освобождения Родины от фашизма. Существовало несколько направлений самообразования и повышения уровня военно-профессиональной подготовки:

— систематизация и перевод трофейных документов. У переводчиков первых военных лет возникали трудности с обработкой трофейной документации: солдатских книжек, листовок, боевых приказов, перехваченных писем на Родину. Писали сложным готическим шрифтом, которым приходилось овладевать, ведь армейская переписка — немаловажный источник информации. Об этой трудности красноречиво свидетельствует автор автобиографических записок А. А. Синклинер, который имел только школьную языковую подготовку: «Пришлось учиться на ходу. И не только переводить и допрашивать, но даже читать и писать. Дело в том, что немцы в документах, написанных от руки, и в личной переписке применяли готический шрифт, а в школе не учили нас письменной готике. И вот я, как первоклассник, глядя на алфавит в словаре, вывожу стрельчатые готические буквы. Изучаю сокращения военных терминов, которые немцы широко применяли не только в документах, но и в разговорной речи»²²;

— работа на рациях перехвата информации из эфира;

— обязанности по составлению листовок, воззваний. Оружием становилось и живое слово, с которым переводчики обращались к солдатам вермахта через мощные окопные громкоговорящие установки. Грамотным, проникновенным печатным и устным словом работники седьмого отдела политорганов частей и соединений, к которым относились и переводчики, оказывали мо-

ральное воздействие на вражеского солдата. От того, насколько безукоризненно, до диалектических нюансов, переводчики знали язык, во многом зависел успех фронтовой пропаганды²³;

— составление рефератов и обобщающих работ на определенные темы. И. Я. Биск называет эту обязанность «военно-исследовательской работой». С задачей реферирования успешно справлялись те переводчики, которые систематически повышали свои языковые знания, следили за состоянием и развитием тактических принципов, умели правильно оценить то новое, что появлялось у противника, умели обобщать и анализировать многочисленные сведения о противнике, поступающие из разных источников, от различных видов и средств разведки.

Таким образом, в годы войны переводчики сумели найти свое место в штабной и разведывательной деятельности и снизить заслуженное уважение и авторитет. Повседневный контроль со стороны вышестоящих штабов, систематическое живое общение полковых и дивизионных переводчиков со своими непосредственными начальниками и товарищами прививали им вкус к работе, заставляли чувствовать большую ответственность за добываемые путем допроса сведения, за обработку и изучение документов противника.

Глубокое чувство любви к Родине и народу, верность присяге, гордость за принадлежность к великой армии великой страны, стремление совершенствовать профессиональные знания и умения и применять их в деле, терпимость, уважение к человеку, будь то даже враг, — вот основные характеристики военного переводчика как интеллигента. Особую роль в становлении военных переводчиков в годы ВОВ в структуре военной интеллигенции сыграли не только профессиональные военные, но и гражданские специалисты. Даже наскоро обученные и подготовленные переводчики, ставшие офицерами Красной Армии, в силу специфики деятельности воспитывали в себе вышеупомянутые качества военной интеллигенции. По мере овладения военной наукой и языком врага в тяжелейших фронтовых условиях военные переводчики стали одними из важнейших специалистов, от которых зависели жизни многих людей, судьбы полков, армий, Советской Родины.

Примечания

- ¹ *Балдано С. В.* Формирование и развитие художественной интеллигенции Бурятии (1923—1991 гг.) : дис. ... канд. ист. наук. Улан-Удэ, 2004 ; *Купцова И. В.* Художественная интеллигенция в годы Первой мировой войны, июль 1914 г. — март 1918 г. : дис. ... канд. ист. наук. М., 2004 ; *Смирнова А. М.* Столичная интеллигенция в годы Первой мировой войны : дис. ... канд. ист. наук. СПб., 2000 ; *Троякова Ю. К.* Советская историография культуры и творческой интеллигенции национальных районов Южной Сибири в 1965—1991 годах // Вестник Пермского университета. Сер.: История. 2014. № 4 (27). С. 151—158 ; и др.
- ² См. подробнее: *Гильманов А. З.* Военная интеллигенция как социально-профессиональная группа : дис. ... д-ра социол. наук. Уфа, 1992 ; *Захаров Н. В.* Роль военной интеллигенции в формировании высокого морального духа армии России // Интеллигенция/интеллектуалы в кризисные и переломные периоды общественного развития : XXVI Междунар. науч.-теорет. конф. Иваново, 2015. С. 183—184 ; *Ишемская Е. В.* Сущность и противоречия личностного развития «военной интеллигенции» // Вестник Чувашского университета. 2008. № 4. URL: http://cyberleninka.ru/journal/n/vestnik-chuvashskogo-universiteta?issue_id=852677#issues-list-title (дата обращения: 25.09.2015) ; *Константинов С. И.* Специфика Гражданской войны в Урало-Поволжском регионе и военная интеллигенция России // Интеллигенция и мир. 2013. № 3. С. 81—98 ; *Маслѣхин В. Л.* Полководцы — элита военной интеллигенции // Интеллигенция/интеллектуалы... С. 106—108 ; *Попов А. В.* Военная интеллигенция России: генезис, формирование и развитие духовно-нравственных ценностей (X — начало XIX в.). Иваново, 2007 ; *Попов А. В.* Генезис, формирование и развитие системы ценностей военной интеллигенции России (X — начало XX в.) : дис. ... д-ра ист. наук. М., 2012 ; *Попов А. В.* Динамика формирования и развития военной интеллигенции // Интеллигенция и мир. 2005. № 1/2. С. 59—60 ; *Самолыга И. А.* Нравственное и религиозное воспитание будущих офицеров Российской империи в к. XIX — начале XX в. // Интеллигентоведение: теория, методология и социокультурная практика: материалы XXV Междунар. науч.-теорет. конф. Иваново, 2014. С. 154—156 ; *Соколов А. В.* Поколения русской интеллигенции. СПб., 2009 ; и др.
- ³ *Никонов И. И.* Современные задачи военной интеллигенции в реализации научных программ оборонного значения // Интеллигентоведение. С. 99—101 ; *Никонов И. И., Самолыга И. А.* Военная интеллигенция в борьбе с фальсификациями истории Второй мировой войны // Интеллигентоведение. С. 101—103.

- ⁴ См., напр.: *Лушников А. М.* Военная интеллигенция: методологический подход к содержанию термина // *Российская интеллигенция в российской и зарубежной историографии* : тез. докл. межгос. науч.-теорет. конф. : в 2 т. Иваново, 1995. Т. 1. С. 42—43; *Попов А. В.* К проблеме ценностного содержания понятия «военная интеллигенция» // *Вестник Поморского университета*. 2008. № 4. С. 59—67; и др.
- ⁵ *Попов А. В.* Генезис, формирование и развитие системы ценностей военной интеллигенции России (X — начало XX в.). С. 14.
- ⁶ *Гильманов А. З.* Указ. соч. С. 17; *Полторац С. Н.* О формировании менталитета российской военной интеллигенции: историко-психологический аспект // *Генезис, становление и деятельность интеллигенции: междисциплинарный подход*. Иваново, 2000. С. 76—77.
- ⁷ *Попов А. В.* Генезис, формирование и развитие системы ценностей военной интеллигенции России (X — начало XX в.). С. 7.
- ⁸ *Ишемская Е. В.* Указ. соч. ; *Попов А. В.* Генезис, формирование и развитие системы ценностей военной интеллигенции России (X — начало XX в.). С. 8—12.
- ⁹ *Кононова Е. Б.* Офицерство и интеллигенция: взаимопроникновение и взаимосвязь // *Интеллигенция и проблемы формирования гражданского общества в России*. Екатеринбург, 2000. С. 136; *Рацункин Ю. М.* О роли военной интеллигенции в подготовке офицерских кадров в Иркутском юнкерском училище // *Российская интеллигенция в отечественной и зарубежной историографии*. Т. 1. С. 280; и др.
- ¹⁰ См. подробнее: *Формирование школы военных переводчиков* // *Военный университет Министерства обороны РФ*. URL: http://www.vumo.su/index.php?option=com_content&view=article&id=62:2010-09-02-11-51-42&catid=36:2010-08-30-09-25-10&Itemid=62 (дата обращения: 25.09.2015); *Ставрополь : фронт и судьбы* : сб. очерков. Тольятти, 2000. URL: http://www.tgl.ru/files/files/front_sudb_lobanova_112009_file_1360137667.pdf (дата обращения: 25.09.2015); *Центр подготовки военных переводчиков* // *История военного института иностранных языков*. URL: <http://www.clubvi.ru/history/history03.htm> (дата обращения: 25.09.2015); *Допрос военнопленных*. URL: <http://www.vrazvedka.ru/main/learning/vopros-ob/archive-pdf/surin.pdf> (дата обращения: 25.09.2015).
- ¹¹ *Чередникова А. Ю.* Без толмачей не обходится ни одна война // *Военно-исторический журнал*. 2008. № 5 (577). С. 25—28; *Чередникова А. Ю.* Переводчики Великой Отечественной войны : Израиль Яковлевич Биск // *Интеллигенция / интеллектуалы*... С. 123—125.

- ¹² *Карпов В. В.* Судьба разведчика // Военная литература. URL: <http://militera.lib.ru/prose/russian/karpov2/index.html> (дата обращения: 25.09.2015).
- ¹³ См. подробнее: Центр подготовки военных переводчиков.
- ¹⁴ *Ишемская Е. В.* Указ. соч.
- ¹⁵ *Верников С. М.* Записки военного переводчика // Военная литература. URL: http://militera.lib.ru/memo/russian/vernikov_sm/index.html (дата обращения: 25.09.2015).
- ¹⁶ *Альперович М. С.* От Москвы до Берлина // Археографический ежегодник, 1990 год. М., 1992. С. 292.
- ¹⁷ См.: Ставрополь : фронт и судьбы.
- ¹⁸ *Левин И.* Язык и «языки» : записки военного переводчика // Знамя. 1978. № 1. С. 169—170.
- ¹⁹ *Биск И. Я.* Мой XX век : записки историка. Иваново, 2003. С. 120.
- ²⁰ *Левин И.* Указ. соч. С. 175.
- ²¹ *Биск И. Я.* Указ. соч. С. 119.
- ²² *Синклинер А. А.* Записки военного переводчика. Ставрополь, 1989. С. 11.
- ²³ *Левин И.* Указ. соч. С. 196—197.

ИНТЕЛЛИГЕНЦИЯ В СОВРЕМЕННОМ ОБЩЕСТВЕ

ББК 66.041.32

И. Н. Кулешова, В. К. Минников

СОЦИАЛЬНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ПОЛИТИЧЕСКОГО МИРОВОЗЗРЕНИЯ И ПОЛИТИЧЕСКОЙ АКТИВНОСТИ СОВРЕМЕННОЙ ИНТЕЛЛИГЕНЦИИ

Политическая жизнь современной России имплицитно вписана в общецивилизационные процессы, поскольку наша страна является неотъемлемым элементом социально-политической мировой системы. Фактическое столкновение культур в борьбе за влияние и доступ к ресурсам актуализировало поиск и совершенствование инструментов воздействия на субъективную сферу носителей групповых цивилизационных базисов, одним из которых является мировоззрение. Поэтому буквально фундаментальной как с социально-прикладной, так и с научной стороны является проблема формирования, влияния, сохранения, обогащения ценностного содержания духовного мира человека. Как показывает практика современного социального конструирования, ключевая роль в этом отводится интеллигенции.

© Кулешова И. Н., Минников В. К., 2016

Кулешова Инна Николаевна — кандидат психологических наук, доцент, доцент кафедры философии Ивановского государственного политехнического университета. ladyinna79@mail.ru

Минников Вадим Константинович — кандидат психологических наук, доцент, доцент кафедры философии Ивановского государственного политехнического университета. mivacom@mail.ru

Социально-психологический подход подразумевает, что мировоззрение проявляется на различных уровнях: личностном, уровне малой группы, большой группы. Поскольку политика, так или иначе, пронизывает абсолютно все сферы социальной жизни, то именно в политическом мировоззрении концентрированно выражаются политические, экономические, социальные и духовные интересы социальных групп, в том числе больших.

Политическое мировоззрение — важнейшее социально-психологическое образование личности, взаимосвязанное с индивидуально-личностными особенностями, с непосредственным социальным окружением (семья, друзья, трудовой коллектив, группа по интересам) и особенностями положения личности в малой группе, с идентификацией личностью своего места в большой социальной группе (нация, класс, страта и т. д.). Кроме того, политическое мировоззрение является важнейшей детерминантой активности субъекта политической жизни, связанной с объективными и субъективными характеристиками личности, ее оценкой социальной ситуации и актуализируемой в определенных типических формах политического поведения, о чем свидетельствуют научные исследования.

Несомненно, что в политическом мировоззрении присутствует как рациональное, когнитивное начало, так и эмоциональная составляющая. Однако мы исходим из того, что политическое мировоззрение в первую очередь включает именно когнитивные убеждения субъектов (индивидуальных или групповых) относительно политического устройства общества и места человека или социальных групп в нем. Эти убеждения могут формироваться как на основе рационального осмысления окружающей действительности, так и путем интериоризации уже имеющихся в информационном поле и массовом сознании представлений, как фактологических, так и мифологических. В первом случае, как показывает практика и научный опыт, основным носителем являются субъекты, уровень когнитивной сложности которых выше. В значительной мере это относится к представителям интеллигенции.

Однако стоит отметить, что традиционно обращение научного интереса к интеллигенции в основном лежало в плоскости изучения генезиса, природы, сущности и структуры ее духовности. А. М. Иванов подчеркивает, что в российской культурной традиции отмечается многообразие мировоззренческих и нравственных

ориентиров интеллигенции различных направлений; духовная культура интеллигенции — это источник новых жизненных ценностей, которые способствуют сохранению основных элементов социального бытия и ориентации людей в повседневных делах; интеллигенция в России имеет давние исторические корни, она неоднородна по своему социальному происхождению, по философским, мировоззренческим и нравственным взглядам¹.

Однако нельзя не учитывать тот факт, что категория «духовность» — крайне динамична по содержанию и исторически меняется в зависимости от социально-исторической ситуации; кроме того, она многомерна, поскольку формируется под воздействием целого комплекса объективных условий и субъективных факторов. Несомненно, что каждый отдельный представитель интеллигенции имеет собственный «набор» представлений о жизни, политике, морали, личный ценностный калейдоскоп, в котором, тем не менее, есть ряд ценностей фундаментальных, универсальных с точки зрения цивилизационного подхода.

И. И. Завозяев утверждает, что мировоззренческая культура интеллигенции соединяет способность к рационально-теоретическому осмыслению проблем современности и «бытия», создавая в итоге ценностные ориентации, которые опираются на эмоционально-образное и ассоциативное мышление. Именно культура мировоззрения, традиционно присущая интеллигенции, способствует интегральному восприятию мира. Следует заметить, что несмотря на значительный разброс мнений относительно роли и характерных черт, присущих интеллигенции как социальной общности, можно отметить как минимум две ее характеристики, постоянно существовавшие в различные времена, — это высокий уровень образованности и способность к деятельности на основе сложных и высокоточных технологий².

А. М. Иванов считает, что интеллигенция — духовная, идейная элита общества, наиболее образованная, культурная, духовно-нравственная и критически-конструктивно мыслящая часть народа. Автор полагает, что в современном российском обществе духовные основы жизни и новые моральные ценности в значительной степени утверждаются при активном отношении интеллигенции к жизни, при ее творческом участии в процессе духовного освоения достижений российской и мировой культуры и способности

распространять эти достижения среди широких народных масс. Кроме того, по мнению исследователя, с возникновением интеллигенции появляется новое духовное образование, которое обеспечивает духовно-нравственное развитие общества, народа, личности³.

А. С. Терехов пишет, что интеллигенция — это сплав умственной и нравственной культуры⁴. Ф. И. Минюшев в своем исследовании заявляет, что содержание понятия «интеллигент» восходит к Аристотелю, который употребил этот термин для обозначения человека, сознание которого направлено не только на мир природы, но и на самого себя (самопознание, саморефлексия)⁵.

В. В. Вашанова свидетельствует, что интеллигенция — в современном обыденном представлении — общественный слой образованных людей, профессионально занимающихся сложным умственным (по преимуществу интеллектуальным) трудом. Интеллигенция по своему составу весьма неоднородна. Она включает людей самых разных уровней: от программистов компьютерных систем до духовных лидеров общества. У них разное образование, разный духовный мир, разные приоритеты. Вместе с тем их объединяет ряд признаков, присущих интеллигенции:

– ориентация на общечеловеческие качества, приверженность идее справедливости, критическое отношение к существующим социальным формам правления общества, далеким от идеалов гуманизма и демократии; верность народу, патриотизм, активное подвижничество, творческая одержимость; более высокие нормы морали, чем в обществе в целом;

– глубоко развитое понимание своего «Я», независимость, достаточная самостоятельность, обостренная любовь к свободе и свободе самовыражения; личностное начало осознается интеллигентом как высшая ценность;

– мужество, стойкость в отстаивании своих, продиктованных совестью и убеждением, позиций; противоречивость, социально-нравственная напряженность между различными отрядами интеллигенции, нетерпимость к иной творческой оригинальности;

– в интеллигенте нередко уживаются одухотворенность с меркантилизмом, высокая степень самосознания с эгоцентризмом; у него нередко бывают причуды и капризы, он нарушает общепринятые нормы поведения, но из мозаики его душевных надрывов появляются идеи, поступки, которые бывают очень нужны обществу⁶.

Тем не менее, доминирующей характеристикой интеллигента, о которой, так или иначе, говорится практически во всех исследованиях в различных социальных науках и парадигмах, является наличие интеллектуального потенциала и его влияние на общественное развитие, прямое или опосредованное.

Мы согласны с М. П. Карпенко, который указывает на возрастание доли вложения когнитивной деятельности человека как в его личную судьбу, так и в развитие общества в качестве элемента мировой экономики в плане производства, накопления и товарного обмена, превращения когнитивной деятельности в ведущий производственный инструмент⁷.

Как пишет И. И. Завозяев: «Ставшие фактом современности такие феномены, как информационный взрыв, экологические катастрофы, общественные события в виде этнических и социальных конфликтов и др., создали условия для самого широкого применения более совершенных социальных технологий в целях эффективного управления динамикой общественных и социальных процессов. Около (как до самих событий, так и по их итогам) всех подобных феноменов и событий формируются задачи различной значимости, требующие когнитивных решений, которые прямо связаны с деятельностью представителей интеллигенции. В складывающейся общественной, национального масштаба ситуации роль интеллигенции как носителя и распространителя обширных знаний возрастает. Представители этой социальной общности, с одной стороны, внося значительный вклад в качество обучения и развитие образования в целом, с другой стороны, становятся, в силу присущих им психологических черт, ресурсом создания новых, более совершенных технических и социально-технологических решений»⁸.

Нельзя не согласиться с тем, что в условиях информационного общества происходит принципиальное изменение характера труда, производственные, образовательные, идеологические процессы интегрируются, совмещая когнитивную и информационную среды. Главными характеристиками постиндустриального информационного общества является продуцирование новых знаний, выпуск высокотехнологичной продукции, используемой абсолютно во всех сферах деятельности человека, в том числе психотехнологиях, особенно в политике. Поэтому высокая степень когнитивности становится всё более востребованной,

а значит, роль интеллигенции, в том числе в формировании и реализации политической повестки, всё более возрастает.

Как было выявлено в исследовании, проведенном нами ранее, образование играет существенную роль в политических предпочтениях. Оно определяет степень когнитивной сложности в оценках политической действительности. По мере роста образования политические предпочтения меняются от ориентации на актуальную политическую систему к ориентации на более жесткую централизованную власть, далее — поляризуются в зависимости от возможности профессиональной реализации⁹.

Говоря о роли и взаимосвязи мировоззрения интеллигенции с ее политическим поведением, следует также учитывать фундаментальные социально-психологические закономерности. В частности, нужно принимать во внимание, что оценку и степень участия в политической жизни не только интеллигенции, но и членов любых социально-демографических групп (возрастных, гендерных, образовательных, географических) определяет состояние современной социально-политической системы. При этом социально-психологические особенности личности реализуются в различных формах политической активности, которые, согласно данным научных исследований, могут быть в принципе сведены к нескольким упрощенным универсальным формам политического поведения. С учетом современных политических реалий России (в том числе, наличие многопартийной системы), социально-психологические характеристики субъекта политической активности взаимосвязаны как с выбором и участием в деятельности политических партий, так и с критическим отношением к ним.

Психологические предпосылки подобной противоречивости обусловлены доминированием определенных элементов системы внешних или внутренних побудителей политической активности, которая по критериям конвенциональности, легитимности и субъектно-объектной локализации побудителей политического поведения может быть выражена в основных формах политического поведения, характеризующих представителей не только определенных социально-демографических групп, но и наличие у них интеллектуального потенциала. Кроме того, они дифференцированы по отношению к элементам политической системы общества, по доминирующей мотивационной направленности,

видам блокаторов их политической активности, степени социальной фрустрированности, преобладающей самооценке, наличию навыков участия в политической жизни.

Однако мы можем сказать о том, что существует ряд проблем, связанных с прогностическим характером исследований взаимосвязи когнитивной сложности представителей интеллигенции, их отношением к политической жизни в целом и степенью их реального политического участия. Так, например, в рамках исследования, проведенного нами среди представителей интеллигенции в ЦФО (выборка составила 550 человек), была выявлена следующая тенденция. Несмотря на высокий интеллектуальный потенциал и различное эмоциональное отношение к элементам политической системы, представления о политике, государстве и его политическом будущем имеют во многом абстрактное терминальное ценностное содержание и основываются на ожидании эффективной моноцентрической персонифицированной власти, понимание сущности которой базируется на мифологическом, стереотипном, житейском отражении истории и соотносении его с современным состоянием российского государства.

В рамках исследования мы также выявили, что тенденции, определяемые ранее в других работах для молодежной среды, нашли неожиданное продолжение в группе вполне зрелых представителей интеллигенции (возраст испытуемых составлял от 23 до 55 лет). Когнитивное содержание политических убеждений респондентов явилось достаточно фрагментарным и не укладывалось в единую мировоззренческую позицию, совпадающую с программными документами существующих политических партий. Политические убеждения в совокупности, также как и в ранее проведенных исследованиях, можно систематизировать в конкретные, различающиеся по направленности, широте содержания, степени осознанности и количеству приверженцев типы политического мировоззрения: индивидуализм, традиционализм, реформаторство, авторитаризм, либерализм, антикоррупционизм, тоталитаризм, общинность, национализм. Предпочтение представителями интеллигенции определенных политических убеждений и формирование соответствующего типа политического мировоззрения связано с их индивидуально-личностными качествами, с непосредственным социальным окружением (семья, друзья, студенческая группа),

особенностями положения личности в малой группе, с идентификацией своего места в большой социальной группе. Наибольшее влияние на становление типа мировоззрения оказывают авторитарные качества личности, характер межличностного поведения в малой группе и приверженность к политическим (социальным) мифам¹⁰.

Кстати, многопартийность политической системы государства принимается интеллигенцией современной России как нормативная, однако участие представителей этой социальной прослойки в партиях носит в основном личностно-инструментальный характер, преимущественно рациональный (когнитивно-обусловленный), а выбор партийной принадлежности в большинстве случаев не совпадает с ее эмоциональным оцениванием. Содержательные представления о программных целях партий размыты, а реальные предпочтения на 100 % не сходятся с программными целями и задачами политических партий.

Политическое мировоззрение исследуемых представителей интеллигенции, как и у молодежи, представляет неструктурированную совокупность убеждений относительно различных сфер общественного устройства, с определенными доминирующими взглядами. Оно во многом мифологично.

Такие данные корреспондируют с результатами другого исследования, в котором было показано, что антиципирующие представления о политическом устройстве государства внутренне противоречивы по содержанию, иррациональны и базируются в основном на упрощенных мифологизированных схемах анализа действительности, на субъективной трактовке исторического и личного опыта, современной массовой культуре и распространенных исторических и этнических житейских стереотипах о прошлом, настоящем и будущем страны. В массовом сознании, в том числе и среди интеллигенции, отсутствуют четкие упорядоченные представления о будущем политического государства и средствах его достижения, они укладываются в иррациональную схему: «Все будет хорошо!»¹¹

Ранее в своих исследованиях мы обозначили несколько основополагающих комплексных мифологем относительно социально-политического устройства мира. В молодежной среде эти мифологемы (их девять) были достаточно равномерно представлены. Весьма показательным является тот факт, что в исследуемой выборке взрослых интеллигентных субъектов мифологемы также выражены:

– миф о *«Чудесном мире»* заключается в том, что в обществе должно быть единообразие взглядов, которое избавит от всех проблем. Приветствуется интенсивный путь развития, чтобы получить все блага быстро, а не постепенно. Люди с такими взглядами достаточно упрощенно воспринимают действительность и признают доминанту государственного регулирования всех сфер жизни общества;

– миф *«Неизменный мир»* как недоверие к переменам. Стабильность провозглашается высшей ценностью, изменение и развитие потенциально неприемлемы, поскольку противоречат модели неизменного мира и ведут к неопределенности. Для людей, принимающих миф о «Неизменном мире», характерно признание четкой социальной стратификации, консерватизм, международное согласие, многоконфессиональность;

– миф о *«Справедливом мире»* защищает от травмирующей информации относительно фактов тотальной несправедливости. Мышление, базирующееся на нем, с одной стороны, не способно построить рациональную картину реальности, а с другой стороны, способно всё объяснить тем, что справедливость в мире восторжествует. Респонденты первой возрастной группы представляют «справедливый мир» как мир с доминирующей социалистической идеологией, наличием у всех граждан частной собственности. Вторая возрастная группа во главу «справедливого мира» ставит наличие доступного образования, уважение исторического наследия, отсутствие капиталистических отношений, контроль стихийно возникающих социальных элит;

– миф *«Простой мир»* связан с отказом от многопартийной системы, устранением суверенности национальных республик. Простая картина мира касается как природы, так и общества. Она диктует особый способ решения социальных проблем, представляя мир в качестве арены борьбы светлых и темных сил. «Кто не с нами, тот против нас» — основной лозунг идеологии «простого мира». Вера в простоту мира требует стремления к единству (в идеологии, образе жизни), становится обоснованием центральной власти, делает ненужной демократию и плюрализм. Эти взгляды связаны с унификацией миропонимания, но без социалистической идеи. Свободное развитие личности противоречивым образом сочетается с желанием простоты в объяснении всех явлений современной жизни¹².

Полученные результаты соотносятся с нюансами политической реальности современной России. Однако мировоззренческие позиции интеллигенции всё более концентрируются на полюсах традиционных и неолиберальных. Происходит это, в том числе, и по той причине, что в стране появилась реальная внутренняя политика, направленная, в частности, на формирование патриотизма. Данный мотив всё более актуализируется в массах. Не исключение и интеллигенция. И если сам по себе патриотизм как терминальная ценность — достаточно универсален, то представления о способах, путях, инструментах его воплощения и реализации в среде интеллигенции — различны. Это проявляется в дифференциации относительно политически активной части интеллигенции на два глобальных лагеря, которые условно соотносимы с указанными выше мифологемами. Можно сказать, что в среде интеллигенции по ее отношению к политической системе возник некий мировоззренческий водораздел. Представители одного лагеря интеллигенции — традиционны, другого — присвоили новый вариант самосознания западного типа, связанный с психологией двойных стандартов и двойной морали: одной — для себя, и другой — для остального человечества. Не секрет, что постсоветская элита научилась у Запада двойным стандартам потребительского эгоизма и разрушила страну. Такая часть интеллигенции (политически достаточно активная) представлена либерально настроенной группой, проводящей некую ревизию гуманистического универсализма в постсоветском пространстве.

Примечания

- ¹ *Иванов А. М.* Духовно-нравственные ценности российской интеллигенции : дис. ... канд. филос. наук. Чебоксары, 2007. С. 3.
- ² *Завозяев И. И.* Черты психографии современной интеллигенции и проблемы социальных технологий // Интеллигенция и мир. 2013. № 2. С. 83—84.
- ³ *Иванов А. М.* Указ. соч. С. 4.
- ⁴ *Терехов А. С.* Российская интеллигенция и ее ответственность за судьбы отечества // Введение в культурологию : учеб. пособие : в 3 ч. М., 1995. Ч. 2. С. 203—204.
- ⁵ *Минюшев Ф. И.* Социология культуры : учеб. пособие. М., 2004. С. 108.
- ⁶ *Вашианова В. В.* Интеллигенция и ее роль в развитии современного общества // Психология и социология. Донецк, 2012. № 12. С. 203—204.

- ⁷ Карпенко М. П. Когномика : монография. М., 2009. С. 47—49.
- ⁸ Завозьяев И. И. Указ. соч. С. 87.
- ⁹ Минников В. К. Политическая активность представителей различных социальных групп : дис. ... канд. психол. наук. Иваново, 2006. С. 172.
- ¹⁰ Кулешова И. Н. Социально-психологические особенности политического мировоззрения студенческой молодежи : (На примере провинциальных ВУЗов центра России) : дис. ... канд. психол. наук. Иваново, 2006. С. 179—183.
- ¹¹ Минников В. К. Указ. соч. С. 177—179.
- ¹² Кулешова И. Н. Указ. соч. С. 162—183.

ББК 66.041.111

А. А. Зубкевич, М. А. Казаков

**ЛИЧНОСТНЫЙ СРЕЗ
НРАВСТВЕННО-ЭТИЧЕСКОГО КОМПОНЕНТА
СОВРЕМЕННОГО ПОЛИТИЧЕСКОГО ЛИДЕРСТВА
(На примере гендерной асимметрии)**

В контексте глобальных изменений рубеж XX—XXI веков отмечен кризисом ценностных смыслов и идеалов, возникшим в результате вызова, брошенного прежним поколением, не сумевшим противопоставить фактору *расчеловечивания* политику *антропогенеза*. «Наш век — век рационального расчета, обезли-

© Зубкевич А. А., Казаков М. А., 2016

Зубкевич Анна Александровна — аспирант кафедры прикладного политического анализа и моделирования Института международных отношений и мировой истории Нижегородского государственного университета им. Н. И. Лобачевского. zubkanna@gmail.com

Казаков Михаил Анатольевич — доктор политических наук, профессор, профессор кафедры прикладного политического анализа и моделирования Института международных отношений и мировой истории Нижегородского государственного университета им. Н. И. Лобачевского (ИМОМИ ННГУ), научный руководитель Центра экспертизы и комплексного анализа ИМОМИ ННГУ. kazakov_mihail@list.ru

ченных технологий, промывки мозгов, манипулирования, силовых влияний — есть век создаваемых событий»¹. Политика, связанная с иным *целестижением*, с *гуманизирующим* воздействием на людей, — цель и смысл развития как нормально мыслящих граждан, так и тех политических систем и институтов, которые пытаются самоутвердить себя в истории доброй коллективной памятью.

Кризис страновой идентичности вызвал к жизни новую роль практически всех основных сфер общества, но особенно информации, безопасности и культуры в «привязке» к гуманистически конкретному ценностному ядру территорий. Одним из существенных методов преодоления этого кризиса стало введение новой героики, а инструментарием (вопреки массовой культуре) — профессиональная культура и этика, поддержанная лидерами страны, науки и церкви². Следовательно, важно постоянно выяснять, уточнять, какие политические роли доступны и обычному человеку, и лидеру; как, с какой целью и при каких условиях они с ними добросовестно справляются.

Политическое лидерство как институт власти, но в большей степени как явление индивидуальное, «персонально-деятельностное, проявляющее себя во взаимодействии личностных, организационно-статусных и социокультурных качеств носителя соответствующих функций»³, подвергается ныне эрозии. Она различается в «экономических» и «политических» обществах (О. Крыштановская). Значение личного вклада, индивидуального стиля, сочетающего в духе времени и грамотный менеджмент, и эффективность социального влияния, в политических обществах трансформируется в завышенные оценки функций и роли лидера в политике, «замешанные» на господствующих в разных странах традициях.

В экономических обществах складывается системотехнический командно-коллегиальный тип политической организации, где демократический стиль, предполагающий коллегиальность решений (принцип участия) и акцент на побуждающих возможностях системы управления, смещается к администрированию и эгоцентризму лиц, принимающих решения. Функциональная составляющая редуцируется. Главная особенность лидера, как отмечал еще Гвардини, обнаруживается «в том, что он не является творческой личностью в старом смысле слова... а лишь дополня-

ет безликое множество других, имея иную функцию, но ту же сущность, что и они»⁴, а именно: *власть*, «осуществляемую «сверху вниз» (Ж. Блондель).

Учитывая, что ее нормальное функционирование — плод разнообразного опыта, культура современной власти и политического управления не отделена ни от цивилизационных основ, ни от социальной повседневности и их практик, она вырастает из них. «Лидерство, как правило, выражало в прошлом и выражает сейчас философию государственно-патриотической идеологии и национальной доктрины, вбирающих в себя традиционные и исторические элементы культуры, образа жизни, национальные обычаи. В общественном сознании, мировоззрении лидерство имеет глубокие корни и входит в систему традиционных ценностей практически всех граждан, вместе с тем являясь продуктом цивилизации, ее политико-культурным достоянием»⁵.

Поэтому при анализе нравственно-этического компонента политического лидерства полезно использовать и методологическую посылку Ш. Монтескье, который соотносил режимы власти с этико-культурными принципами, пронизывающими практическое политическое поведение масс и характерное для конкретного общества «политическое поле» (в разработках П. Бурдьё), генерирующее доминирующие стили властного поведения лидеров. Присовокупим к этому еще и три социальных уровня, в границах которых посредством различных функций и осуществляется политическое лидерство: а) уровень малой группы, объединенной политическими интересами; б) уровень социальных и политических движений, связанных общностью политических интересов в общественной сфере; в) уровень государственной власти и местного самоуправления как способов организаций, пребывающих в трансформации.

Вполне уместно в качестве классификационных оснований политического лидерства выделять и *измерения политической системы*, не только теоретические, общепринятые, но и *статистические*, дающие представление о Человеке, человеческих отношениях, которые в современную эпоху становятся равноправными. В том числе, такими должны и могут быть отношения меж-

ду мужчинами и женщинами во всех сферах общественной жизни, включая политику, с ее более специфическими критериями.

Ведь в каждом из трех ключевых измерений — характер борьбы за лидерство между различными фракциями правящей элиты; характер политической элиты по признаку наличия или отсутствия внутренней дифференциации; и наконец, уровень участия масс в политике — есть конкретная величина женщин. Мониторинг и нормативное регулирование представительства женщин в структурах власти успешно применяются лишь в ста странах мира. У нас же гендерная асимметрия — неравенство позиций мужчин и женщин — при улучшении усредненного показателя по факту остается одной из уязвимых черт политической жизни.

У гендерной асимметрии политического лидерства не менее драматичная предыстория, измеряемая и в западной, и в отечественной политологии в терминах неравенства. «Политическое лидерство на протяжении столетий рассматривалось как сугубо мужская прерогатива, что даже не подлежало сомнению и признавалось не только всеми господствовавшими религиями, но и классической политической философией»⁶.

Институты науки, идеологии, власти каждой страны, выбирая свой путь в отношении гендерной асимметрии, по-разному решали проблему ее общего и особенного, исходя из практик неравенства. А. Лейпхарт характеризует женщин как «меньшинство в политическом, а не в количественном смысле»⁷, Р. Чилкот как «дискриминируемое меньшинство»⁸. Причиной «исключения женщин из политической жизни», по мнению Р. Даля, является «лишь то, что — они женщины»⁹. Присутствие женщин в политике — «неординарный случай»¹⁰ (Е. Б. Шестопал). И это наряду с тем, что гендерное неравенство приходит «во всё большее противоречие с демократическими лозунгами»¹¹ развития (А. И. Демидов).

Ныне для многих ученых аксиома, что политическое развитие происходит через изменения, а институционализация политического представительства (и женщин, в особенности, преобладающих не только «по цифре», но и объему требований к ним и деятельности их организаций) путем усложнения, специализации и дифференциации всего комплекса социальных отношений создает условия для выражения и осуществления многообразных интересов. Но при неопределенности контуров будущего мироуст-

ройства наиболее эффективными для большинства игроков являются: латентное наращивание сил, «правильное» лавирование и «мягкое» неучастие в решении проблем, которые типа «гендерной асимметрии» несут на себе отпечаток споров «вчерашнего дня». Поэтому среди других тенденций, характеризующих политические изменения на практике, нередко превалируют логики «переходной», что нормально, хуже — «временной» позиции и «удобного» для власти характера *институционализации* социальных отношений.

Интерес к проблематике политического лидерства и элит в последнее десятилетие неуклонно растет. В общем виде институционализация лидерства проявляется в том, что процесс подготовки, рекрутирования, «восхождения» к власти, непосредственная деятельность политических руководителей осуществляются в рамках норм и организаций. Лидеры отбираются, выдвигаются и поддерживаются собственными партиями, контролируются ими, а при выходе за их границы — оппозицией и общественностью. Функции политических лидеров определены разделением властей, упорядочены Конституцией, другими законодательными актами и процедурами. Это ограничивает их власть и возможности маневра, повышает воздействие профессиональной среды на процесс принятия решений.

В исследовании деятельности лидеров особое внимание уделяется влиянию факторов, которые с достаточной степенью условности можно разделить на *институциональные*, удовлетворяющие широкому определению институтов, принятому в неинституциональной теории, и *неинституциональные*, то есть под это определение не подпадающие¹². «Институт — это относительно устойчивый, встроенный в структуры смыслов и средств набор правил и организованных практик, обладающий относительной независимостью от смены персоналий и сопротивляемостью к специфическим индивидуальным предпочтениям и ожиданиям, а также к меняющимся внешним обстоятельствам»¹³ (Дж. Марч, Й. Олсен).

Институты определяются и как «устойчивые, значимые и воспроизводящиеся формы поведения»¹⁴ (С. Хантингтон). В свою очередь, неинституциональные факторы представляют собой особый «фон личности», без которого нет ни истории, ни полити-

ки, ни Человека в них. В их число входят: ценностная неоднородность общества, этно- и социокультурные сдвиги, динамика эмоциональных состояний, настроений и ориентаций, соотношение коллективной и личной (профессиональной) культуры, разумной и иррациональной мотивации, инстинктивные, биологические и иные мотивы политического поведения, обусловленные человеческой природой. Именно неинституциональные проявления представляют для анализа личностного среза *нравственно-этического компонента* лидерства наибольший интерес.

Ведь сам по себе данный компонент — это, прежде всего, моральная ответственность руководителей перед населением за создание условий для стабильности власти и обеспечения общественного порядка. Если статусный аспект, к примеру, имеет ключевое значение для оценки лидера как политического деятеля (организатора) определенного уровня, то нравственно-этический — для оценки его деятельности (поведения на посту) как личности¹⁵.

Человек, будь то мужчина или женщина, в процессе социализации делает выбор в пользу того или иного ценностного императива. Этот выбор всегда ситуативен, контекстуален и определяется значительным «веером переменных» когнитивного, социального, психологического порядка, которые интегрируются конкретными личностями. Каждый из них по-своему решает для себя главную мировоззренческую проблему — вопрос об отношении человека к окружающей его действительности (природе, обществу, другим людям, самому себе). Это отношение регулируется принятой и определенным образом понимаемой субъектом системой общих ценностей и норм.

С одной стороны, ценностные ориентации выступают как внутренние взаимосвязанные системы когнитивных, эстетических и нравственных стандартов, на основе которых их носители — индивиды или группы — делают свой выбор, что с точки зрения организации системы представляется стратегически самой важной частью культуры¹⁶ (Т. Парсонс). С другой стороны, ценностная ориентация определяется как «обобщенная, внутренне организованная и влияющая на поведение концепция природы, места в ней человека, межчеловеческих отношений, а также представлений о желаемом и нежелаемом в отношениях людей с природой и друг с другом»¹⁷ (К. Клакхон).

Ценности и идеалы личности «движут» поведением, актуализируют мотивы, направляют смыслополагание. «Ценностный нерв» самооознания жизни является во многом определяющим в практической деятельности лидера, обозначении им собственных позиций относительно справедливости своих притязаний на власть, оценке степени приемлемости предлагаемых конкретных политических целей и методов их достижения, допустимого и запретного в отношениях с государством, политическими партнерами и противниками.

В личности лидера соединяются два типа сознания — *моральное* и *политическое*: последнее имеет логико-рациональный и целенаправленный характер; моральное есть форма дологического мышления, базирующегося на недоказуемых принципах веры и складывающегося из идеальных сущностей, не поддающегося систематизации. Моральное в личности политического лидера максимизирует его внутреннее требование к исполнению целей, мотивирует к действию, поскольку человек неизменно стремится к его положительной самооценке, в силу чего и является мощным источником изменений индивидуального и группового поведения в целях «действия во благо». Два типа сознания имеют общее групповое происхождение, представляют собой два различных способа понимания людьми своей групповой принадлежности. Процесс идентификации базируется на различных способах чувствования, оценивания и ориентации в социальном пространстве¹⁸.

Любое общество обладает коллективной культурой, определяемой как совокупность смыслов, ценностей, «одинаково понимаемых и комплиментарно усвоенных... сохраняемых населением... и передаваемых из поколения в поколение»¹⁹. «Ценности и представления коллективной культуры закреплены в письменных и устных текстах, обычаях, символах, признаваемых обществом нормативными, классическими, образцовыми. Содержательные элементы коллективной культуры суть объекты периодических индивидуальных или групповых апелляций, то есть они играют роль “нормативных маяков”. Однако на общественную жизнь коллективная культура влияет не напрямую, а опосредованно через системное множество личных культур»²⁰, их изменения.

По структуре общество не однородно, имеет в своем составе представителей разных социальных групп (возрастных, ген-

дерных, профессиональных и пр.), которые являются носителями личной культуры — собственных идеалов, ценностей, установок, поведенческих стереотипов, субъективных смыслов и пр. Именно это множество обеспечивает повседневную интерпретацию происходящего и напрямую воздействует на мотивации и поведение индивидов и групп.

Политический лидер, так или иначе, является выходцем из одной или нескольких социальных групп и руководствуется в своей деятельности, при принятии решений нравственно-этическими стандартами той группы (или групп), к которой он принадлежал или принадлежит. Именно они оказывают приоритетное влияние на его поведение в сфере власти, соизмеряя и оправдывая его действия. Лидер транслирует определенные ценности и идеалы, которые могут быть восприняты обществом (всеми социальными группами) в разных формах диалога, при взаимном признании права на собственные идеалы. Конкуренция, конфликт возникают в условиях принуждения представителей одной социальной группы (иногда «для их же блага») к ценностям и идеалам другой группы (нередко в силу «непонимания» ею «истинных» целей).

Профессиональная же этика элиты отрицает доминирующие в обществе моральные нормы в качестве элемента властной мотивации. В этой связи крайне опасным для общества оказывается возведение групповых ценностей в ранг общественной морали, особенно посредством деятельности политических лидеров. Это приводит к нравственной дегенерации и дегуманизации политики, поскольку изменения коллективной культуры происходят не сами по себе, а под влиянием изменений в системе личных культур (путем изменения индивидуальных ценностных ориентаций), как было отмечено выше. Сам же процесс вызывает смену трактовок нормативных представлений, обновление состава норм и носителей коллективной культуры. Это приводит порой к тому, что субъекты политики могут манипулировать ею.

Гендерная асимметрия в политическом лидерстве как проявление дисбаланса интересов разных социальных групп в России определяется спецификой исторического развития, политической культуры, политической системы страны. Она прослеживается в разных факторах, например в авторитарном характере власти (ее централизации и персонификации), патернализме, этатизме и

т. д. Их выбор для власти не предопределен. Но гендерная асимметрия при опоре на них проявляется в разнице институциональных возможностей при продвижении мужчин и женщин в сферу политического лидерства; в неравномерном количестве мужчин и женщин политических лидеров в зоне принятия стратегических решений; в неравной оценке значения политической деятельности мужчин и женщин как лидеров, идущей от практик «двойных стандартов».

Истоком гендерной асимметрии политического лидерства становятся неинституциональные проявления политики: определенные элементы политической культуры и этики, психологии и традиций, основывающиеся на ценностной системе общества, обусловленной той частью его «исторической памяти», которая воспроизводит гендерные стереотипы сознания и поведения прошлого в настоящем. Такая память «подразумевает не просто знание конкретных фактов, но прежде всего фиксированные образы прошлого: гендерные установки и принципы поведения, которые обрели свою социальную значимость у потомков и включены в стратегию индивидуальной и групповой деятельности в соответствующем обществе»²¹.

Гендерные кальки прошлого выступают социальной детерминантой в воспроизводстве гендерной асимметрии настоящего, *исторически конструируемого и перманентно воспроизводящегося во времени процесса, обуславливающего включение гендерных стереотипов и мифов в ткань политического взаимодействия*. Патриархат, отводивший женщине второстепенные роли в жизни общества и стремившийся к ее полной изоляции от политического управления, породил в сознании людей ряд стереотипов о малой пригодности женщин для политического лидерства. Они способствовали формированию гендерной асимметрии в пользу мужчин в сфере власти даже тогда, когда женщины попадали туда, действуя вопреки канону своего поведения, что говорит о существовании ныне целой сети барьеров, препятствующих женщинам на пути к лидерству.

Гендерная асимметрия политического лидерства в обществе с воспроизводимым (нео)патриархальным устройством приводит в итоге к отказу от учета природной симметрии и равноценности мужского и женского начал. В то же время, поскольку

политическое лидерство по своей сути универсально и напрямую не детерминируется половой принадлежностью, оно связано со способностью оказывать влияние и устанавливать устойчивые отношения доминирования: именно особенности проявления этого качества у мужчин и женщин определяют типы и стили политического лидерства.

Мужское политическое лидерство связано с сохранением консервативных и традиционалистских общественных установок. Женское политическое лидерство ассоциирует себя с гибкостью и толерантностью, социальной справедливостью и стабильностью, что приобретает всё большую актуальность в современном мире, в особенности в контексте гуманизации политической сферы. Женщины привносят в эти процессы ценности духовности, здоровой преемственности и дополнительную компетентность.

Следовательно, понятие «гендер» на современном этапе политического и социокультурного развития общества выступает, согласимся, прежде всего, «одной из важнейших стратификационных категорий, которая фиксирует неравноправное положение женщин и мужчин в социально-политической структуре общества»²². Это понятие указывает на социокультурную, а не социобиологическую основу дифференциации «мужского» и «женского» начал политического лидерства, включающую в себя исторически сложившиеся пласты культуры слова и дела. Игнорирование этого есть непонимание, *недооценка значимости неинституциональных факторов в политике.*

Женщина — политический лидер в России и сегодня считается «довольно противоречивым конструктом» в связи с необходимостью сочетания ролей матери/жены и политического лидера. «Гендерная система современного российского общества отличается амбивалентностью ценностных ориентиров относительно женского политического участия. В ней присутствуют: архаичные стереотипы о “месте женщины в доме”, представления о формальности ее политического участия, современные дискурсы о необходимости достижения гендерного социально-политического баланса»²³.

Чем оборачивается доминирование «мужской» политики в российской действительности? Прежде всего, самим фактом «зависания» решения проблемы гендерной асимметрии в политическом лидерстве, основная суть которой состоит в том, что гендер-

ные различия между женщинами и мужчинами социально сконструированы, а потому необъективны, пронизаны отношениями власти и зависят от того, кто (мужчины или женщины) является «производителем власти»²⁴.

Наряду с этим существуют тенденции «к постепенной феминизации российского общества и смене стереотипов внутри власти: на смену “мужской культуре”, которая доминировала до сих пор, идет культура, в которой гендерные отличия теряют свое значение»²⁵. Обращаясь к универсальной сущности политического лидерства, надо учитывать и степень реального воздействия на политику. Наука вырабатывает стратегии развития как сочетание лучшего из демифологизированных ролей мужчин и женщин. Особенность этого процесса — выявление лидеров-интеллектуалов, ориентирующихся на образованные слои (интеллигенцию).

В контексте новейших трендов — смена восприятия России за рубежом, ослабление влияния внешних санкций и стабилизация отечественной экономики; проблемы гендерной асимметрии всё глубже входят в повестку дня отечественного гражданского общества. Как и его институты, «женское профессиональное общество» находится в поиске более гибких самостоятельных форм проявления — участия, взаимодействия, отчетности, снимающих маргинальность женщин в политике для продуцирования дополнительных мер «улучшения», обновления его устройства и относительно самого себя, и страны в целом. Собственно исследование проблем, а не объектов, дифференцированных по «гендерному аспекту», становится задачей политологии в страноведении социально-политического развития РФ.

Другой вывод состоит в том, что нравственно-этический компонент — сущностный аспект политического лидерства. Это сложное производное от неинституциональных проявлений политики и ее ценностей, которое основывается на них и находит выражение во взаимосвязях с интересами социальных групп, взаимодействии с государством, другими институтами власти и политики. Складываясь из отношений, базирующихся на ценностной системе общества, он способен на общую, стратегическую регуляцию поведения субъектов политики, обнаружение изъянов в их выборе и средствах деятельности. Так,

в действиях постсоветской власти с позиции этого компонента присутствуют не столько унаследованные черты, сколько осознанное воспроизводство некоторых форм и методов патриархальной и номенклатурной систем.

Рассмотрение нравственно-этического компонента политического лидерства в личностном срезе, а в последующем на базе расширенной структуры в контексте институционализации, позволяет «здесь и сейчас» оценить влияние характеристик, входящих в понятие «гендерная асимметрия», на политический процесс, в дальнейшем — выявить и измерить величину номинального и фактического в организации лидерства современной РФ.

Примечания

- ¹ Политическая антропология / под ред. В. В. Ильина. М., 1995. С. 21.
- ² Герои : времена меняются, подвиг остается : православ. журн. «Фома» : спецвыпуск. М., 2015.
- ³ Казаков М. А. Политическое лидерство: современные процессы эволюции : автореф. дис. ... канд. полит. наук. М., 1993. С. 11.
- ⁴ Гвардини Р. Конец Нового времени // Современные концепции культурного кризиса на Западе. М., 1976. С. 196.
- ⁵ Богданова О. С. Гендерное измерение политического лидерства : автореф. дис. ... канд. полит. наук. М., 2011. С. 3.
- ⁶ Шепелева Ю. Л. Политическое лидерство в современном российском обществе: гендерный аспект : автореф. дис. ... канд. полит. наук. Ростов н/Д, 2013. С. 3.
- ⁷ Лейтхарт А. Конституционные альтернативы для новых демократий // Политические исследования. 1995. № 2. С. 140.
- ⁸ Чилкот Р. Х. Теории сравнительной политологии. М., 2001. С. 232.
- ⁹ Даль Р. О демократии. М., 2000. С. 88—89.
- ¹⁰ Шестопал Е. Б. Психологический профиль российской политики 1990-х : теоретические и прикладные проблемы политической психологии. М., 2000. С. 398.
- ¹¹ Демидов А. И. Учение о политике: философские основания. М., 2001. С. 126.
- ¹² Урнов М. Ю. Неинституциональные факторы социальной динамики — подходы к моделированию // Общественные науки и современность. 2010. № 5. С. 59.
- ¹³ March J. C., Olsen J. P. Elaborating the «new institutionalism» // The Oxford Handbook of Political Institutions. N. Y., 2006. P. 3.

- ¹⁴ Хантингтон С. Политический порядок в меняющихся обществах. М., 2004. С. 32.
- ¹⁵ Казаков М. А., Лысцев М. С. Политическое лидерство: сущность и проблемы реализации теоретических моделей в стратегии развития России // Регионоведение. 2013. № 1. С. 10.
- ¹⁶ Parsons T., Shils A. Categories of the orientation and organization of action // *Toward a General Theory of Action*. N. Y., 1965. P. 58—59, 74, 79.
- ¹⁷ Kluckhohn C. Values and value-orientations in the theory of action: an exploration in definition and classification // *Toward a General Theory of Action*. P. 411.
- ¹⁸ Соловьев А. И. Политология : политическая теория, политические технологии : учеб. для студентов вузов. М., 2003. С. 69.
- ¹⁹ Rohner R. P. Toward a conception of culture for cross-cultural psychology // *Journal of Cross-cultural Psychology*. 1984. Vol. 15, № 2. P. 119—120, 127.
- ²⁰ Урнов М. Ю. Указ. соч. С. 62.
- ²¹ Овчарова О. Г. Гендерная асимметрия политики: неинституциональные и институциональные аспекты : автореф. дис. ... д-ра полит. наук. Саратов, 2008. С. 15.
- ²² Богданова О. С. Указ. соч. С. 8.
- ²³ Овчарова О. Г. Указ. соч. С. 17.
- ²⁴ Климашевская О. В. Государственная политика в сфере преодоления гендерного неравенства в современной России : автореф. дис. ... канд. полит. наук. М., 2012. С. 17.
- ²⁵ Богданова О. С. Указ. соч. С. 18.

ББК 63.013

С. В. Коваленко**ДУХОВНЫЕ ЦЕННОСТИ КАК ОСНОВА
ИСТОРИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ
И ОБРАЗОВАНИЯ В РОССИИ**

На рубеже третьего тысячелетия, когда идет формирование глобального информационно-духовного пространства и распространения исторических концепций дискредитации геополитических конкурентов, задача модернизации системы исторического образования становится чрезвычайно актуальной. Опыт современной Украины наглядно демонстрирует значение информационного манипулирования историей, которое ведет к расколу и гражданскому конфликту. Тезис, высказанный Оруэллом: «Тот, кто управляет прошлым, управляет будущим. Тот, кто управляет настоящим, управляет прошлым», отражает актуальность объективного исследования не только материальных, но и духовных факторов исторических процессов самоорганизации славянских племен в рамках государственности. В этом контексте главная задача исторических исследований заключается в выявлении причинно-следственных связей, закономерностей процессов становления и развития государственности в России. Определение причинно-следственных связей самоорганизации зависит от выбора методологии исторических исследований и, соответственно, использования полученных результатов в системе исторического образования.

© Коваленко С. В., 2016

Коваленко Сергей Владимирович — доктор философских наук, профессор кафедры специальной психологии и инклюзивного образования факультета специальной педагогики и психологии Московского государственного областного университета. kovalenkosv2014@gmail.com

Традиционно среди русских, затем и среди советских историков, а также в системе исторического образования доминировала классическая модель. Предметом истории считались «деяния и судьбы людей», а все события объяснялись психологией выдающихся личностей — полководцев, государей и т. д. Наиболее наглядно методология, рассматривавшая субъекта власти как силу, способную преобразовать общество в соответствии со своей моделью развития, проявляется в норманнской концепции немецкого ученого З. Байера (1694—1738), считавшего, что древнерусская государственность была создана викингами-скандинавами. Странников норманнской теории среди управленческих элит, в том числе и среди историков, ориентированных на запад, не смущает, что в истории человечества нет аналогичных примеров призвания представителей иного этноса в качестве субъектов власти. Для них важно, чтобы норманнская теория, реализуемая в системе исторического образования, создавала установки на копирование опыта развитых стран запада. Выполняя политический заказ, доказывая норманнскую концепцию происхождения государственности, они используют отдельные археологические находки, но без учета их контекста в исторической эволюции общества.

В итоге классическая модель исторических исследований и образования, в основе которой лежит норманнская теория, стала основой мировосприятия национальной элиты, русских, а затем и советских историков. Такая методология создает иллюзию возможного ускоренного прогрессивного развития и убеждение управленцев в необходимости подавления любого сопротивления действиям субъекта власти. Следствием этой установки, формируемой в системе классической модели исторического образования, стала неспособность для управленческих элит принимать управленческие решения, адекватные реальности жизни общества. В своем взаимодействии эти особенности, реализуемые в системе исторического образования, привели к возникновению кризисных ситуаций 1905—1907, 1917—1922, 1989—1991 гг. Необходимость снятия угрозы возникновения новых кризисов требует модернизации системы исторического образования на основе изучения возможностей согласования традиционных духовных ценностей субъектов власти и управляемых.

Кризис методологии классической рациональности проявился в появлении двух альтернативных концепций понимания процессов исторических закономерностей развития — эволюционного и социологического. Родоначальником эволюционного направления был Н. И. Кареев, считавший, что первооснову исторического процесса определяют общественные идеалы. История есть закономерный процесс, он развивается плавно, эволюционно, по восходящей линии. Представители социологического направления — Р. Ю. Виппер, Н. А. Рожков считали, что историю творят народные массы. История — закономерный процесс, но эта закономерность носит фатальный, заранее предопределенный характер. Такой подход к исследованию истории был продолжен К. Поппером, утверждавшим, что «только немногие социальные институты сознательно спроектированы, тогда как их абсолютное большинство просто “выросло” как не спроектированные результаты человеческих действий»¹. Очевидно, что исследование исторических процессов самоорганизации предполагает использование принципов системного изучения взаимодействия управляющих и управляемых. Такое взаимодействие возможно только на основе единой системы духовных ценностей, действие которых обеспечивает целостность, стабильность и развитие государства, преодоление кризисных процессов.

Сторонники норманнской теории принципиально игнорируют альтернативность тотемных символов скандинавов и древних русов, отразившихся в их духовных ценностях. В течение многих тысячелетий пращуры русского народа жили среди лиственных, смешанных и хвойных лесов, что определило выбор тотемного символа наших пращуров — медведя. В мифах русского народа сохранилось представление о том, что от связи медведя с человеком рождаются на свет люди, обладающие богатырской силой — герои обширного цикла русских сказок. Синергетическое взаимодействие природно-климатических и духовно-ценностных факторов, прежде всего — веры в медведя как общего прародителя, стало духовной основой конфедерации союза восточнославянских и финно-угорских племен, создавших Древнерусское государство, а затем и Российскую империю. Тысячелетний исторический опыт сохраняется на уровне коллективно-бессознательного и воспроизводится в фольклоре русского народа

и в творчестве интеллигенции, создающей сказки и мультфильмы, которые отражают ценности дружбы человека и медведя. Однако геополитические конкуренты до сих пор изображают русских как медведей — опасных и хищных зверей.

Альтернативным тотемом — родоначальником германоскандинавских этносов, был волк, символизирующий воинские союзы, мужские военные братства. В мифологии и системе мировосприятия северных германцев волк — это зверь Одина, верховного аса. У ног Одина находились два священных волка или диких пса, Гери (жадный) и Фреки (прожорливый), встреча с которыми была для людей хорошим знаком. Один всегда кормил своих волков с рук мясом из миски, стоявшей рядом с ним. Для себя он не требовал вообще никакой пищи и редко пробовал что-нибудь, кроме священного меда. Но, мед — это традиционная сфера влияния медведя или племен этого тотема, тем самым в скандинавской мифологии содержится намек на воинственные действия против тех, кто скрывался за тотемом медведя. Вся хвалебная и поминальная поэзия скандинавских скальдов строилась на описании битв, и действия боевых дружин, военных мужских союзов традиционно сравнивались с волчьей стаей. «Сага о Вёльсунгах» наглядно демонстрирует ценностные установки норманнов. Некий Сигмунд с сыном нашли в лесу двух спящих в доме людей, над которыми висели волчьи шкуры. Были они королевичами и имели отличительный знак — толстое золотое запястье. «Сигмунд с сыном залезли в шкуры, а вылезть не могли, и осталась при них волчья природа, и заговорили по-волчьи. И положили они меж собой уговор нападать, если будет до семи человек, но не более...» Характерной деталью являются слова «золотолапого» волка: «Назовешь меня варгом — испытаешь мой гнев. Назовешь золотым — буду другом тебе»².

Историки — сторонники норманнской теории, упорно отождествляют викингов с варягами, игнорируя тексты скандинавских мифов, которые прямо указывают, что варги (варяги — в русском языке) были их врагами. Противостояние тысячелетних тотемных символов медведя и волка хорошо прослеживается в германской геральдике. Историческая память о сопротивлении западных славян агрессии объединенных сил германоязычных народов вынудила немецких феодалов сохранять боевые символы

славян в виде гербов городов и своих титулов. На гербе Берлина изображен медведь с открытой пастью, где хорошо видны зубы и язык, что четко просматривается³. В соседних чешских и моравских землях, прилегающих к германским территориям с юго-востока, также есть несколько городов, эмблемой которых остался медведь. Народы, жившие восточнее реки Одер, и земли, вплоть до Новгородских земель, в качестве своих племенных тотемов почитали коней, вепрей, бобров, но не медведей. Однако начиная с земель славян-кривичей эмблема медведя появляется вновь и уже непрерывно идет цепочкой вплоть до Зауралья⁴. Таким образом, медведь — это символ, объективно отражавший в земельных и городских гербах союз славянских и финно-угорских народов. Скандинавы и германцы, которые вели свою родословную от волка, в принципе не могли быть призваны на княжение на Руси участниками вечевого собрания, сплоченными верой в происхождение от медведя.

Другими альтернативными тотемными символами древних русов и скандинавов, отразившимися в их духовных ценностях, были образы сокола и ворона. Традиция формирования символики сокола связана с египетским богом Гором, который изображался с головой сокола и считался покровителем царской власти фараонов. Тотем сокола, как атрибут аристократии, неразрывно связан с военной символикой вендов-ободритов — древних русов⁵. Боевая слава и опыт отличали западных славян-ободритов, к которым принадлежал Рюрик и его племя «русь». Киевские князья, потомки Рюрика, сохранили и пропагандировали символ сокола, выпустив в первой четверти XI в. монеты, «малые и большие сребреники», со схематическим изображением падающего сокола⁶. Коронованный сокол был гербом одного из древнейших русских княжеств — Суздальского. Символика сокола явно носит отпечаток аристократизма и молодежной воинской удали⁷. Со временем символика сокола стала подлинно народной. В образе сокола простые люди видели символы мужественной красоты и отваги, удалства и нежности. Именно отсюда идут столь ласковые названия: «ясный сокол» — удалой молодец, «сокол, соколик, милый, любезный, друг, молодчик мой». В былинном цикле об Илье Муромце есть особый сюжет о битве богатыря с незнакомым нахвальщиком, который

оказывается его сыном (или дочью), а имя его — Сокольник, Сокольникчик, Подсокольникчик⁸.

Альтернативность системы духовных — тотемных символов в древнескандинавской мифологии проявляется в образе скандинавского верховного бога Одина, которого сопровождают две мудрые вещи птицы — вороны Хугин и Мунир. Как трупная птица черного цвета со зловещим криком, Ворон хтоничен, демоничен, связан с кровавой битвой, со смертью и царством мертвых. В Северной Европе ворон сделался грозным символом войны у яростных «королей моря» — викингов. Ворон был изображен и на знамени легендарного вождя викингов Рагнара Лодброка. Скандинавское предание гласит о том, что ворон Рагнара обладал даром пророчества и советовал хозяину, когда следует выступать в поход. Если на расчехленном знамени птица гордо расправляла свои крылья, значит, норманнов ожидала впереди победа и богатая добыча, но если она бессильно свисала в складках полотнища, то Рагнар откладывал отплытие драккаров до лучших времен.

В древнерусском мировосприятии, в русских сказках и песнях ворон выступает как враждебная сила. В сказке «Иван Быкович» герой ведет бой на калиновом мосту с чудо-юдом о трех, шести и двенадцати головах, который выезжает на бой верхом на коне, в сопровождении собаки и ворона. В представлениях древних русов ворон и ворона воспринимались как нечистые и зловещие птицы. В былинах ворон дает советы героям, в сказках приносит мертвую и живую воду, а в песнях извещает мать о гибели сына. Среди украинцев образ ворона связан с эпитетом «черный», с мрачным значением, поскольку он приносит матери роковую весть и даже пожирает труп убитого казака. В «Повести о горезлосчастии» молодец сравнивается с соколом, а горе со злой вороной, смеющейся над соколом. Наши предки представляли, что души злых людей приобретают образ ворона и ворон, а их крик вблизи жилища предвещает скорую смерть человека. В русских народных сказаниях вороны обычно прилетают на места кровопролития и выклевают павшим воинам глаза.

Историческое исследование процессов формирования систем духовных ценностей, которые становятся основой самоорганизации этноса, должно быть основано на принципе: ничто не возникает из ничего и не исчезает бесследно. С позиции

философии естествознания В. И. Вернадский считал, что самоорганизация человека определяется его способностью использовать материально-энергетические взаимодействия биосферы Земли и Космоса⁹. Сущность человека как субъекта этого взаимодействия заключается в его способности преобразовать биогеохимическую энергию в новую форму энергии — энергию человеческой культуры¹⁰. В контексте принципа самоорганизации В. И. Вернадского историческое развитие представляет собой рост эффективности человеческой культуры в созидании материальных и духовных ценностей, необходимых для жизнедеятельности человека в конкретных природно-климатических условиях. Естественной основой биогеохимической энергии является генофонд этноса, который формирует коллективно-бессознательные программы продолжения рода и компактного расселения. Среди восточных славян, жителей России, Украины, Белоруссии, носители кода R1a составляют от 45 до 70 %. А в старинных русских и украинских городах, городках, селениях — до 80 %. Германцы отличаются генетическим кодом AP 1.6. (почти 50 %)¹¹. Данные генетического кода населения Германии свидетельствуют о том, что этот относительно низкий процент стал результатом политики завоевания германцами племен кельтов и западных славян, которые пытались сохранить свой род или этничность.

Естественной базой формирования альтернативных систем духовных ценностей являются антропологические или коллективно-бессознательные программы жизнедеятельности. На основе индивидуальной программы формируются такие ценности, как сохранение жизни, продолжение рода, самореализация потенциала своих задатков и способностей. Сохранение жизни как ценность порождает историко-психологическое поле общности, содержание которого создает систему определенных прав и обязанностей между субъектами и объектами власти. Традиционная методология классической рациональности, реализованная в системе исторического образования, формирует мировосприятие элиты как узкого привилегированного сословия. «Наша цивилизация, — писал А. И. Герцен, — цивилизация меньшинства, она только возможна при большинстве. Природа безжалостна, она ничего не имеет против того, что две трети ее произведений идут на питание одной трети, лишь бы они развивались»¹². В работе

«О пользе и вреде истории для жизни» Ф. Ницше писал: «Массы представляются мне достойными внимания только в трех отношениях: прежде всего, как плохие копии великих людей, изготовленные на плохой бумаге со стертых негативов, затем, как противодействие великим людям и, наконец, как орудия великих людей; в остальном же побери их черт и статистика!»¹³ Если власть игнорирует право подданных на жизнь, то исторический процесс самоорганизации переживает кризис, который может завершиться сломом системы. Например, Первая мировая война закончилась революцией, которая отражала потребность реализовать такую духовную ценность, как право каждого на жизнь.

Сохранение жизни влечет за собой иную духовную ценность — продолжение рода. Свидетельством этой духовной ценности стали ключевые термины древнерусского языка, образованные при помощи приставок. Десятки слов с корнем «род» донесли до нас представления пращуров о значении рода как объединительного начала со своей матерью-землей. От слова «род» образовались слова: родители, родственники, родичи, а также родник и родина. В результате понятие «народ» означало всё, что народилось, собралось и живет в роду. Слово «нерод» обозначает того, кто не радеет об общем благе рода, — беспечного или небрежного человека, который живет в роду, но относится к нему свысока¹⁴. Только признание автором «Слова о полку Игореве» Рюрика и его наследников внуками Дажьбога, создало в глазах пращуров гарантии защиты интересов народа. В «Деяниях датчан» Самсона Грамматика (начало XIII в.), пишет Е. М. Мелетинский, «Один и другие боги предстают древнейшими королями. Датский королевский род... ведет свое происхождение от Скъёльда — сына Одина... Один стоит у начала легендарного королевского рода Вэльсунгов, к которому принадлежит и Сигурд (Зигфрид) — знаменитый герой общегерманского эпоса»¹⁵. Пресечение рода Рюриковичей спровоцировало великую смуту, которая была преодолена только решением доминирующих боярских родов избрать на царство М. Романова на основе кровнородственной связи с Рюриковичами. Этот способ преодоления кризиса подчеркивает значение принципа кровнородственных связей и родового происхождения. Естественно возникает

вопрос, могли ли наши пращурь призвать на княжение субъекта, ведущего свое происхождение от враждебного рода?

По мере исторического развития, роста эффективности преобразования биогеохимической энергии в систему ценностей, проявляется потребность в такой духовной ценности, как свобода самореализации личностью потенциала своих задатков и способностей. Каждая историческая эпоха представляет свой набор вариантов самореализации. Ограничение возможностей реализации духовных ценностей свободного развития творческого потенциала личности порождало альтернативные группы интеллигенции, разрабатывавшие концепции расширения естественных и гражданских прав человека и, прежде всего, объектов управления. Кризис и развал СССР был обусловлен ростом потребностей в расширении свободы выбора своей самореализации. Историческая эволюция этих настроений стала ментальной основой согласия национальных элит на развал СССР и олигархическую приватизацию.

Реализовать индивидуальную программу самореализации можно было в рамках духовных ценностей этнической самоорганизации как системы отношений между управляющими и управляемыми. Управляющие получают возможность самореализации своего Я, но при этом они должны были гарантировать сохранение жизни, продолжение рода и подавлять эгоизм тех, кто нарушает общепризнанные нормы взаимодействия¹⁶. Альтернативность систем духовных ценностей древних русов и норманнов-скандинавов заключается в том, что обеспечить целостность, стабильность и развитие семьи, общины, племени, государства можно только за счет стимулирования процессов создания материальных и духовных ценностей. Характерно, что мифы, былины и сказки древних русов подчеркивают необходимость развития производства и обороны, а мифы и поэзия викингов культивировали ценности воинских разбоев и грабежа. Однако сторонники норманнской теории игнорируют эти характеристики менталитета викингов, специализировавшихся на морских набегах и грабежах. Голословно утверждается, что они были заинтересованы в организации торговли на Великом торговом пути Балтика — Волга — Каспий или Балтика — Днепр — Черное море.

Сторонники норманнской теории негласно поддерживают миф об исключительном военном доминировании викингов

на Балтике. Объективные исследования сохранили множество свидетельств, что все попытки колонизации Балтийского побережья шведами и германцами не привели к существенным результатам. П. Римбергт в «Житии святого Ансгара» упоминает о военно-морской экспедиции датчан, предпринятой после 850 г., в которой они потерпели сокрушительное поражение. В «Саге об Инглинде» Стурлусон пишет, что в 1049 г. при короле Свейне и в 1051 г. при короле Магнусе в датских церквах даже произносили специальную молитву: «О Всемогущий Господь, защити нас от куршей». По мнению А. Г. Кузьмина, «варяги» в русских источниках — это западные славяне, или славянизированные веныды, жившие на южном берегу Балтики¹⁷. Важнейшим центром сопротивления агрессии норманнов-скандинавов был культовый центр балтийских славян — священный город Аркона, расположенный на крайней северо-восточной оконечности острова Руян, в скандинавской традиции — Рюген. Всё это наглядно свидетельствует о том, что морские походы норманнов-скандинавов на юго-восточное побережье Балтики пресекались военно-морскими силами венодов-варягов и прибалтийских куршей. По всей видимости, жители Арконы промышляли не столько пиратством, сколько охраной торговых путей Южного побережья Балтики, Черного или Каспийского морей.

В этом контексте становится понятным сообщение первой русской летописи Нестора: «В год 6370. Изгнали варяг за море, и не дали им дани, и начали сами собой владеть, и не было среди них правды, и встал род на род, и была у них усобица, и стали воевать друг с другом. И сказали себе: “Поищем себе князя, который бы владел нами и судил по праву”. И пошли за море к варягам, к руси. Те варяги назывались русью, как другие называются шведы, а иные норманны и англты, а еще иные готландцы, — вот так и эти. Сказали руси, чудь, словене, кривичи и весь: “Земля наша велика и обильна, а порядка в ней нет. Приходите княжить и владеть нами”»¹⁸. По мнению И. Я. Фроянова¹⁹, текст Нестора можно переводить не как «порядка нет», а как нет наряда, т. е. речь идет о том, что нет нарядника или авторитетного судьи для разрешения конфликтов и согласования интересов. Только признание авторитета рода варягов-руси в лице Рюрика могло стать основой согласования интересов трех племенных объединений восточных славян —

Славии, Куявии и Артании. Следует подчеркнуть, что решение о призывании было принято единогласно. Это свидетельствует о высоком авторитете западных славян. Их воспринимали как гарантов согласования интересов в системе общих духовных ценностей и, прежде всего, почитания своих предков.

Значение авторитета родового происхождения стало основой попытки авторов «Сказания о князьях Владимирских» заявить о родовой связи Рюриковичей с римским кесарем Августом. Заказ на написание сказания был политической инициативой Ивана Грозного, утверждавшего свое право на царскую власть ссылкой на родственную связь с Рюриком, а через него — с римским кесарем Августом. В те времена отношение к истории царственных родов было предметом особой щепетильности, но никаких критических замечаний на подобные высказывания Грозного со стороны его политических противников не последовало. Такая реакция аристократии средневековой Европы может означать косвенное признание претензий Грозного²⁰.

Исторический анализ причинно-следственных связей возникновения и снятия кризисных ситуаций показывает, что их основа заключается в сохранении баланса духовных ценностей общества в отношениях власти и личности. Очевидно, что сущностью кризиса является нарушение субъектами власти конкретно исторических представлений объекта о справедливости. Нарушение норм справедливости порождает представление на восстание у объекта права. Характерно, что расправа Олега с киевскими князьями Аскольдом и Диром не вызвала кризиса, но нарушение норм справедливости князьями Игорем и Андреем Боголюбским стало причиной восстания против власти. Принцип справедливости является сердцевиной духовных ценностей самоорганизации Российского общества, в основе которого лежат права каждого на реализацию его антропологических потребностей и права — на жизнь, продолжение рода и самореализацию. Кризис возникает на основе отказа управленческой элиты учитывать духовные ценности масс. Высшей точкой кризиса становится восстание масс, последним из которых стало установление советской власти. Все попытки дискредитации этого исторического периода оказались неудачными, прежде всего, в силу того, что в этот период были реализованы духовные ценности рядовых граждан.

Классическая модель исторического образования, в основе которой лежат принципы: линейно-ступенчатый (предусматривает последовательное изучение исторических фактов деятельности субъектов власти) и концентрический (предполагает неоднократное изучение одного и того же материала на разных уровнях), не выдержала испытания на устойчивость и прочность знаний. Необходимость усвоения большого количества разрозненных фактов, при отсутствии установления между ними причинно-следственных связей, становится основой ориентации на философию идеализма и установок на копирование опыта развитых стран Запада, без учета исторического опыта жизнедеятельности народов России и системы духовных ценностей подавляющего большинства населения.

Модернизация исторического образования должна основываться на антропологических принципах, в центре которых должен стоять человек и его система духовных ценностей. Системы исторического образования фиксируют эти духовные ценности в форме мифов, сказок, былин, фильмов и теоретических знаний. В своем синергетическом взаимодействии эти ценности составляют историческую память — важнейший фактор самоопределения личности в системе отношений различных этнических и социальных групп в условиях настоящей и будущей геополитической конкуренции. Основу интеграционных процессов составляют духовные ценности, посредством которых обеспечивается рост эффективности преобразования биогеохимической энергии живого вещества планеты, социума и личности в энергию человеческой культуры. Эта культурная биогеохимическая энергия является той формой биогеохимической энергии, которая создает в настоящее время ноосферу²¹.

В контексте исторического образования концепцию ноосферы можно рассматривать как поиск баланса духовных ценностей управляющих и управляемых, обеспечивающего целостность, стабильность и развитие государства, преодоление кризисных процессов.

Примечания

- ¹ *Поппер К.* Открытое общество и его враги : в 2 т. М., 1992. Т. 2. С. 111.
- ² Скандинавская мифология : энцикл. М. ; СПб., 2005. С. 199, 268.
- ³ *Похлебкин В. В.* Словарь международной символики и эмблематики. М., 2001. С. 256.
- ⁴ *Соболева Н. А.* Гербы городов России : альбом-справ. М., 1998.
- ⁵ *Никитин А. Л.* Основания русской истории : мифологемы и факты. М., 2001. С. 156.
- ⁶ Там же. С. 167, 309.
- ⁷ Былины / сост., авт. предисл. и ввод. текста *В. И. Калугин.* М., 1986. С. 57—59.
- ⁸ Там же. С. 152.
- ⁹ *Вернадский В. И.* Живое вещество. М., 1987. С. 219.
- ¹⁰ *Вернадский В. И.* Размышления натуралиста // Вернадский В. И. Научная мысль как планетное явление. М., 1977. Кн. 2. С. 95.
- ¹¹ *Алексеев В. П.* Этногенез. М., 1986. С. 110 ; *Рычков Ю. Г.* Историческая геногеография Восточной Европы // Восточные славяне : антропология и этническая история. М., 2002. С. 120.
- ¹² *Герцен А. И.* С того берега // Собр. соч. : в 30 т. М., 1955. Т. 6. С. 55—56.
- ¹³ См.: *Ницше Ф.* Человеческое, слишком человеческое : книга для свободных умов // Ницше Ф. Избранное : соч. : в 2 т. М., 1990. Т. 1. С. 219.
- ¹⁴ *Колесов В. В.* Мир человека в слове Древней Руси. Л., 1986. С. 28.
- ¹⁵ См.: *Андреев Ю. В.* Греция в XI—IX вв. до н. э. по данным гомеровского эпоса // История Древнего мира : ранняя древность. М., 1989. С. 343.
- ¹⁶ *Коваленко С. В.* Антропологические основы ноосферогенеза. М., 2005. С. 52, 82.
- ¹⁷ *Кузьмин А. Г.* Начало Руси. М., 2003. С. 244.
- ¹⁸ Повесть временных лет / под ред. *В. П. Андриановой-Перетц.* СПб., 1999. С. 149.
- ¹⁹ *Фроянов И. Я.* Начала русской истории : избранное. М., 2001. С. 342.
- ²⁰ *Коваленко С. В., Ермолаева Л. К.* Синергетика геополитической самоорганизации русского этноса : опыт историко-антропологической реконструкции. Иваново, 2009. С. 316—317.
- ²¹ *Вернадский В. И.* Размышления натуралиста. С. 95.

ПО СЛЕДАМ ПРОЧИТАННОГО

ББК 63.3(2)-283.2

Н. Л. Габриель

ОТРАЖЕНИЕ ПРОЦЕССА ПОПОЛНЕНИЯ РОССИЙСКОЙ ИНТЕЛЛИГЕНЦИИ В СЕРИИ «НАРОДНЫЕ МЕМУАРЫ»

Многоликое, полярное и в чем-то бескомпромиссное современное общество предъявляет разные взгляды на историю: люди хотят знать прошлое своей страны, своих предков, их беспокоит сознательное искажение исторических событий, попытки политиков использовать историю в своих, порой весьма своекорыстных целях. И вот уже более десяти лет в науке развивается тенденция самоидентификации людей, которая, наряду с историей повседневности, позволяет выявить внутренний мир простого человека, не имеющего ни высоких званий, ни звучных титулов, ни нашумевших творений. В связи с этим большой интерес в размышлениях о прошлом, его осмыслении вызывает мемуарная литература.

Однако авторами мемуаров выступают, как правило, люди известные, добившиеся определенного общественного признания. На этом фоне многолетний труд омского профессора Бориса Ивановича Осипова можно считать в некотором роде революционным. Ровно десять лет назад родилась издаваемая им серия «Народные мемуары»: в 1995 году вышла скромная книжечка воспоминаний зауральского крестьянина В. А. Плотникова¹. Издатель и не предполагал, что этим будет положено начало целому

© Габриель Н. Л., 2016

Габриель Наталья Леонидовна — кандидат исторических наук, доцент кафедры философии и общественных наук Пермского государственного гуманитарно-педагогического университета. gabi@pspu.ru

циклу работ, который выявляет ценный пласт народного творчества и самоопределения. Люди пишут с разной степенью способностей, искренности и грамотности, но они осмысливают свою жизнь. Были изданы воспоминания крестьян, работницы, солдат Великой Отечественной войны, представлен анализ фотографий из семейных альбомов². И даже служащие с высшим образованием, описывая свою жизнь, с гордостью заявляют: «Отец мой был природный пахарь...»³

Вырисовывается картина воспроизводства из народной среды той самой «прединтеллигенции», о которой давно уже пишут представители ивановской интеллигентоведческой школы во главе с В. С. Меметовым⁴. Тем более интересны для интеллигентоведов жизнеописания сельского учителя, врача, юриста, профессионального управленца⁵. Неудивительно, что серия вызывает неизменный интерес ученых⁶. К сожалению, это не относится к органам управления: издание финансируется эпизодически и предельно скромно, профессору Б. И. Осипову неоднократно приходилось вкладывать в него собственные средства.

В этом контексте понятно, почему он не раз объявлял о прекращении серии и в предисловии к десятому выпуску официально простился с читателями⁷. Но человек предполагает.... Когда пришло предложение из Перми о совместной публикации очередного выпуска, издатель горячо его поддержал. Так появилось уникальное, поражающее своей откровенностью жизнеописание еще одного представителя этого не определенного как следует нашим обществознанием явления, называемого «народ». Вероятно, время выхода книги также судьбоносно: в дни, когда так много делается для вбивания клиньев между русскими и украинцами, мы читаем мемуары российского служащего, украинца по рождению и национальности⁸.

Григорий Михайлович Сало родился в 1892 году и скончался в 1976, прожив 84 года. Его жизненный путь во многом был тяжел и тернист, но он сделал себя, сотворил свою личность, судьбу, биографию. Автор повествования — сын крестьянина из слободы Пески-Радьковские Купянского уезда Харьковской губернии. У него было трудное детство: в 5 лет умер отец, к которому он испытывал сложные чувства, поскольку тот много пил и бил мать. Оставшись в бедственном положении, мать вскоре

вышла замуж, и Григория отдали на воспитание дяде. Отношения с женой дяди у мальчика сложились чрезвычайно тяжелые: она постоянно высмеивала его привычку читать книги, стремление к знаниям, занятие песнопением, пристрастие и увлеченность ребенка пресекались частыми побоями и упреками в безделии. Несмотря на всё это, целеустремленный мальчик успешно заканчивает церковно-приходскую школу, получив начальное образование.

Неукротимость характера в стремлении к совершенствованию и служению во имя общего блага этого представителя простого народа поражает до глубины души. С детских лет у него была огромная тяга к знанию, желание понять мир. В его воспитании и личностном становлении существенную роль сыграла не семья, а книги и песнопение. Под влиянием книг и научно-популярной литературы формировалась его общественная позиция. В 15 лет Григорий выписывал журнал «Вокруг света», читал сочинения русского писателя Н. Г. Гарина-Михайловского, политическая платформа которого была радикальной. Постепенно у молодого человека формировалась своя идеология, собственный взгляд на события. К примеру, позднее он не единожды демонстрирует гражданскую позицию, в частности в связи с алчностью и нечистоплотностью местного попа, опубликовав несколько статей в сатирическом журнале.

Надо заметить, что взаимоотношения между Г. М. Сало и церковью строились своеобразно. Основным препятствием на этом пути были, с одной стороны, конфликты с попами на почве быта, а с другой — советская власть, провозгласившая атеизм основой духовной жизни. Поэтому в дальнейшем, как следствие, ему пришлось прервать отношения с церковью скорее из-за угрозы потерять работу, чем по соображениям веры. Неслучайно в его исповеди, написанной отнюдь не для печати, встречаются лирические отступления, посвященные книгам, музыке, но вопросы свободы совести обойдены многозначительным молчанием.

Страсть же Григория Михайловича к музыке сохранилась на всю жизнь. И хотя с церковным пением, в котором он проявил себя как хорист, солист и даже регент, волею обстоятельств пришлось расстаться, с классической музыкой и песней он не расстался никогда. Уже в «церковный период» он познакомился

с выдающимися духовными сочинениями Бортнянского, Чайковского, Римского-Корсакова и многих других.

Затем в жизни Г. М. Сало произошел нетипичный для крестьянского юноши поворот: через ремесленника — к служащему. После школы, поработав столяром, он поступает в ученики писаря и через два года становится волостным писарем, «одним из лучших писарей». Ответственное и профессиональное отношение к работе вознаграждалось, с одной стороны, увеличением жалованья, уважением окружающих, а с другой — порождало недовольство и зависть начальства. В преодолении житейских трудностей закаливается характер. Благодаря изощренным стараниям волостного писаря, он теряет место и уезжает в Донбасс. Проработав около года в ужасных и тяжелых условиях на шахте, переболев три месяца тифом, возвращается домой. В дальнейшем, поступив в сельскохозяйственное кредитное товарищество, постоянно трудится в должности счетовода. И вновь за аккуратность и высокую квалификацию на счетной работе получает повышение жалования и ненависть местной власти.

Начало XX века. Наступают непростые времена для Российской империи, сопровождаемые сложной внутривосточной и внешней ситуацией. В 1913 году Г. М. Сало, которому исполнился 21 год, был призван в армию. Служба царю и отечеству в то время для рядового Г. М. Сало представляла уборку конюшни, чистку лошадей, своей и «дядьки», т. е. солдата прошлых призывов (похоже, принцип «дедовщины» и в царское время был нормой армейской службы). Далее — «занятия в пешем строе, верховая езда, вольтижировка, всевозможные упражнения и, наконец, рубка лозы». После унижений и избиений был комиссован и отправлен домой, а далее был признан негодным к воинской службе.

Надо заметить, что автор крайне сдержан в оценках общественно-политической ситуации того времени. Узнав о февральской революции из газеты, он пишет: «Пришел домой и сказал тете о том, что царя прогнали. Она в плач, побежала к куме, та тоже плакать, подняли на улице гвалт. Но через день всё успокоилось. Мне февральская революция запомнилась тем, что выбросили из рамок портреты царя и заменили Керенским, да сняли старшину в волости и заменили председателем общественного комитета»⁹. Звучит вполне реалистично на фоне роста антицарских

настроений, в том числе и сословия мелких служащих. Влияние новой власти на Григория Михайловича отразилось через его участие в работе комиссии по выборам в Учредительное собрание, при этом на выборах он голосовал за список кадетской партии «Народная свобода». Не являясь политически ангажированным человеком, мало разбираясь в ситуации, он искренне признается: «Мне понравился один агитатор от партии “Народной свободы”, уж больно он был красноречив, приезжал чаще всех — вот этот агитатор и сагитировал меня голосовать за список указанной выше партии». И далее отмечает, что на этом фоне «агитаторы от партии большевиков на митингах... больше всего кричали, угрожали, ругали “буржуев”, кулаков, что мне тогда не понравилось»¹⁰.

События Октябрьской революции, которые всколыхнули весь мир, в родной деревне переживали по-разному. «Одни были рады и приветствовали ее, — пишет Григорий Михайлович, — другие проклинали и ругали». Что ж, суд истории продолжается и сегодня. Не сломали крестьянский дух Г. М. Сало и ужасы Гражданской войны, жестокость, присущая действиям многих повстанческих отрядов по отношению к представителям большевистской власти, сторонником которой, как представитель наиболее стабильной «власти на местах», он объективно оказался. Ведь банды Петлюры, Махно, Антонова, Григорьева были «хуже гайдамаков: последние хоть били, но живыми отпускали, а эти рубили шашками всех, кто работал в органах советской власти». Затем появились белые, Деникин и опять «пошли порки». Автор отчетливо понимает, что эти люди были одержимы классовой ненавистью, поясняя, что офицеры били «больше за то, что забрали у помещиков землю, а у торговцев — постройки и товары»¹¹. Г. М. Сало приводит ряд примеров бесчеловечного отношения банд к сельчанам, независимо от их социального статуса.

Начав в годы Советской власти активную трудовую и общественную деятельность в качестве члена волостного Военно-революционного комитета, затем депутата сельского совета, заведующего отделом народного образования, Г. М. Сало по-настоящему нашел себя и реализовался в кооперативном движении. Открытие сельских потребительских и, прежде всего, кредитных товариществ являлось важным фактором проявления самостоятельности крестьянского населения. Имея кооперативный опыт с царских

времен, Григорий Михайлович становится одним из видных деятелей кооперативного движения своего края. Профессиональные навыки счетовода, умение работать с людьми помогали успешно вести заготовку зерновых продуктов, торговую и ценовую политику в сельских кредитно-хозяйственных кооперативах. Доверие со стороны Харьковского сельскохозяйственного банка помогло обеспечить кооперативы своего района сельскохозяйственной техникой. Появлением первого трактора не только в районе, но и во всем округе сельчане были обязаны Григорию Михайловичу. Он отбирает и направляет на курсы трактористов перспективных молодых ребят, возглавляет «отвоевывание» помещения для клуба.

Чувство справедливости, сметливость и расчетливость позволили ему грамотно выстроить работу в кооперативах и выстоять против чиновничьей бюрократии. Личностная зрелость автора воспоминаний помогает ему выжить в трудные для страны времена. От засухи и голода 1920—1921 годов он спасается охотой и рыбалкой, впоследствии став активным деятелем охотничьего общества. Успешная деятельность в организации торговли охотничьими и рыболовными принадлежностями, находчивость и предприимчивость в добывании денег для выдачи ссуд членам кооперативов и их плодотворной работы (от контактов с местными кулаками до игры в преферанс) также, с одной стороны, свидетельствуют о разносторонне одаренной натуре человека, с другой — объясняют его отход от активной работы по преобразованию села в годы развернувшейся коллективизации.

Любознательность и широкий круг интересов Г. М. Сало сохранил на всю жизнь. В юности мы видим его на фото среди сельской интеллигенции с балалайкой в руках. Затем он через Петербургский международный коммерческий банк выписывает из Германии фотоаппарат. Одним из первых инициирует открытие почты в своей волости, что позволило увеличить подписку на газеты и журналы, наконец, участвует в строительстве через свое село железной дороги. При клубе создает драмкружок, в котором ставит пьесы украинских и русских авторов. Продолжает чтение газет и журналов, общается в кругах интеллигенции, вплоть до приезжающего на охоту Тухачевского.

Ясные нравственные ориентиры позволяют ему достойно преодолеть сложный период рубежа двадцатых — тридцатых

годов, ужасы Великой Отечественной войны и непростые годы послевоенного времени. Неоднократные аресты, содержание в тюрьме на голодном пайке, смена мест работы, случайные заработки не сломили его. В годы войны, чуть было не став офицером Советской армии, он оказывается секретарем управы на оккупированной территории. Делал что мог, вступаясь в защиту обиженных немцами селян, сохраняет народное достоинство: ни запасы гильз как цветной металл, ни необходимая в управленческой деятельности пишущая машинка не уходят от его хозяйского глаза. Но доказать, что работал у немцев не из сочувствия к врагу, а по приглашению казенных подпольщиков, не удалось. Григорий Михайлович, как множество интеллигентов разных национальностей могучего СССР, оказался на севере Молотовской области (нынешнего Пермского края), в поселке Нырб — неофициальной «столице» пермских лагерей: сначала как заключенный и чуть было не умерший «доходяга», а затем, после проведенного расследования и снятия всех обвинений — как вольнонаемный бухгалтер, обретший здесь вторую родину.

Потеряв двух сыновей в годы войны, доверие прежней семьи, посчитавшей обвиненного «врагом народа», Г. М. Сало женится второй раз и остается жить на Урале, сохраняя верность книгам, друзьям, семье. Авторитет искусства для него по-прежнему непререкаем. В мемуарах есть фрагмент, в котором, пожалуй, единственный раз за всё повествование автор категоричен в своих суждениях: это рассуждение о роли музыки, пения в жизни человека. И хотя это написано на материале 1960—70-х годов, когда угроза засилья «попсы» западного образца только начинала обозначаться, высказанные мысли звучат удивительно актуально для людей XXI века: «Терпеть не могу современных песенок, где преобладают диссонансы, готов уничтожить все грампластинки, передающие их, а радиотрансляцию выключаю. Сейчас же, как нарочно, передают эти волчье-кошачьи песни, чем развращают нашу молодежь. Ведь наслушавшись этих так называемых песен, станешь сам грубым, таким же, как эти звуки. Почему сейчас больше грубых юношей, не уважающих друг друга и всех окружающих? Потому что с малолетства слушают грубую музыку, впитывают грубые звуки и сами становятся такими же, как новая музыка. Старые нежные звуки музыки и песен воспитывали людей восприимчивых,

отзывчивых, мягких. Да разве можно сравнить старую музыку с этими новыми завываниями с барабанным треском?»¹² Он добавляет, что его воспитало именно хорошее пение и хорошая музыка.

Мемуары Григория Михайловича Сало, выходца из семьи украинских крестьян, содержат интересный материал о жизни Российской империи и Советской страны конца XIX и второй половины XX века. Это ценнейший исторический источник. Опубликованные воспоминания позволяют увидеть русскую жизнь того времени под необычным углом зрения и понять, о чем думали и к чему стремились представители наиболее многочисленных и наименее изученных «изнутри» сословий русского общества. Знакомясь с историей сложной и тяжелой судьбы, не перестаешь удивляться человеческому достоинству и врожденной скромности народного характера. Неторопливость изложения, мужская сдержанность, отсутствие излишней эмоциональности и враждебного настроения проходят лейтмотивом по всей книге, являются отличительными особенностями авторского повествования.

Такие люди, прошедшие непростой путь рядового труженика сельской местности от сохи до государственного служащего, от безграмотного до просвещенного человека, причем не имеющего специального образования и достигшего всего самовоспитанием и самообразованием, без преувеличения могут служить примером для потомков. Несмотря на описываемое автором время, суровое, жестокое, на пережитые страдания, Григорий Михайлович Сало остался не озлобившимся, а глубоко духовным человеком. Это истинный интеллигент из народа, социальное поведение которого характеризуется личной инициативой, чувством ответственности за себя, свои поступки, других, судьбу Родины. Человек непростой, и его поведение в той или иной исторической ситуации можно интерпретировать по-разному. Как пишут дочери, выписывал много газет и журналов, слушал «голоса» и «всё, что прочитал и услышал, анализировал и искал правду где-то посередине»; «к советской власти, от которой он, собственно, пострадал, относился очень конструктивно: помнил, что было на Украине до нее, и ценил те возможности, которые появились у простого человека после ее установления»¹³.

И вознаграждение за всё — его дети: как сыновья, отдавшие за Родину свои молодые жизни, так и дочери, получившие

прекрасное образование, отцовскую школу воспитания и ставшие достойными преемниками лучших качеств славянской крестьянской среды, выходцем из которой был их отец. Разросшаяся, сроднившаяся с прикамской землей семья удивила на презентации книги своей сплоченностью, организованностью, интеллектом, культурой общения. Среди представителей разных ее поколений были доцент вуза (дочь Г. М. Сало, издатель книги Н. Г. Липкина — кандидат педагогических наук, активный член международного Корчаковского общества), специалисты-управленцы, инженеры, лингвисты-переводчики, архитектор, артисты (по совместительству) известного в прошлом Пермского народного театра молодежи... Шаг от прединтеллигенции к интеллигенции в полном смысле этого слова сделан. Можно дискутировать, успел ли сделать этот шаг в своей жизни сам автор воспоминаний — Григорий Михайлович Сало, или оставил эту подвижку своим потомкам. Но очевидно, что первыми интеллигентами могут стать не только вожди и знахари, занимавшиеся интеллектуальным трудом профессионально, но и простые люди из народа, стремящиеся к знаниям и культуре.

Нравственная основа тех и других — предмет особого разговора. Счастьливо общество, формальные и неформальные лидеры которого всю свою жизнь стремятся неуклонно наращивать свой интеллект, сохраняя высокие нравственные качества.

Примечания

- ¹ Автобиографические записки сибирского крестьянина В. А. Плотникова / подгот. текста, предисл., коммент. *Б. И. Осипова*. Омск, 1995.
- ² Воспоминания работницы М. Н. Колтаковой «Как я прожила жизнь» / подгот. текста, предисл., коммент. *Б. И. Осипова*. Омск, 1997; Солдатские воспоминания Н. Ф. Шульгина и Г. П. Еланцева / подгот. текста *Б. И. Осипова, Е. С. Ситниковой*. Омск, 1999; *Осипов Б. И.* История СССР в семейных фотографиях: страницы строительства коммунизма. Омск, 2011; Пути российского крестьянства в документальном автобиографическом романе Л. Л. Потокина «Судьба ветерана» / подгот. текста, предисл., коммент. *Б. И. Осипова*. Омск, 2014.
- ³ Судьбы раскулаченных семей в мемуарах Л. К. Зубрицкой «Отец мой был природный пахарь...» / предисл., коммент. *Б. И. Осипова*. Омск, 2015.

- ⁴ Меметов В. С. О проблеме дефиниций: от понятия «интеллигенция» к «прединтеллигенции»: постановка вопроса // Интеллигенция, провинция, Отечество: проблемы истории, культуры, политики : тез. докл. науч.-теорет. конф. Иваново, 1996. С. 4—7; *Он же*. К дискуссии о времени появления и формирования российской интеллигенции // Некоторые современные вопросы анализа российской интеллигенции : межвуз. сб. науч. тр. Иваново, 1997. С. 13—14; и др.
- ⁵ Документальная автобиографическая повесть сельского учителя А. У. Астафьева «Записки изгоя» / подгот. текста Л. А. Астафьевой, Н. А. Астафьевой, Б. И. Осипова; предисл., коммент. Б. И. Осипова. Омск, 1998; Воспоминания А. Н. Белозерова «Записки районного служащего» / подгот. текста Б. И. Осипова, Е. С. Ситниковой; предисл., коммент. Б. И. Осипова. Омск, 2002; Мемуары врача К. Г. Акелькиной / предисл., коммент. Б. И. Осипова. Омск, 2007; История советской правоохранительной системы в мемуарах юриста С. А. Мордвинова / предисл., коммент. Б. И. Осипова, Е. А. Рониной. Омск, 2012.
- ⁶ Порозов В. А. В поисках совести // Вестник Омского университета. 2000. № 4. Рец. на кн.: Астафьев А. У. «Записки изгоя»: документальная автобиографическая повесть сельского учителя. Омск, 1998; Минаева А. П. «Наивная литература»: творчество и стереотипы // Традиционная культура. 2003. № 2; Еланцев Г. Дневник рядового : редакц. предисл. к публ. // Знание — сила. 2005. № 5; Харченко К. В. Власть — имущество — человек : передел собственности в большевистской России (1917—1921). М., 2007; Черницына С. А. Отражение говора Курганской области в автобиографических записках крестьянина В. А. Плотникова // Наука и образование Зауралья. 2007. № 1; Пундани В. В. Родники земли юргамышской // Астафьева Л. А., Плотников С. В. Сужденное не случайно. Юргамыш, 2011; Лебедева Н. Б. [Рецензия] // Юрислингвистика. 2012. № 1. Рец. на кн.: История советской правоохранительной системы в мемуарах юриста С. А. Мордвинова; и др.
- ⁷ Судьбы раскулаченных семей в мемуарах Л. К. Зубрицкой... С. 8.
- ⁸ Сало Г. М. Бухгалтерия жизни : воспоминания / подгот. текста Н. Г. Липкиной, В. А. Порозова; предисл., общ. ред. сер. Б. И. Осипов. Омск; Пермь, 2015. (Народные мемуары. Вып. 11).
- ⁹ Там же. С. 33.
- ¹⁰ Там же.
- ¹¹ Там же. С. 35.
- ¹² Там же. С. 44.
- ¹³ Там же. С. 86, 91.

ВАЛЕРИЙ СТЕПАНОВИЧ ВОЛКОВ — Ученый, Педагог, Гражданин

В начале декабря 2015 года исполнился год, как прервалась жизнь Валерия Степановича Волкова. Большинство из нас знали профессора В. С. Волкова как постоянного участника проходящих в Иванове ежегодных научных конференций интеллигентоведов, как члена Проблемного совета «Интеллигенция. Культура. Власть» при ИвГУ и члена редакционного совета журнала «Интеллигенция и мир», издающегося в нашем городе. В то же время мы понимаем, что основная часть его жизни и научной деятельности связана с Санкт-Петербургом. Отдавая дань светлой памяти Валерия Степановича Волкова, мы предоставляем слово его ученикам и коллегам по Российскому государственному педагогическому университету им. А. И. Герцена.

ИЗ ВОСПОМИНАНИЙ ЛЮДЕЙ, ОЩУЩАЮЩИХ СЕБЯ ПРИЧАСТНЫМИ К «ШКОЛЕ В. С. ВОЛКОВА»

В. И. Голдин

доктор исторических наук, профессор (Архангельск)

Наука в целом и российская наука в частности всегда была богата на личности, на людей, способных совершать научные прорывы, успешно руководить научными школами и коллективами. Один из лидеров ленинградской/петербургской научной школы интеллигентоведения, профессор Валерий Степанович Волков был именно из таких людей. Начало его жизненного пути и гражданского становления типично для многих его современников. Он родился 21 сентября 1938 года в селе Алексеевка Рязанской области. Окончив в 1961 году историко-филологический факультет Рязанского государственного педагогического

института, В. С. Волков работал школьным учителем, инструктором и заместителем заведующего отделом Алтайского краевого комитета ВЛКСМ, затем поступил в аспирантуру Ленинградского государственного педагогического института, преобразованного позднее в РГПУ имени А. И. Герцена. Ровно полвека связывали его с Герценовским университетом. Именно здесь он прошел все ступени научно-педагогической деятельности, став в итоге профессором. Ученик основателя ленинградской школы интеллигентоведения Б. И. Сандина, В. С. Волков всегда с благодарностью вспоминал и высоко оценивал научную деятельность, достижения и человеческие качества своего учителя. Став продолжателем его дела и защитив в 1976 году докторскую диссертацию, он возглавил кафедру, диссертационный совет и сформированную в ЛГПИ научную школу интеллигентоведения, которая приобрела всесоюзную и международную известность. Во многом благодаря усилиям В. С. Волкова в 1970—80-х годах преодолевались догматические трактовки истории российской интеллигенции (в частности, сугубо негативные характеристики дореволюционной интеллигенции и идеализированный взгляд на феномен «новой», советской интеллигенции), начался процесс объективного и непредвзятого изучения истории интеллигенции. Ленинградская школа интеллигентоведения именно в годы руководства В. С. Волкова достигла своей зрелости и, наряду с другими ведущими научными школами (уральской, сибирской, ивановской), определяла интеллектуальные параметры этой области знаний, задавала тон научным поискам исследователей других регионов страны. Руководимая профессором Волковым научная школа активно занималась разработкой теоретико-методологических основ интеллигентоведения, стояла у истоков всестороннего и комплексного изучения феномена советской интеллигенции.

В. С. Волкова всегда отличала преданность избранному делу и профессии, гражданственность, высокая ответственность, чувство долга, требовательность к себе и другим. Эти качества и любовь к науке он неустанно прививал всем своим ученикам. Под его руководством и при научном консультировании защищены 27 кандидатских и пять докторских диссертаций. Он дал благословение на путь к ученым степеням многим исследователям,

работающим на поприще истории культуры и образования, выступая в качестве официального оппонента их диссертаций. Ученики В. С. Волкова высоко ценят ту внимательность и требовательность, которую он проявлял в отношении к ним, но одновременно и мягкую доброжелательность, высокие нравственные качества учителя. В своей наставнической деятельности они стремятся быть похожими на него. Автор этих строк был одним из первых аспирантов, учеников профессора В. С. Волкова. Отношения ученика и учителя переросли со временем в дружбу, близкие человеческие отношения.

Радикальные преобразования университета и реорганизация кафедры в 1990-е годы, происходившие вслед за глубокими переменами в стране, привели к тому, что обновленная кафедра, лишившись части кадров и аспирантуры, утратила и свою прежнюю роль в изучении истории российской интеллигенции. Потеряв в это сложное время возможность подготовки научных кадров, Валерий Степанович не изменил себе, своим жизненным и научным принципам. Он вдумчиво и новаторски продолжал изучать тему, которой посвятил свою жизнь. Опубликованная им статья «К научной концепции истории советской интеллигенции» стала толчком к пересмотру методологических основ изучения интеллигенции, вызвала большой интерес и одобрение ведущих специалистов-интеллектоведов. В условиях кардинальных трансформаций на рубеже 1980—90-х годов В. С. Волков предостерегал исследователей от политизированных тенденциозных подходов и односторонних оценочных суждений. Освободившись от административных обязанностей, В. С. Волков смог больше внимания уделять научному творчеству, стал активным членом Проблемного совета Министерства образования Российской Федерации «Интеллигенция. Культура. Власть», созданного на базе ИвГУ, неизменным участником научных конференций, проводимых ежегодно в Иванове по проблемам интеллектоведения, членом редакционного совета Российского междисциплинарного журнала социально-гуманитарных наук «Интеллигенция и мир». Анализ исследований профессора В. С. Волкова позволяет утверждать, что его отличала способность к подлинно научному концептуальному осмыслению проблем, умение выявлять

и исследовать актуальные в научном плане и социально значимые вопросы. В его творческом багаже — труды, посвященные закономерностям, сущностным чертам и ценностным ориентациям советской, постсоветской и эмигрантской интеллигенции, путям ее формирования, гражданской позиции в переломные периоды российской истории, судьбам отдельных людей в родном отечестве и в эмиграции, проблемам взаимодействия власти, интеллигенции и народа. Значителен вклад Валерия Степановича в становление и развитие интеллигентоведения как междисциплинарной области научного познания. В. С. Волкова всегда привлекали яркие личности, внесшие весомый вклад в развитие науки и высшей школы. В 2007 году увидела свет его почти 600-страничная монография, посвященная первому ректору Третьего педагогического института в Петрограде А. П. Пинкевичу, затем вышел ряд статей о видном ученом, педагоге-естественнике Б. Е. Райкове.

Признанный научный авторитет, объективность и добросовестность научного эксперта сделали В. С. Волкова желанным членом диссертационных советов в СПбГУ, РГПУ им. А. И. Герцена, ЛОУ им. А. С. Пушкина.

Заметим, что В. С. Волков не кичился своими заслугами. Он никогда не требовал себе создания неких особых условий, напротив, отличался скромностью. Один из коллег-профессоров рассказывал, что однажды встретил его на железнодорожном перроне в Иванове, выходящим из плацкартного вагона. Он приехал на очередную конференцию в город, где его ждали и высоко чтили. В ответ на недоуменный вопрос встречающих, почему он не ехал в купейном вагоне, Валерий Степанович ответил, что счел необходимым сэкономить таким образом командировочные расходы, ибо эти средства понадобятся другим, молодым исследователям.

По убеждению многих, право именовать себя интеллигентом в высоком смысле этого слова имеет человек, не только получивший высокий уровень образования или даже увенчанный академическими лаврами, но обладающий высокими нравственными качествами, являющийся примером для других. Именно таким человеком и был В. С. Волков.

В. В. Фортуатов

доктор исторических наук, профессор (С.-Петербург)

Когда-то мой дедушка Сергей Степанович говорил, что ума должно хватать хотя бы для того, чтобы учиться у других. Общение с Валерием Степановичем позволяло многому научиться: как читать лекции и использовать ТСО, как руководить кафедрой, как работать над текстом научной или учебно-методической работы и писать учебные пособия, как отстаивать свою позицию. Он многое предвидел. В 1977 году в день защиты мною кандидатской диссертации разговор с Валерием Степановичем позволил сразу определить тему докторской. В 1987 году вышел его словарь-справочник «Советская интеллигенция». Длительная работа под руководством Валерия Степановича помогла понять, что наступают сложные времена, в которые интеллигенции придется нелегко. Спасибо Учителю за мудрые советы, следование которым позволило кое-чего добиться в этой непростой жизни.

И. М. Ладыжников

кандидат исторических наук, доцент (С.-Петербург)

Мое знакомство с Валерием Степановичем началось в 1967 году, в аспирантском общежитии ЛГПИ им. А. И. Герцена, где мы жили в одной комнате. Дружеские отношения продолжались до последних дней жизни Валерия Степановича. Естественно, за столь долгие годы я узнал его не только как крупного ученого, великолепного преподавателя, но и как человека, близкого товарища, за пределами официальной среды, в личной жизни.

Мы сотрудничали и вне стен Герценовского университета: в ЛГОУ им. А. С. Пушкина, в ЛОИРО — он был востребован в разных учебных заведениях в силу своих высоких профессиональных качеств. Во всех коллективах он пользовался не только уважением, но и поистине любовью. Он не давил на учителей и студентов своим статусом, авторитетом, а видел в них коллег; его интеллигентная манера чтения лекций, эрудиция, аргументация и логика вызывали полное доверие и западали не только в голову, но и в душу слушателей. В лекциях находили место литературные образы, личные воспоминания и переживания, что придавало им еще больше убедительности и красочности. В общении

с коллегами по поводу разных событий и дат вне официальной обстановки Валерий Степанович выступал и как автор-исполнитель юмористических произведений (пел частушки!) и был настоящей душой компании. Разносторонность его поистине удивительна.

При всей интеллигентности, внешней мягкости Валерий Степанович был тверд в своих убеждениях, его гражданская позиция присутствовала всегда, в том числе и в общественной деятельности. Она проявлялась в публичных акциях, в руководстве теоретическим семинаром марксистской направленности в Доме Плеханова, где мне доводилось выступать. Я видел, как его участники — служащие, ученые, рабочие — высоко ценили работу Валерия Степановича, были чрезвычайно ему признательны за возможность обсуждать волнующие проблемы истории и современности.

Личность Валерия Степановича чрезвычайно привлекательна и с точки зрения его отношения к семье. Он был любящим сыном, каждый год, иногда не раз, навещал родителей, живших в Рязанской области, всячески помогал им, глубоко переживал по поводу их здоровья. Его старшая сестра, Дина Степановна, вслед за которой он поступил в Рязанский педагогический институт, хранит пачки его писем, которые он присылал ей на протяжении всей жизни. Теплые отношения были у него и с младшим братом Сергеем Степановичем и его семьей. В аспирантском общежитии Валерий познакомился со своей будущей женой — Мирой. Они создали семью, в которой царил мир и согласие, взаимная забота, самые теплые отношения. Ни разу не довелось мне слышать о каких-либо конфликтах. При всей загруженности на работе и в общественной деятельности Валерий Степанович делил с Мирой, а нередко брал на себя, заботу о сыне Мите, который стал его любовью и гордостью. Взрослый Дмитрий был опорой отца во всех житейских делах, с особым вниманием относился к нему после смерти матери.

Интеллигентность, тактичность, мягкость не исчерпывают характер Валерия Степановича. Это был мужественный человек, с сильной волей, в котором, можно сказать, дух преобладал над плотью. Вспоминается рассказанный Валерием Степановичем эпизод из его молодых лет жизни на Алтае. Зимой он и его коллега оказались в ситуации, когда пришлось добираться до места пешком. Это были километры пути, началась метель, дорогу

замело, идти стало тяжело. Спутник, здоровый молодой человек, упал духом, сдал физически, не мог идти. И Валерий Степанович, сам не богатырь, тащил его на себе, не бросил, спас.

Такое равнодушие к людям, готовность прийти на помощь в большом и малом проявлялись Валерием Степановичем всегда. Примеров тому несть числа. Человек слова, он не давал попусту обещаний, но делал всё, что мог.

Мужественно встретил Валерий Степанович весть о страшном диагнозе. В разговорах даже накануне ухода из жизни с его стороны не было обычных в таких случаях жалоб, стенаний. Валерий Степанович достойно прожил свою жизнь, достойно и ушел из нее. Говорят, человек умирает дважды: когда он уходит из жизни и когда умирает память о нем. Память о Валерии Степановиче, верится, не умрет, пока живы его близкие, друзья и коллеги.

Н. А. Голубева

кандидат исторических наук, доцент (С.-Петербург)

В жизни Валерия Степановича труд был всегда первичен. Труд был ему не пот на лбу, а удовольствие. Год за годом он набирал вес в науке. Его отличала широта воззрений, умение охватывать объем, понять глубину, выделить важность, подчеркнуть точность. Если коротко говорить о нем как ученом, это — талант. Валерий Степанович не пренебрегал учебой у жизни, в архивах, в библиотеках, руководствуясь принципом — не только учить, но и учиться всю жизнь. Его юмор и красноречие были выражением его тонкого и глубокого ума.

Г. К. Шлыкова

кандидат исторических наук, доцент (С.-Петербург)

С благодарностью, почтением и с восхищением я начинаю свой рассказ.

Эпизод первый: почти безличное наше знакомство началось в далеких 1960-х годах. Я — студентка исторического факультета, а аспирант В. С. Волков проходит практику. Курс истории партии читал нам тогда Б. И. Сандин. Живой, артистичный, обаятельный рассказчик, он всем очень нравился. Но его аспирант тоже не подкачал. Мы сразу оценили его, отметив, что у научного

руководителя он взял четкую логику и новизну материала, который в учебниках искать было бесполезно. Лекционный поток у нас был большой, человек 100, много взрослых — «стажеевиков» и молодых людей, отслуживших в СА. Чинопочтанием эти ребята не страдали, да и «оттепель» формировала свободно думающих людей, так что их оценку можно считать объективной.

Эпизод второй: В. С. Волков рецензировал написанный для поступления в аспирантуру мой реферат «Роль КПСС в формировании художественной интеллигенции в годы II пятилетки на примере Ленинграда». Я хорошо училась, но во многом именно благодаря положительному отзыву на эту работу мне была открыта дорога на кафедру. Однако о том, что официальным рецензентом моего труда был В. С. Волков, и именно он оказал тогда мне дружескую поддержку, я случайно узнала через 45 лет! Скромность — черта больших людей, дефицитная в наше время.

Эпизод третий: далеко — не эпизод. Валерий Степанович руководил кафедрой истории КПСС, считавшейся лучшей в городе, с 1976 по 1992 год. Представьте себе общеинститутскую кафедру в составе 30 штатных преподавателей и 16 совместителей, среди которых — работники ректората, бывшие партработники, секретари факультетских организаций (я сама была членом партбюро дефектологического факультета). Все — состоявшиеся в профессиональном отношении, авторитетные личности, многие — старше своего руководителя. Но Валерий Степанович находился здесь на своем месте. Все заседания кафедры были не просто решением организационных вопросов, а формой повышения квалификации. Заседания длились с трех часов до восьми вечера, и мы, женщины, сетовали между собой на их продолжительность. Но оставалось впечатление, что всем это нравилось, мы тянулись друг к другу, любили поговорить и поспорить в своем кругу, где тебя понимают и где царит взаимное доверие. Валерий Степанович не был «либеральным» руководителем, оставаясь требовательным к дисциплине и качеству преподавания и зная при этом личные и семейные обстоятельства каждого, он был внимателен ко всем. Для меня это было крайне важно, т. к. по количеству детей (двое) я занимала первое место среди женского состава кафедры. За всё это время поменялось многое: «застой», «перестройка», «постперестройка»... Считаю,

что

во

многим

благодаря Валерию Степановичу кафедра сохранила свое ядро, магистральные исследовательские направления и пережила гонения — не без потерь, но весьма достойно.

Эпизод четвертый: В. С. Волков и начальство. Отчет в Куйбышевском РК партии о кадровой политике кафедры. «На ковер» вызвали В. С. Волкова и меня. Претензии были таковы: аспиранты кафедры не защищаются в положенные сроки. Валерий Степанович подробно рассказывал о семейном положении, о бытовых трудностях каждого, о сложностях, связанных с темой диссертационных исследований и пр., словом, защищал своих коллег как мог. Но на заседаниях кафедры он ни словом, ни намеком не выдал, что ему пришлось перенести в РК. Всячески помогал молодежи с публикациями, с научными командировками в архивы и на конференции.

Эпизод пятый: о скромности бытовой жизни Валерия Степановича. Однажды он поразил меня рассказом о родной деревне, о неустроенности села не только в послевоенной середине двадцатого века, но и в его конце. Сам он долгое время жил с семьей в одной комнате коммунальной квартиры на территории института, где не было горячей воды и ванной комнаты.

Эпизод шестой: В. С. Волков — организатор науки. В 1991 году меня назначили Ученым секретарем в диссертационный совет, которым руководил В. С. Волков. 10 лет работы под непосредственным руководством В. С. Волкова совершенно и окончательно убедили меня в его профессиональной и человеческой принципиальности, в кристальной честности и неподкупности, в бережном отношении к людям. За это десятилетие было защищено около 80 кандидатских диссертаций.

Эпизод седьмой: Друг. Перестройку кафедры, а точнее, ее разгром, сопровождавшийся массовым увольнением в 1992 году, мы все пережили очень тяжело. Прощание с прошлой, советской жизнью проходило в ресторане. Праздник удался. На следующее утро оказалось, что из 20 преподавателей на кафедре остается только 8. Была уволена и я. Единственным, кто позвонил мне, был Валерий Степанович, он предложил мне место учителя в школе на окраине. К счастью, мне удалось остаться в университете. Знаю, что он активно участвовал в организации материальной

поддержки в моем горе, когда умер муж. И, пожалуй, очень важное для меня и поныне: это настойчивая рекомендация Валерия Степановича писать докторскую диссертацию. Отказ от работы над докторской я считаю своей большой личной ошибкой.

Жизнь, конечно, не разделить на эпизоды, она неделима. Увы, многое забыто, и хорошо, что помнится доброе и светлое. Считаю, что мне повезло работать рядом с чудесными людьми, и я храню в сердце благодарность и теплые воспоминания о Валерии Степановиче Волкове.

О. Н. Ерошкина

кандидат исторических наук, доцент (С.-Петербург)

Выдающийся ученый, историк, талантливый педагог, замечательный человек — всё это соединилось в Валерии Степановиче Волкове. Мое первое знакомство с ним было заочным. Обучаясь на историческом факультете ЛГУ в далекие уже 1970-е годы, я узнала о существовании «волковской» кафедры. Так уважительно в среде ленинградских историков называли кафедру истории КПСС педагогического института, которую возглавлял Валерий Степанович Волков. За этим неофициальным названием ощущался сплоченный коллектив единомышленников во главе с авторитетным, несомненным лидером.

Первая личная встреча с Валерием Степановичем Волковым произошла во время подготовки и проведения предварительной защиты моей кандидатской диссертации, по которой он выступал рецензентом. Я увидела тихого, даже скромного человека. Однако его выступление с блестящим, глубоким анализом моей диссертационной работы не оставляло сомнений — перед аудиторией предстал незаурядный исследователь, обладающий энциклопедическими познаниями и большим опытом изучения исторических документов и событий. Его замечания и рекомендации помогли мне усовершенствовать и вскоре удачно защитить диссертацию. Смею надеяться, что мое исследование произвело на Валерия Степановича Волкова позитивное впечатление, потому что спустя несколько месяцев я стала преподавателем кафедры, которую он возглавлял. С этих пор, наблюдая воочию за жиз-

нию и деятельностью «волковской» кафедры, участвуя в этом сама, я убедилась в правильности своих первых, заочных представлений о ней. Во время научных семинаров и конференций, которые организовывала и проводила кафедра, многочисленных обсуждений вопросов методики преподавания истории в вузе, подготовки сборников научных работ и учебных пособий выработывался единый вектор в деятельности кафедры и ее сотрудников при всем многообразии их исследовательских интересов. Тон же всему задавал Валерий Степанович Волков. Много и плодотворно трудясь, он и других требовательно настраивал на неустанную творческую работу. Занимаясь историей интеллигенции — новой, советской, и «старой», дореволюционной — он увлек этим большинство сотрудников кафедры, подтверждая неформальное звание лидера ленинградской школы интеллигентоведения.

Вклад Валерия Степановича Волкова в развитие исторической науки, достижения в преподавании и пропаганде исторических знаний, заслуги руководителя большого научно-педагогического коллектива снискали ему огромное уважение среди коллег, учеников и всех, увлекающихся историей. Тем не менее, он не утратил присущих ему от природы скромности, интеллигентности и совестливости. До последних дней своей жизни Валерий Степанович Волков сохранил эти качества и остался в памяти людей как настоящий ЧЕЛОВЕК и ГРАЖДАНИН.

И. А. Лапина

кандидат исторических наук, доцент (С.-Петербург)

Зная Валерия Степановича на протяжении всей своей взрослой жизни, то есть с момента своего поступления в 1975 году на исторический факультет ЛГПИ им. А. И. Герцена, в первую очередь хочу сказать о том, каким изумительным старшим другом он нам был — мудрым, терпеливым и снисходительным. Его лекционный курс следовал за курсом Виталия Федоровича Шишкина, который сразу стал нашим кумиром. Но если остроумному и артистичному В. Ф. Шишкину мы верили безоговорочно, принимая его чуть ли не за очевидца революции, то молодой преподаватель, читавший историю советского периода, был сначала воспринят иначе — и в силу материала, с которым

ему приходилось иметь дело, и силу своей необычайной скромности и даже застенчивости. Однако очень быстро и ненавязчиво он сумел объяснить нам и то, что есть одна большая наука — история — обществознание в лицах, а ее дробление на разделы и периоды — дело условное, и то, какое значение имеет в этой науке его величество Источник.

Еще большее впечатление произвели на меня качества этого человека, когда после нескольких лет работы в школе и в музее я пришла на кафедру, которая из «шишкинской» уже стала «волковской». Кафедра была большой и сложной по составу, и организаторский талант Валерия Степановича был совершенно очевиден. Строгий с виду, он никогда не ограничивал мои педагогические эксперименты, например дискуссии на семинарах между «большевиками» и «меньшевиками», только иронично интересовался, на основе чего студенты могут излагать аргументацию последних. Несмотря на строгую требовательность руководителя, на кафедре существовала атмосфера дружбы и доброжелательности, ценились интеллект и чувство юмора. Думаю, что лучшие традиции этой кафедры были сохранены и приумножены именно благодаря В. С. Волкову.

Валерий Степанович всегда с глубокой благодарностью вспоминал о своих учителях, помнил всех их поименно, начиная с начальной школы. Он никогда не забывал о ветеранах кафедры, внимательно относясь к их переживаниям и житейским проблемам. Когда однажды нам пришлось хоронить коллегу, он показал мне могилу своего научного руководителя — Б. И. Сандина. Оказалось, что за этой могилой он ухаживает много лет. Этой осенью я тоже пришла к Валерию Степановичу в день его рождения, 21 сентября, когда ему могло бы исполниться 77 лет.

Всем была известна высочайшая научная добросовестность В. С. Волкова. Хочу добавить еще один штрих, подтверждающий эту его черту. Будучи его аспиранткой, я с восторгом неопита вдыхала архивную пыль. Изучая материалы А. А. Богданова, хранящиеся в РЦХИДНИ (ранее — ЦПА, сейчас — РГАСПИ), обнаружила не публиковавшийся ранее текст под названием «Мы — коллективисты», отпечатанный на машинке, с изложением взглядов сторонников концепции социализма А. А. Богданова. Очень хотелось думать, что обнаруженный текст — платформа

неизвестной внутрипартийной оппозиции, подтверждающая участие Богданова в политической борьбе 1920-х годов. У Валерия Степановича сразу возник вопрос: не является ли этот текст организованной провокацией против самого Богданова, удобным поводом для предъявления обвинений в его адрес. И действительно, из опубликованных позднее материалов по делу Богданова (он был арестован в сентябре 1923 года), находившихся в Архиве ФСБ, следовало, что сам идеолог «коллективистов» убедительно отрицал свою причастность к прокламациям «Рабочей правды» и доказывал, что сосредоточился на чисто теоретической работе в «келье» Социалистической Академии.

В последние годы, особенно после ухода Миры Андреевны, исследовательская работа для Валерия Степановича была целью и средством жизни, источником вдохновения. Он шутил, что чувствует себя совершенно больным, если неделю не может добраться до публичной библиотеки. После выхода в свет книги о первом ректоре Герценовского института А. П. Пинкевиче, он с энтузиазмом взялся за новую большую работу — об основателе кафедры методики преподавания естествознания Б. Е. Райкове. Валерий Степанович был привлечен в качестве эксперта при публикации дневников Б. Е. Райкова, хранящихся в СПбФ АРАН. Шаг за шагом он следовал за своим героем по его жизненному пути — физико-математический факультет Петербургского Императорского университета, Коммерческое училище в Лесном, ОРЕО, вольный Психоневрологический университет, Третий педагогический институт им. А. И. Герцена, знаменитые петербургские «Кресты», строительство Беломорканала, Медвежьегорск, Архангельск, филиал АПН СССР в Ленинграде, Институт истории естествознания и техники АН СССР... Сравнивая себя с трудолюбивым монахом-летописцем, он изучал труды Райкова по истории и методике преподавания естествознания, его переписку, сопутствующие материалы. В характере исследователя и его героя оказалось много общего: высокая гражданственность и патриотизм, преданность делу, спокойное мужество и негибаемая стойкость перед ударами судьбы, и еще — тонкая душевная организация, любовь к природе, сочетание аналитического ума и глубокого лиризма. В итоге появилось грандиозное историческое полотно — научная биография, в которой судьба героя — учено-

го, преподавателя-естественника разворачивается на фоне драматической истории страны. Над этой книгой Валерий Степанович работал до последних дней. Обессиленный в неравной борьбе со страшным недугом, он продолжал диктовать текст очередной главы и декламировал стихи Райкова. За два дня до скорбной даты рассказал уже по телефону, какой видит обложку этой книги и о том, что хочет посвятить ее жене.

Н. Л. Иванова

кандидат исторических наук, доцент (С.-Петербург)

В дни моих любимых праздников — день рождения пионерии и день рождения комсомола — всегда звонил Валерий Степанович. Он, как и я, был когда-то пионерским вожатым. Вместе вспоминали о веселых днях вожатских приключений. Но день 7 ноября всегда начинался с моего звонка. Вместо обычных слов поздравления я пела песню «Вихри враждебные веют над нами». Валерий Степанович тут же ее подхватывал, и мы вместе допевали ее до конца.

Каждый праздник всем нам кажется, что вот-вот раздастся телефонный звонок, и мы с Валерием Степановичем, как всегда, поздравим друг друга, и обсудим еще очень много интересного...

БЛАГОДАРНОСТЬ ВАЛЕРИЮ СТЕПАНОВИЧУ ВОЛКОВУ (В ДЕНЬ 75-ЛЕТИЯ)

В. С. Волков — человек науки, мастер методологии, способный руководитель, широко известный интеллигентовед, талантливый популяризатор историко-политических знаний. В. С. Волков — тот, кому хотелось бы подражать: он скромен, талантлив, наделен живым умом, умеет точно выразить свои мысли, удивительно хорошо пишет, в нем нет корысти, стремления к славе; он дарит знания, через которые умело совершенствуются природные таланты учеников. В. С. Волков — историк-творец, историк-педагог, сумевший воспитать многочисленных последователей, профессионалов-историков высшей квалификации, кандидатов и докторов наук. Дар педагога-профессора В. С. Волкова — в умении осознанно подбирать учеников, не-

взирая на региональную отдаленность кандидата, для него главное — стремление человека к саморазвитию, постоянному обучению; для него историк — художник, заново проживающий с помощью исторических источников прошлую реальность и восстанавливающий ее для современного понимания. В. С. Волков сумел установить особый порядок взаимоотношений среди коллег, который позволил создать в бытность его руководства кафедрой атмосферу творчества, профессионального вкуса к истории, нравственной корпоративной привязанности.

Мы, ученики В. С. Волкова, храним привитую нам потребность радости научного поиска, охраняем это чувство как богатство молодости. Мы вспоминаем, какими торжественными были дни собраний кафедры в стенах старинного дворца К. Разумовского с великолепным видом на Казанский собор из кафедрального окна. Это активное вовлечение в жизнь кафедры научило историческому видению, познакомило с тем, что называется «постижением истории», благодаря чему мы поняли, что большие обязательства требуют значительных усилий для их исполнения, выработали умение находить свое собственное решение проблемы. В. С. Волков учил нас смотреть на мир, анализировать, сравнивать, ощущать красоту и ценность исторического факта, научил держаться вместе, что сделало нашу жизнь богатой и осмысленной. Он дал нравственное развитие, собрав вокруг себя увлеченных профессионалов, заложил в нас основы наших будущих успехов.

С признательностью, бывшие аспиранты кафедры истории ЛГПИ им. А. И. Герцена: М. Н. Барышников (д-р ист. наук, профессор), Г. И. Большакова (д-р ист. наук, профессор), М. Ю. Крапивин (д-р ист. наук, профессор), Е. Э. Платова (д-р ист. наук, профессор), В. Н. Тугушкекова (д-р ист. наук, профессор), Б. Н. Ковалев (д-р ист. наук, профессор), С. Н. Васильев (канд. ист. наук, директор издательства РГПУ), Н. Б. Васильева (канд. ист. наук, доцент), Т. И. Еремينا (канд. ист. наук, канд. юрид. наук, доцент), А. Н. Бахарева (канд. ист. наук, канд. юрид. наук, доцент), А. В. Терентьева (канд. ист. наук, доцент), Т. И. Филимонова (канд. ист. наук, заведующая Домом Плеханова РНБ) и многие-многие другие...

КРАТКАЯ БИБЛИОГРАФИЯ РАБОТ В. С. ВОЛКОВА

1. Коммунистическая партия — организатор подготовки инженерно-технических кадров (1928—1937 гг.). Л., 1973. (В соавт. с *Б. И. Сандиным*, *С. Ф. Клишиным*, *В. В. Микшиным*, *А. И. Трусью*).
2. Коммунистическая партия и техническая интеллигенция в период строительства социализма в СССР (1928—1937 гг.). Л., 1975.
3. Советская интеллигенция: крат. очерк истории (1917—1975) / под ред. *В. С. Волкова*, *П. П. Амелина*. М., 1977.
4. Ленинский анализ социальной психологии интеллигенции как составная часть научно-обоснованной политики партии по отношению к старым специалистам после победы Великого Октября // Роль интеллигенции в построении и дальнейшем развитии социалистического общества в СССР. Л., 1978. Вып. 2.
5. Советская интеллигенция: слов.-справ. / под ред. *В. С. Волкова*, *Л. В. Ивановой и др.* М., 1987.
6. К научной концепции истории советской интеллигенции // В поисках исторической истины: сб. ст. Л., 1990.
7. Выдвиженчество в условиях становления административно-командной системы в СССР (20—30-е годы) // Российская интеллигенция: страницы истории: сб. ст. СПб., 1991.
8. Русская интеллигенция в Гражданской войне: позиции, функции, роль // Происхождение и начальный этап гражданской войны, 1918 год: материалы 2-й сессии: в 2 ч. М., 1994. Ч. 1.
9. Участие интеллигенции в оппозиции сталинскому режиму в 30-е годы // Российская интеллигенция в отечественной и зарубежной историографии: тез. докл. межгос. науч.-теорет. конф. Иваново, 1995. Т. 1.
10. Главная закономерность процесса формирования советской интеллигенции // Интеллигенция, провинция, отечество: проблемы истории, культуры, политики: тез. докл. межгос. науч.-теорет. конф. Иваново, 1996.
11. Членство интеллигентов в Коммунистической партии как фактор их социального и профессионального продвижения в СССР // Некоторые современные вопросы анализа российской интеллигенции: межвуз. сб. науч. тр. Иваново, 1997.

12. Сервиллизм в отношении интеллигентов к Советской власти (20—30-е годы) // Нравственный императив интеллигенции: прошлое, настоящее, будущее : тез. докл. междунар. науч.-теорет. конф. Иваново, 1998.
13. Интеллигенция и сталинизм: основные грани проблемы и этапы ее отечественной историографии // Интеллигент и интеллигентоведение на рубеже XXI века: итоги пройденного пути и перспективы : тез. докл. X междунар. науч.-теорет. конф. Иваново, 1999.
14. Ленинградская (Петербургская) школа интеллигентоведов // Меняющаяся Россия в изменяющемся мире : сб. ст. / отв. ред. *А. В. Репневский*. М., 2001.
15. Представление о народе в системе ценностных ориентаций российской гуманитарной элиты после Октябрьской революции // Интеллигенция современной России: духовные процессы, исторические традиции и идеалы : тез. докл. XIII междунар. науч.-теорет. конф. Иваново, 2002.
16. История интеллигенции России в биографиях ее исследователей : опыт энцикл. слов. Екатеринбург, 2002.
17. История и культура Ленинградской земли с древнейших времен до наших дней / под ред. *С. А. Лисицына*. СПб., 2003 (в соавт. с *Лисицыным С. А., Козловым Н. Д. и др.*).
18. Национальная самоидентификация русских интеллигентов-эмигрантов 1917—1990-х годов // Общечеловеческие императивы и этнонациональные ценности интеллигенции : материалы XVI междунар. науч.-теорет. конф. Иваново, 2005.
19. Первый ректор Третьего педагогического института в Петрограде : страницы жизни *А. П. Пинкевича*. СПб., 2007.
20. Основные тенденции в развитии современной интеллигенции России и ее социальный потенциал // Интеллигенция в процессах преобразования мира: исторические вызовы, социальные проекты и свершения : материалы XVIII междунар. науч.-теорет. конф. Иваново, 2007.
21. Великий Октябрь и социализм XXI века. СПб., 2008 (в соавт. с *Воронцовым А. В., Волович В. Н. и др.*).
22. Общество распространения естественнонаучного образования: основные направления деятельности // Проблемы исторического регионоведения. СПб., 2009.

23. Российская интеллигенция и народ : к постановке проблемы исследования // Дискуссионные вопросы современного российского интеллигентоведения : материалы XXII междунар. науч.-теорет. конф. Иваново, 2011.
24. Знаменитому ученику от бывшего научного руководителя // Жизнь в науке и познание мира : сб. ст. и материалов. Архангельск ; СПб. ; Полторацк ; М., 2011.
25. Дискуссии 1920-х годов по проблемам образования и судьбы их участников-педагогов // Интеллигенция и мир. 2011. № 3.
26. Борис Евгеньевич Райков — педагог, ученый, личность // Вестник Герценовского университета. 2011. № 5.
27. Проблема единства социальных действий интеллигенции современной России // Интеллигенция современного мира в ее многообразии : материалы XXIV междунар. науч.-теорет. конф. Иваново, 2013.
28. У истоков ленинградской-петербургской школы интеллигентоведения: Борис Иванович Сандин // Интеллигенция и мир. 2013. № 3.
29. Третья муза академика-педагога Бориса Евгеньевича Райкова // Universum : вестник Герценовского университета. 2013. № 2.
30. Жизнь и работа педагога-естественника Б. Е. Райкова в Архангельске в 1941—1945 годах (гуманитарный аспект) // Вестник Северного (Арктического) федерального университета. Сер.: Гуманитарные и социальные науки. 2014. № 2.
31. Деятельностный подход — важное средство расширения диапазона и углубления интеллигентоведческих исследований // Интеллигентоведение: теория, методология и социокультурная практика : материалы XXV междунар. науч.-теорет. конф. Иваново, 2014.

АННОТАЦИИ

Кураев А. Н. Интеллигентские союзы в России в 1905—1907 годах

Ключевые понятия: интеллигенция, интеллигентские союзы, профессионально-политические союзы, Союз союзов.

Рассматриваются особенности возникновения и деятельности в России в 1905—1907 гг. Союза союзов и входивших в него профессионально-политических союзов интеллигенции и служащих, эволюция их политической платформы от либерализма к революции, взаимоотношения этих союзов с кадетской и эсеровской партиями и с большевиками, значение интеллигентских союзов.

Трифонов Г. А., Черная Е. В. Профессиональная и научная деятельность первых выпускников Дальрыбвтуза по развитию рыбной отрасли Дальневосточного региона

Ключевые понятия: выпускники Дальрыбвтуза, рыбохозяйственные исследования, система управления в рыбном хозяйстве, рационализация рыбной отрасли.

Исследуется научная и профессиональная деятельность первых выпускников Дальневосточного государственного технического рыбохозяйственного университета (Дальрыбвтуз). Анализируется их вклад в развитие и совершенствование системы управления рыбной промышленности Дальнего Востока.

Тюленев В. М. Традиции греко-римской образованности при остготском королевском дворе на рубеже V—VI вв.

Ключевые понятия: поздняя Античность, остготская Италия, интеллектуальные традиции, античная педагогика, культурная преемственность.

На примере двора остготских королей, прежде всего Теодориха Великого, рассматривается вопрос о традициях римской образо-

ванности в варварском обществе времен становления средневековой цивилизации. В качестве основного объекта изучения выступают остготские королевы и принцессы, практически все причастные римской системе знаний. Доказывается, что в ходе воспитания и обучения представительниц правящей династии им прививались те же качества и насаждались те же знания, которые составляли основу поздне-римской педагогической системы.

Назаров И. Д. Роль интеллигенции в формировании нравственных оснований правосудия Нового времени: этико-философский анализ

Ключевые понятия: интеллигенция, правосудие, криминализация деяний, правоприменительная деятельность, Новое время.

Освещается роль интеллигенции в формировании процесса отправления правосудия в Новое время. Большое внимание уделяется возникшим в рассматриваемый период таким особенностям, как постепенное ограничение полномочий общины при отправлении правосудия, централизация и усиление власти судебных органов, последовательная криминализация совершаемых деяний, формирование в обществе идеологии справедливости принимаемых судебных актов и беспепелляционной уверенности в неизбежности разрешения любого дела. Эмпирический материал представлен ссылками на конкретные судебные дела, рассматриваемые в судах Великобритании в обозначенный исторический период.

Чередникова А. Ю. Переводчики Великой Отечественной войны как представители советской военной интеллигенции (По материалам мемуарного наследия)

Ключевые понятия: военная интеллигенция, военные переводчики, мемуарная литература.

Предпринимается попытка выявить особенности формирования структуры прослойки военных переводчиков в условиях Великой Отечественной войны и вовлеченность гражданской интеллигенции в военно-переводческую деятельность. На материалах мемуарного наследия военных переводчиков исследуются аспекты подготовки, армейских будней, основной занятости военных переводчиков. Выявляется степень влияния переводческой деятельности на формирование личности изучаемых представителей военной интеллигенции, анализируются нравственно-этические и ценностные характеристики военного интеллигента и их репрезентация в сфере деятельности военных переводчиков.

Кулешова И. Н., Минников В. К. Социально-психологические особенности политического мировоззрения и политической активности современной интеллигенции

Ключевые понятия: психология интеллигенции, политическое мировоззрение, политическое участие.

Отмечается роль интеллигенции в формировании политической повестки. Поднимается проблема политического участия современной интеллигенции в зависимости от ее мировоззренческих позиций, отношения интеллигенции к политической системе и ее элементам. Рассматривается соотношение когнитивных и эмоциональных оснований политического мировоззрения современной интеллигенции, а также его мифологические основания. Исследуется структура убеждений, лежащих в основе политического мировоззрения.

Зубкевич А. А., Казаков М. А. Личностный срез нравственно-этического компонента современного политического лидерства (На примере гендерной асимметрии)

Ключевые понятия: личность политического лидера, нравственно-этический компонент лидерства, ценности, неинституциональные факторы, гендерная асимметрия политического лидерства, институционализация.

На принципах парадигмы развития анализируется нравственно-этический компонент политического лидерства через призму изменений в системе личных культур его носителя. Акцентируется внимание на неинституциональных факторах как особом «фоне» личности, влияющих на поведение, характер деятельности политических субъектов и институтов. Последние представлены в качестве «связующих ограничений», в пределах которых происходит активное взаимодействие ведущих игроков. Приводится пример гендерной асимметрии в политическом лидерстве, имеющей социокультурные основания. Отмечается, что, «подпитываемая» искусственно, гендерная асимметрия усугубляет переходное качество лидерства в условиях кризиса идентичности. Делаются выводы о существенной недооценке неинституциональных факторов в политической науке, значимости нравственно-этического компонента в стабилизации политики и в начавшейся фазе институционализации политического лидерства России, нацеленной на выявление лидеров-интеллектуалов, ориентированных на образованные слои.

Коваленко С. В. Духовные ценности как основа исторического исследования и образования в России

Ключевые понятия: модернизация, интеллигенция, историческое образование, норманнская концепция, методология, русский народ, варяги, Древнерусское государство, ценности, управляющие, управляемые, генетические факторы.

Отмечается необходимость модернизации методологии систем исторического исследования и образования на основе учета синергетического взаимодействия материальных и духовных факторов. Указывается, что достижение эффективности модернизации возможно только при условии сохранения традиционных духовных ценностей взаимодействия субъектов власти и управляемых. Автор обосновывает точку зрения, что совершенствование системы исторического образования на основе духовных ценностей обеспечивает прочность знаний, готовность к их усвоению как способу самоопределения личности в прошлом, настоящем и будущем.

Габриель Н. Л. Отражение процесса пополнения российской интеллигенции в серии «Народные мемуары»

Ключевые понятия: народ, мемуары, интеллигенция, прединтеллигенция, самообразование, самовоспитание, нравственность.

С позиций интеллигентоведения анализируется работа Григория Михайловича Сало «Бухгалтерия жизни: воспоминания» (2015), опубликованная Омским государственным университетом им. Ф. М. Достоевского и Пермским государственным гуманитарно-педагогическим университетом как продолжение серии «Народные мемуары». На примере биографии автора воспоминаний показан процесс пополнения российской интеллигенции выходцами из народа.

Валерий Степанович Волков – Ученый, Педагог, Гражданин

Публикация подготовлена к годовщине смерти доктора исторических наук, профессора Валерия Степановича Волкова. Он был членом Проблемного совета «Интеллигенция. Культура. Власть» при Ивановском государственном университете, членом редакционного совета журнала «Интеллигенция и мир». Основная часть жизни и научной деятельности В. С. Волкова была связана с Санкт-Петербургом. Отдавая дань светлой памяти Валерия Степановича Волкова, редколлегия предоставляет слово его ученикам и коллегам по Российскому государственному педагогическому университету им. А. И. Герцена.

ANNOTATIONS

Kurayev A. N. The intelligentsia unions in Russia in 1905—1907

Key notions: intelligentsia, intelligentsia unions, professional and political unions, Union of the unions.

The article shows the features of emergence and activity of the Union of the unions and the professional and political unions of the intelligentsia and employees in 1905—1907 in Russia, the evolution of their political platform from liberalism to revolution, relationship of these unions with cadet and socialist-revolutionary parties and with Bolsheviks, the significance of the intelligentsia unions.

Trifonova G. A., Chernaya E. V. Professional and scientific activity of the first graduates of the Far East State Technical Fishery University aimed at development of fishing industry in the Far East region

Key notions: graduates of the Far East State Technical Fishery University, fishery researches, control system in fishery, rationalization of fish branch.

The article investigates scientific and professional activity of the first graduates of Far East State Technical Fishery University. Analyzed is their contribution to the development and improvement of the control system of fishing industry of the Far East.

Tyulenev V. M. Traditions of the Greek-Roman education at the ostrogothic Royal Court at the boundary of the 5th — 6th centuries

Key notions: late Antiquity, Ostrogothic Italy, intellectual traditions, antique pedagogies, cultural continuity.

On the example of the court of ostrogothic kings, first of all Theodoric the Great, the article considers the question of traditions of the Roman educa-

tion in barbarous society in times of medieval civilization formation. Ostrogothic queens and princesses, practically all involved in the Roman system of knowledge act as the main object of study. It is proved that during education and training of representatives of a ruling dynasty the same qualities and the same knowledge which formed the basis of the late Roman pedagogical system were translated to them.

Nazarov I. D. The role of intelligentsia in formation of the moral basis of justice in Modern times: an attempt at ethic and philosophical analysis

Key notions: intelligentsia, justice, criminalization of acts, law-enforcement activity, Modern times.

The article shows the role of intelligentsia in the process of justice administration formation during Modern times. Much attention is paid to such features as gradual restriction of a community powers, centralization and strengthening of the power of judicial authorities, consecutive criminalization of the acts, formation of ideology of justice of the adopted judicial acts in the society and absolute confidence in possibility and inevitability of any case being solved fairly. Empirical material is presented by links to the concrete lawsuits considered in courts of Great Britain during the designated historical period.

Cherednikova A. Yu. Translators of the Great Patriotic War as representatives of the Soviet military intelligentsia (Based on the materials of memoirs heritage)

Key notions: military intelligentsia, military translators, memoirs literature.

The article makes an attempt to reveal features of military translators' structure formation in the conditions of the Great Patriotic War and the involvement of the civil intelligentsia in military and translation activity. Resting on materials of memoirs heritage of military translators the article investigates the aspects of preparation, everyday life in the army, and the main employment of military translators. Revealed is the degree of influence of translation activity on formation of the identity of the studied representatives of the military intelligentsia, analyzed are moral, ethical and value characteristics of the military intelligentsia member and their representation in the sphere of military translators' activity.

Kuleshova I. N., Minnikov V. K. Social and psychological features of political outlook and political activity of the contemporary intelligentsia

Key notions: psychology of intelligentsia, political outlook, political participation.

The article shows the role of intelligentsia in formation of the political agenda. Shown is the problem of political participation of the contemporary intelligentsia depending on its world outlooks, the relations of intelligentsia to political system and its elements. Considered is the ratio of the cognitive and emotional bases of political outlook of the contemporary intelligentsia as well as its mythological bases. Investigated is the structure of the views which are the cornerstone of political outlook.

Zubkevich A. A., Kazakov M. A. A personal cut of a moral and ethical component of contemporary political leadership (On the example of gender asymmetry)

Key notions: personality of the political leader, moral and ethical component of leadership, value, non-institutional factors, gender asymmetry of political leadership, institutionalization.

On the principles of a paradigm of development the article analyses the moral and ethical component of political leadership through a prism of changes in the system of personal cultures of its carrier. The attention is focused on non-institutional factors as special «background» of the personality, influencing behavior, nature of activity of political subjects and institutes. The latter are presented as "binding restrictions" within which there is an active interaction of the leading players. Given is the example of the gender asymmetry in political leadership that has the socio-cultural bases. It is noted that "being fed" artificially, gender asymmetry aggravates transitional quality of leadership in the conditions of identity crisis. The authors come to the conclusions about essential underestimation of non-institutional factors in political science, the importance of a moral and ethical component in the stabilization of policy and in the developing phase of an institutionalization of political leadership of Russia aimed at identification of the leaders-intellectuals focused on the educated layers.

Kovalenko S. V. Cultural wealth as a basis of historical research and education in Russia

Key notions: modernization, intelligentsia, historical education, the Norman concept, methodology, the Russian people, Varangians, the Old Russian state, values, managers, the manipulated, genetic factors.

The article notes the need of methodology modernization of historical research and education systems on the basis of synergetic interaction of material and spiritual factors. It is specified that achievement of efficiency of modernization is possible only on condition of preservation of traditional cultural wealth of interaction of power subjects and the manipulated ones. The author proves the point of view that improvement of the system of historical education on the basis of cultural wealth provides durability of knowledge, readiness for its assimilation as a way of self-determination of the personality in the past, in the present and in the future.

Gabriel N. L. Reflection of the Russian intelligentsia replenishment process in the «National Memoirs» series

Key notions: people, memoirs, intelligentsia, pre-intelligentsia, self-education, self-upbringing, morality.

From the positions of intelligentsia studies the article analyses Grigory Mikhaylovich Salo's work «Accounts department of life: memoirs» (2015), published by Omsk State University of F. M. Dostoyevsky and the Perm State Humanitarian and Pedagogical University as continuation of the «National Memoirs» series. The process of the Russian intelligentsia replenishment by common people is shown on the example of the biography of the author of memoirs.

Valery Stepanovich Volkov — the Scientist, the Teacher, the Citizen

The publication is prepared to honour the memory of the doctor of historical sciences, Professor Valery Stepanovich Volkov. He was the member of the Problem council «Intelligentsia. Culture. Authority» at Ivanovo State University, the member of the editorial council of the journal «Intelligentsia and the World». At the same time the main part of his life and scientific activity was connected with St. Petersburg. Paying a tribute to Valery Stepanovich Volkov, the editorial board gives the floor to his students and colleagues of the Russian State Pedagogical University named after A. I. Herzen.

Информация для авторов

Редколлегия междисциплинарного журнала социально-гуманитарных наук «Интеллигенция и мир» приглашает к сотрудничеству ведущих специалистов и начинающих исследователей, работающих в различных сферах гуманитарного знания. С 2010 года наш журнал включен в Перечень ведущих рецензируемых научных журналов и изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени доктора и кандидата наук по историческим, философским и политическим наукам. Материалы журнала размещены в Научной электронной библиотеке (e-library.ru) и Восточно-европейской электронной библиотеке (www.ceeol.com)

Мы будем рады видеть на страницах журнала «Интеллигенция и мир» Ваши публикации по следующим **актуальным проблемам** современной науки:

- **Актуальные проблемы современного интеллигентоведения;**
- **Генезис, становление, развитие и деятельность интеллигенции;**
- **Роль интеллигенции в развитии государственности и культуры России и зарубежных стран;**
- **Интеллигенция и общество в современных условиях;**
- **Роль личности в мировой и отечественной культуре и истории;**
- **Международные отношения и личность;**
- **Роль религии в развитии мировой культуры;**
- **Учебно-методические проблемы преподавания интеллигентоведения и других дисциплин социально-гуманитарного цикла;**
- **Рецензии на научные издания и диссертации, хроника научной жизни;**
- **Из архивных фондов: публикация исторических источников.**

Требования к оформлению статей

1. В журнал принимаются материалы в электронном виде на дискете стандартного формата с приложением одного экземпляра распечатки на белой бумаге.

Максимальный размер статьи — 1,0 авт. л. (20 страниц текста через 1,5 интервала, 30 строк на странице формата А4, не более 65 знаков в строке, выполненного в редакторе Microsoft Word шрифтом Times New Roman или Times New Roman Cyr, кегль 14), сообщения — 0,5 авт. л. (10 страниц).

2. Материал для журнала должен быть оформлен в следующей последовательности: **ББК** (в библиографическом отделе библиотеки ИвГУ); на русском и английском языках: **инициалы и фамилия автора, название материала**, для научных статей — **аннотация** (объемом 10—15 строк), **ключевые слова; текст статьи** (сообщения).

3. Библиографическое описание литературных источников к статье оформляется в соответствии с ГОСТами 7.1—2003, 7.0.5—2008. В выходных сведениях обязательно указание издательства и количества страниц, в ссылке на электронный ресурс — даты обращения.

4. Фотографии, прилагаемые к статье, должны быть черно-белыми, контрастными, рисунки — четкими.

5. В конце представленных материалов следует указать фамилию, имя, отчество автора, полный почтовый адрес, телефон, ученую степень, звание, должность и место работы, контактную информацию (e-mail или телефон). Материал должен быть подписан всеми авторами.

6. Направление в редакцию ранее опубликованных и принятых к печати в других изданиях работ не допускается.

7. Материалы, представляемые к публикации в журнале, должны пройти научную экспертизу и сопровождаться положительной рецензией.

8. Редакция оставляет за собой право осуществлять литературную правку, корректирование и сокращение текстов статей.

9. Рукописи аспирантов публикуются бесплатно.

ИНТЕЛЛИГЕНЦИЯ И МИР
Российский междисциплинарный журнал
социально-гуманитарных наук

2016 № 1

Директор издательства *Л. В. Михеева*
Редактор *М. Б. Балябина*
Технический редактор *И. С. Сибирева*
Компьютерная верстка *Н. Г. Юркина, Т. Б. Земсковой*

Дата выхода в свет 24.03.2016 г.
Формат 60 × 84¹/₁₆. Бумага писчая. Печать плоская.
Усл. печ. л. 8,1. Уч.-изд. л. 7,0. Тираж 100 экз.
Заказ № 69. Цена свободная

Адрес редакции (издателя): 153025 Иваново, ул. Ермака, 39
Факс: (4932) 32-66-00 E-mail: vs_memetov@mail.ru

Отпечатано в издательстве «Ивановский государственный университет»

✉ 153025 Иваново, ул. Ермака, 39
☎ (4932) 93-43-41 E-mail: publisher@ivanovo.ac.ru

